

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова,
О. Н. Ковалева, С. А. Питина,
Е. В. Шелестюк

МИР ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Монография

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2021

УДК 811.161.1
ББК Ш12=411.2
М630

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Рецензенты:

Е. В. Харченко, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного
Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета);
кафедра английской филологии и методики преподавания
английского языка Тюменского государственного университета

М630 **Мир языка и национальная культура: взгляд из современности** : монография / Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева, С. А. Питина, Е. В. Шелестюк. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 240 с.

ISBN 978-5-7271-1730-9

В первой части книги представлен анализ особенностей русской культуры, отраженных в речевой коммуникации, языке, символах и ритуалах. В центре внимания находятся русский речевой этикет, культурные доминанты и ценностные представления через призму языковых единиц и текстов. Вторая часть монографии посвящена сопоставительному лингвокультурологическому изучению универсального и уникального в русской и англоязычных лингвокультурах, а также анализу концептосфер русской и англоязычной военной поэзии с применением автоматизированных методов. Книга адресована широкому кругу лиц, интересующихся проблемами сопоставительной лингвокультурологии и когнитивных исследований на материале неблизкородственных языков.

УДК 811.161.1'27
ББК Ш12=411.2,000

ISBN 978-5-7271-1730-9

© Челябинский государственный университет, 2021
© Воронцова Т. А., Голованова Е. И., Ковалева О. Н., Питина С. А., Шелестюк Е. В., 2021

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ЧАСТЬ I. РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ И ДУХОВНЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ	9
ГЛАВА 1. Русский речевой этикет: «свое» и «чужое» (Т. А. Воронцова)	10
Введение	10
1.1. Формализованные этикетные ситуации	11
1.2. Формулы русского речевого этикета в виртуальной коммуникации	17
1.3. Неформализованные этикетные ситуации	21
1.4. Compliment в русском речевом этикете	28
1.4.1. Compliment vs похвала	28
1.4.2. Особенности комплимента как этикетного жанра	31
1.4.3. Compliment в современной русской коммуникации	33
1.5. Речевой этикет в поисках универсального обращения	37
Выводы	49
Список литературы	51
Словари	53

ГЛАВА 2. Культурные доминанты и ценности в русском языке (<i>Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева</i>)	54
2.1. Русский язык и традиционные ценности.....	54
2.2. Осмысление категории времени.....	57
2.3. Символика числа в языке	66
2.4. О «русской» категории рода	73
2.5. Идея служения в национальном сознании.....	82
2.6. Доминанта искренности как кредо русского человека.....	90
2.7. Аксиологические доминанты русской культуры в современном художественном тексте.....	95
Список литературы	100
Словари	105
ЧАСТЬ II. РУССКАЯ И АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ: Контрастивный анализ	107
ГЛАВА 3. Универсальное и уникальное в лингвокультурах России, Великобритании и Америки (<i>С. А. Питина</i>).....	108
3.1. Автостереотипы и гетеростереотипы в лингвистике повседневности	108
3.2. Названия праздников в американском и британском вариантах английского языка	120
3.3. Английские и русские этнонимы.....	123
3.4. Английские и русские названия растений	129
3.5. Английские и русские топонимы	133
3.6. Английские и русские микротопонимы.....	141
3.7. Гибридизация в эргонимах.....	145
3.7.1. Гибридизация в названиях кафе и ресторанов ...	146
3.7.2. Англизация и гибридизация в локальных названиях образовательных центров, туристических фирм и книжных магазинов	153
3.8. Межкультурный коммуникативный диссонанс в эргонимах.....	161
Список литературы	165
Словари	168
Источники	168

ГЛАВА 4. Изучение концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии (с применением автоматизированных методов) (<i>Е. В. Шелестюк</i>).....	170
Введение	170
4.1. От семантического к концептуальному анализу текста	175
4.2. Методологические подходы к концептуальному анализу корпуса текстов	184
4.3. Концептосфера и семантическое пространство. Концептуальные и семантические поля	187
4.4. Особенности художественного концепта	193
4.5. Классификация концептов	196
4.6. Концептосферы русскоязычной и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне	198
4.6.1. Ядро концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии	206
4.6.2. Ближняя периферия концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии	216
4.6.3. Дальняя периферия концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии	224
Выводы и заключение	232
Список литературы	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	240

Предисловие

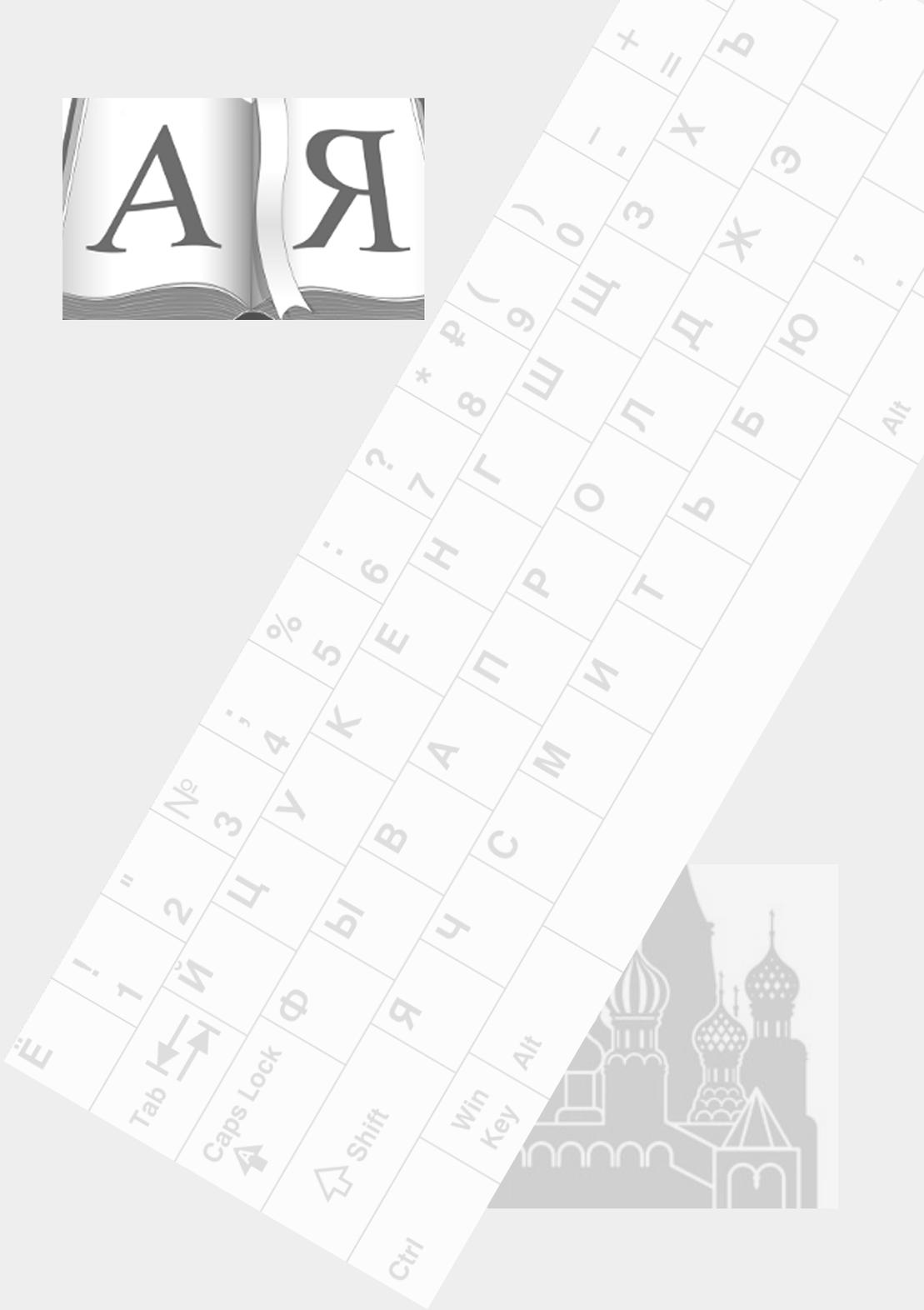
Настоящая коллективная монография раскрывает важные аспекты русской и зарубежных лингвокультур при помощи совокупности методологических подходов: исследование коммуникативного сознания и отражающего его речевого этикета; изучение лингвоконцептуальных смыслов и воплощающих их языковых форм; сопоставительный анализ лингвокультур с целью выявления универсальных и уникальных концептов; рассмотрение концептосфер, отраженных в массиве текстов, которые объединены тематически и темпорально.

Первая часть книги посвящена анализу особенностей русской культуры, отраженных в речевой коммуникации, а также культурных доминант и ценностей, воплощенных в лексемах, фразеологизмах, паремиях русского языка, символах и ритуалах русской культуры. В первой главе в центре внимания находится русский речевой этикет, культурные доминанты и ценностные представления через призму речевой коммуникации. Здесь определены формализованные этикетные ситуации, формулы русского речевого этикета в виртуальной коммуникации. Особое внимание уделяется комплименту и похвале, в том числе в ракурсе этикетного жанра. Поднимается вопрос о поиске формул и параметров речевого этикета как средства универсального обращения. Вторая глава рассматривает культурные доминанты и ценности в русском языке. Здесь осмысляются традиционные славянские ценности, выявляется специфика категорий времени и рода, символика числа в русской лингвокультуре. На основе языкового и символично-семиотического воплощения анализируются идея служения в русском национальном

сознании, доминанта искренности как кредо русского человека, наконец, аксиологические доминанты русской культуры выявляются в современном художественном тексте.

Вторая часть представляет сравнительно-сопоставительный (контрастивный) анализ русской и англоязычных лингвокультур. В третьей главе анализируется универсальное и уникальное в лингвокультурах России, Великобритании и Америки, выявляются автостереотипы и гетеростереотипы в лингвистике повседневности. Рассматриваются названия праздников в американском и британском вариантах английского языка, английские и русские этнонимы, названия растений, топонимы и микротопонимы. Изучается феномен англоизации и гибридизации в эргонимах, названиях кафе и ресторанов, русских локальных названиях образовательных центров, туристических фирм и книжных магазинов, фиксируется межкультурный коммуникативный диссонанс в эргонимах. В четвертой главе представлено исследование концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии с применением автоматизированных методов. Здесь постулируется семантический подход к концептуальному анализу текста, сопоставляются понятия концептосферы и семантического пространства, концептуального и семантического поля, раскрываются особенности художественного концепта, описываются концептосферы русской и англоязычной поэзии, посвященной Второй мировой войне, на основе SEO- и кластерного анализа.

Книга адресована широкому кругу лиц, интересующихся проблемами сопоставительной лингвокультурологии и когнитивных исследований на материале неблизкородственных языков.

A decorative graphic in the top-left corner of the page, showing a portion of a keyboard. It includes keys labeled 'Shift', 'Win Key', 'Menu', and 'Ctrl'.

Часть I

Русский язык
в пространстве
современной
коммуникации
и духовные константы
русской культуры

ГЛАВА 1

Русский речевой этикет: «свое» и «чужое»

Введение

Этикет как система коммуникативных ритуалов присутствует в каждой национальной культуре в любую эпоху. Существуют универсальные правила этикета для любого этноса, например приветствие утром или при первой встрече (человеческая психика делит время на сутки). При этом конкретное воплощение универсальных норм может быть своим у представителей различных культур. Есть правила этикета, свойственные определенному историческому периоду или определенному этносу.

В целом нормы этикета — это культуроспецифичный феномен. Вместе с тем на этикет как компонент национального поведения значительное влияние могут оказывать другие поведенческие культуры. Это происходит, как правило, при расширении международных связей и активизации межкультурного взаимодействия во всех сферах жизни. В конце XX века до этого относительно закрытый российский (советский) социум оказался в ситуации активного взаимодействия и воздействия западной и прежде всего американской культуры. В русский язык хлынули американизмы, коммуникативное поведение во всех сферах и дискурсах стало стремительно меняться в сторону западных стандартов. Это не могло не коснуться и такого аспекта национального речевого поведения, как речевой этикет. Не случайно в конце XX — начале XXI века появилось большое количество лингвистических исследований, посвященных речевому этикету. Как отмечал М. А. Кронгауз, «мы имеем дело с очевидным разрушением некоторых старых этикетных норм и постепенным, не всегда очевидным складыванием нового речевого эти-

кета. Те языковые и речевые процессы, которые доставляют множество проблем, а порой бывают просто мучительны для носителей языка, для лингвиста оказываются исключительно важным и интересным материалом, который необходимо исследовать» [Кронгауз 2003: 8]. Сегодня русский речевой этикет претерпевает изменения, связанные не только с инкультурным воздействием, но и с появлением новых способов коммуникации, таких как интернет-общение, общение при помощи СМС, мессенджеров и т. п. В этих условиях важно понять, как меняется русский речевой этикет под воздействием этих процессов.

1.1. Формализованные этикетные ситуации

Речевой этикет, с одной стороны, — часть общего этикета, с другой — воплощение этического аспекта культуры речи. «В широком смысле речевой этикет, связанный с семиотическим и социальным понятием этикета, осуществляет регулирующую роль в выборе того или иного регистра общения. В узком смысле слова речевой этикет составляет функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, просьбы, приглашения, совета, предложения, отказа, согласия, одобрения, комплимента, сочувствия, соболезнования и т. п.» [Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) 1990: 413].

Речевой этикет представляет собой набор коммуникативных ритуалов, которые призваны способствовать оптимизации общения. Как любой ритуал, речевой этикет является своего рода коммуникативной игрой, где в качестве правил выступают, одной стороны, определенные коммуникативные ситуации, с другой — стандарты речевого поведения в каждой ситуации, то есть речевой этикет включает в себя два аспекта: поведенческий и речевой (языковой). На эту двусторонность указывает известный исследователь русского речевого этикета Н. И. Формановская: «Речевой этикет можно определить как регулирующие правила речевого поведения.

Это широкая зона единиц языка и речи, которая словесно выражает этикет поведения, дает нам в руки те языковые богатства, которые накопились в каждом обществе для выражения неконфликтного, “нормального” отношения к людям, а это — отношения доброжелательного. С другой стороны, этикет регулирует сложный выбор наиболее подходящего, наиболее уместного средства именно данным человеком, для его конкретного адресата, в данном конкретном случае, в данной ситуации и обстановке общения» [Формановская 1989: 65]. Эффективность этикетной коммуникации определяется тем, насколько участники общения знают и соблюдают эти правила.

Речевой этикет — это, с одной стороны, определенный набор речевых средств, с другой, — ряд коммуникативных ситуаций, в которых так или иначе реализуются эти речевые (языковые) средства. В большинстве исследований по речевому этикету априори предполагается, что для достижения перлокутивного эффекта в таких коммуникативных ситуациях достаточно выбрать нужную этикетную формулу. Аналогично в коллективном языковом сознании понятие *речевой этикет* ассоциируется в основном с ситуациями, в которых употребление определенных речевых стереотипов — формул речевого этикета — является, с одной стороны, обязательным, с другой, — вполне достаточным для воплощения коммуникативных интенций адресанта.

Однако, на наш взгляд, этикетные ситуации неоднородны с точки зрения приоритетности поведенческого и языкового аспекта. С определенной долей условности их можно разделить на две группы: формализованные, где основным является поведенческий аспект, и неформализованные, где на первый план выходят языковой и речевой аспекты. И. Н. Борисова использует данные термины применительно к речевым жанрам, относя все этикетные жанры к формализованным. При этом, анализируя один из диалогических текстов, она указывает, что «этикетная коммуникативная интенция в контексте межличностных отношений и сближает этикетный жанр поздравления и пожелания по функции с неформализованными речевыми жанрами (комплимент, признание и др.)» [Борисова 2001: 77–78].

К основным формализованным ситуациям можно отнести следующие: приветствие, знакомство, благодарность, отклик на благодарность, извинение, просьба, прощание. Это ситуации, в которых употребление определенных речевых стереотипов — формул речевого этикета — является, с одной стороны, обязательным, с другой — вполне достаточным для воплощения коммуникативных интенций адресанта.

Отбор нужной формулы производится с учетом ряда параметров коммуникативной ситуации: 1) характер общения (формальное — неформальное); 2) возрастное соотношение коммуникантов (разновозрастные — равновозрастные); 3) форма общения (письменная — устная). При письменной форме общения производится более строгий отбор языковых средств, так как нет интонации, логического ударения и др.

Основные свойства формул речевого этикета — их относительная устойчивость и воспроизводимость. Это набор вербальных стереотипов, которые не создаются, а воспроизводятся как целое в процессе общения. А. А. Леонтьев, характеризуя такие речевые формулы, отмечал, что в них воспроизводится «не отдельное высказывание, а комплекс вербального и невербального поведения, соотношенный с той или иной ситуацией» [Леонтьев 1999: 228].

Говоря о воспроизводимости формул речевого этикета применительно к русскому языку, их можно сравнить с фразеологизмами типа *спустя рукава, сломя голову*. В русской этикетной коммуникации формулы речевого этикета так же, как фразеологизмы, могут иметь стилистическую окраску. В зависимости от условий общения выбирается формула с определенными стилистическими параметрами: *прощайте!* — книжное, высокое; *до свидания!* — нейтральное, *пока!* — разговорное, *покеда!* — просторечное (ср.: фразеологизмы *почить в Бозе* и *сыграть в ящик*). Но если фразеологизмы, утрачивая значение каждого элемента, получают новое лексическое значение, общую семантику (*комар носу не подточит* — безусловно), то формулы речевого этикета десемантизированы. «Десемантизация — это распад, уменьшение, или редукция смысла. Это процесс, в соответствии с которым слово или словосочетание в определенной речевой ситуации частично или полностью теряет свое значение» [Зарецкая 1998: 49]. Само значение

существует в языке, но в конкретной речевой ситуации оно не проявляется. Более того, десемантизация этикетных формул находит отражение и в толковых словарях русского языка. Например, глагол *здравствовать* зафиксирован в словарях с соответствующими грамматическими показателями в значении *быть здоровым, благополучно существовать*: *Старик живет и здравствует. ...Ныне здравствующий (живущий в данный момент). Да здравствует! ...Здравствование — существование, пребывание живым и здоровым*. При этом в отдельную словарную статью вынесены слова *здравствуй* и *здравствуйте*, которые квалифицируются как междометие. Вместо значения указана именно соотношенность с речевой ситуацией: *приветствие при встрече* [Большой толковый словарь русского языка 2000: 361; Ожегов 2000: 228]. Следовательно, приветствие *здравствуйте!* — это некий ситуативный знак (*я вас вижу, я вас узнал*), который не имеет полноценного лексического значения. Аналогично в словарях в отдельную словарную статью вынесена форма *прощай(те)!*, которая квалифицируется как частица (!) и определяется как «приветствие при прощании» [Ожегов 2000: 628]. Очевидно, что эта форма (*прощай(те)*) означает только конец коммуникации и сегодня уже никак не связана со значением глагола *прощать* — *извинять (прощать ошибки)*.

В формулах речевого этикета точно так же, как и во фразеологических единицах, утрачиваются грамматические признаки составляющих. Эта утрата может быть частичной. В формулах *здравствуйте!*, *прощайте!* глагол имеет только форму повелительного наклонения, но при этом сохраняет числовую парадигму: *здравствуй!*, *прощай!* Сохранение числовой парадигмы в данном случае определяется коммуникативной значимостью, поскольку позволяет регулировать дистанцию между собеседниками, то есть определенным образом маркирует речевую ситуацию: официальное общение и общение разновозрастных собеседников предполагает использование формы множественного числа. В некоторых формулах наблюдается полная утрата грамматических признаков: *пока!*, *до свидания!*. Причем в первом случае (*пока!*) ситуацию маркирует сам выбор разговорной формулы, во втором — такая маркировка не требуется, поскольку формула нейтральна и приложима

к любой коммуникативной ситуации. О. А. Крылова справедливо указывает на то, что «с точки зрения синтаксиса все эти приветствия не являются предложениями в грамматическом смысле, так как они лишены грамматического значения предикативности (соотнесенности с модально-временным планом). Такие коммуникаты (иногда их называют релятивами) служат не для передачи собеседнику какой-либо информации, не для побуждения кого-либо к действию и не для запроса информации, как обычные повествовательные, побудительные и вопросительные предложения, а являются реакцией на ситуацию или слова собеседника» [Крылова 2001]. Десемантизация обуславливает метафорический характер этикетных формул (*передать привет*) и в этом отношении тоже сближает их с фразеологизмами.

Таким образом, этикетные формулы соотнесены не с понятием (реалией), а с ситуацией «непосредственного общения коммуникантов, которая ограничивается прагматическими координатами «я — ты — здесь — сейчас», которые организуют ядро поля языковых единиц речевого этикета. Грамматическая природа этих единиц определяется дейктическими указателями «я — ты — здесь — сейчас», спроецированными в структуру единиц» [ЛЭС 1990: 413]. Именно отвлеченность от смыслового аспекта приводит к тому, что формализованные этикетные ситуации образуют поведенческую рамку, в которой разворачивается общение.

Формализованные этикетные ситуации — это своего рода «обязательная программа» коммуникации, для выполнения которой коммуникантам достаточно правильно определить параметры речевой ситуации и выбрать соответствующий ей речевой стереотип (формулу речевого этикета).

Для русских коммуникантов формализованные ситуации речевого этикета — это, с одной стороны, показатель речевой культуры, с другой — речевые действия, которые в определенных ситуациях не являются обязательным элементом эффективного общения. Для русского коммуникативного сознания, как отмечают Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин, характерна пониженная императивность этикетных норм: «Этикетные нормы в русском общении недостаточно четкие, высока их вариативность, отклонения от норм речевого этикета

во многих случаях извиняются, считается допустимым говорить “по-простому” (“Мы люди простые”), без соблюдения строгих норм речевого этикета. На людей, нарушающих нормы этикета, смотрят снисходительно — главное, чтобы дело говорил, “главное, чтобы человек был хороший”» [Прохоров 2006: 110]. Это касается прежде всего тех ситуаций, в которых приоритетным является поведенческий аспект (мы назвали их формализованными), поскольку именно наличие/отсутствие этикетных формул в коммуникации является основным маркером дистанцирования собеседников.

В русском коммуникативном сознании использование формул речевого этикета воспринимается как способ создать дистанцию между собеседниками. Чем больше таких формул и чем сложнее они по структуре, тем больше эта дистанция. Этим объясняется возможность использования этикетных формул в конфликтной ситуации. При взаимодействии с излишне агрессивным собеседником при помощи акцентированного употребления этикетных формул мы даем ему понять, что его поведение выходит за рамки дозволенного. Структурно сложные этикетные формулы будут быстрее замечены собеседником (ср.: *извините — позвольте принести вам свои извинения*). Кроме того, архаичные формулы речевого этикета могут быть использованы как средство иронии и могут оказывать на собеседника гораздо более сильное эмоциональное воздействие, чем негативно окрашенная лексика (*Премного Вам благодарен!; Не извольте беспокоиться!*).

Несмотря на столь неоднозначное отношение носителей русской лингвокультуры к формализованным этикетным ситуациям, за последние десятилетия эта область речевого этикета в российской коммуникации активно развивается.

Во-первых, расширяется сфера реализации таких этикетных ситуаций. Этикетные формулы обязательно употребляются при общении в сфере обслуживания, например в магазинах, банках и др. Активное использование формул этикета в сфере сервиса появилось в результате обучения персонала клиентоориентированному поведению, необходимому в условиях рыночной конкуренции. В данном случае образцом речевого поведения стали западноевропейские и американские сервисные стандарты. Для носителей русской лингвокультуры

использование формализованных этикетных формул в сфере обслуживания было непривычным в первые постсоветские годы, когда память о «ненавязчивом» советском сервисе была еще свежа. В современной коммуникации клиент воспринимает такое этикетное общение в сфере услуг как неотъемлемую составляющую данной речевой ситуации — например, сам начинает общение с обязательного приветствия.

Во-вторых, пополняется арсенал русских этикетных формул. Появились новые формулы: *Хорошего дня!*; *Хороших выходов!* и др.

В целом данная группа этикетных ситуаций применительно к реальному общению меняется достаточно медленно. При этом не следует забывать, что значительная доля коммуникации сегодня переместилась в виртуальное пространство, где формируются новые формы, правила и средства речевого взаимодействия.

1.2. Формулы русского речевого этикета в виртуальной коммуникации

В последние 20 лет коммуникация как в России, так и во всем мире претерпевает существенные изменения за счет развития новых технологий. Развитие коммуникации посредством различных технических устройств (компьютер, смартфон и т. д.) существенно изменило процесс общения, в том числе речевой этикет.

Как показывают исследования, традиционная коммуникативная рамка в российской виртуальной коммуникации становится все более факультативным элементом, особенно в неформальной коммуникации в ситуациях долговременного общения. Л. С. Патрушева, исследовавшая жанр интернет-форумов, сравнила речевое поведение участников русских и испанских интернет-форумов. Как оказалось, на российских форумах собеседники в большинстве случаев игнорируют этикетную рамку общения: они включаются в полилог без приветствия и покидают форум без прощания. При этом такое речевое поведение воспринимается другими участниками общения как норма. В качестве основных причин данного

явления Л. С. Патрушева указывает на такие особенности русского коммуникативного сознания, как то, что, во-первых, в реальной коммуникации русские здороваются только со знакомыми людьми, тогда как виртуальное общение предполагает широкий круг собеседников, общение с которыми иногда сводится к одной-двум репликам, во-вторых, коммуникант встраивается в начавшийся ранее полилог, а потому старается сделать это как можно более органично, не отвлекая внимания других участников общения. Это касается и отсутствия формул прощания: на русских форумах участники не обозначают свой выход из общения, вероятно, таким образом оставляя для себя возможность в любой момент вновь включиться в коммуникацию: «Русские считают, что на форуме нет понятия времени, нет понятия начала нового дня. Общение будто не прерывается, а продолжается с приходом/уходом участников» [Патрушева 2015: 83]. Испанцы в отличие от русских обязательно используют формулы приветствия, прощания, благодарности. В испанском виртуальном общении существует такой же этикет, что и в реальном. Как отмечается в исследовании, испанцы здороваются вне зависимости от времени написания сообщения (времени суток), степени знакомства, темы, гендерного фактора, используя для приветствия те же формулы, что и в реальной коммуникации: *Hola* (Привет), *Buenas a todas/os* (Здравствуйте всем), *Hola a todas/os* (Привет всем). Точно так же завершение сообщения обязательно сопровождается этикетной формулой *un saludo* (привет/пока) [Там же: 82–90].

Анализ текстов различных жанров виртуальной коммуникации позволяет говорить о том, что отсутствие коммуникативной рамки является общей тенденцией для русского виртуального общения. При этом можно отметить одну особенность: в электронных письмах речевые формулы приветствия и прощания употребляются более или менее последовательно. Это связано прежде всего с возрастной стратификацией. Люди старшего возраста используют электронную почту как для личной, так и для деловой переписки. Для них наличие коммуникативной рамки в любом письменном послании является важным и традиционным компонентом коммуникации по аналогии с бумажными письмами личного характера, где формулы приветствия

и прощания были обязательным элементом. Коммуниканты, которым 30–40 лет, и более молодые предпочитают вести личную переписку в мессенджерах и используют электронную почту преимущественно для официально-деловой коммуникации, где этикетные формулы – обязательный компонент делового общения.

В мессенджерах и СМС-коммуникации коммуникативный акт представляет собой диалог в виде обмена короткими сообщениями. Если общение начинается с приветствия: *Добрый день!*; *Добрый вечер!* или *Доброе утро!*, – то ответная реплика может начинаться с редуцированной формулы: *Добрый!*; *Доброе!* Ср.:

– Елена, **добрый день!** Можно к Вам записаться на любое время в течение этой недели?

– **Добрый!!!** Татьяна, я 28-го уезжаю. Все занято.

Значительно реже встречается другой вариант редукции этикетной формулы, когда в ответной реплике используется только вторая часть: *Утро!* *День!* *Вечер!*

Возможно, такие формы появляются под влиянием английских формул приветствия: «Английские формулы приветствия отличаются демократичностью. Такие формулы, как *Good morning / Good afternoon / Good evening*, имеют оттенок формальности и в большей степени характерны для официального стиля общения. ...Их менее формальными вариантами являются усеченные формулы *Morning, Afternoon, Evening*, которые употребляются в неформальной обстановке и часто сопровождаются именем адресата: *Morning, Ted / Afternoon, Sam / Evening, Janet*. При обращении к группе знакомых людей (к друзьям, ученикам, студентам, соседям и т. д.) используется приветствие *Morning lads/guys/folks*» [Ларина 2009: 323].

Обратим внимание на то, что в английском речевом этикете такие усеченные формулы являются нормой для неформального общения и не связаны со способом коммуникации (реальная/виртуальная, письменная/устная). В русском речевом этикете такая редукция наблюдается исключительно в письменной коммуникации в мессенджерах и СМС-переписке и характерна в основном для неформального общения коммуникантов 20–30 лет.

Редукция второго элемента формулы (*Добрый!*) для носителя русского языка выглядит вполне логичной, так как в усеченной формуле используется слово с положительной эмоционально-экспрессивной коннотацией, что вполне соответствует его представлениям о речевом этикете. Не случайно такая форма приветствия встречается довольно часто и не зависит от возраста коммуникантов. Редукция первого элемента (*Утро!*) не только полностью десемантизирует первоначальный смысл этикетной формулы (приветствие-пожелание), но и нарушает логику речевого взаимодействия. Коммуниканты либо воспринимают коммуникативную рамку как абсолютную условность, некий формальный элемент начала коммуникации (экономия речевых, в данном случае и физических усилий — лень писать полностью), либо просто калькируют формулы английского этикетного взаимодействия.

Формулы прощания при общении в мессенджерах и СМС-коммуникации, как правило, используются лишь тогда, когда необходимо специально подчеркнуть завершение коммуникации, чтобы речевой партнер не ждал следующего сообщения. Для этого используются такие формулы, как *до встречи* (если предполагается реальное общение), *до связи* (если предполагается опосредованное общение). Из формул прощания, используемых в реальной коммуникации, употребляются исключительно формулы-пожелания: *Спокойной ночи! Хорошего дня! Всего доброго!* Традиционные формулы прощания: *До свидания! Пока!* и др. — в виртуальной коммуникации практически не используются.

Анализ речевого этикета в русской виртуальной коммуникации позволяет говорить о том, что для носителя русского коммуникативного сознания при обозначении границ коммуникативного акта виртуальное общение существенно отличается от реального¹. При непосредственном взаимодействии начало/конец реального общения манифестируется не только вербально, но и физически (коммуниканты встретились/разошлись): невербальное действие сопровождается или предваряется вербальным. В виртуальной коммуникации имеет значение кратность взаимодействия. Если общение происходит только один раз и не предполагает продолжения, коммуникативная

¹ В отличие, например, от испанцев (см. выше).

рамка чаще всего присутствует. Обычно это происходит в деловой коммуникации между незнакомыми или малознакомыми коммуникантами. При длительном общении между знакомыми коммуникантами даже в деловой переписке коммуникативная рамка может не соблюдаться.

1.3. Неформализованные этикетные ситуации

Далеко не во всех случаях этикетное взаимодействие представляет собой обмен устойчивыми речевыми формулами, которые частично или полностью десемантизированы [Воронцова 2003: 115–122]. В ряде этикетных ситуаций предполагается непосредственное положительное воздействие на собеседника. В таких случаях адресант должен с той или иной степенью эксплицитности выразить свое отношение к адресату и к событию. В данных этикетных ситуациях на первый план выходит речевой (языковой) аспект, поскольку речевые стереотипы неспособны выполнять функцию эмоционального воздействия. Эмпатическая составляющая данных ситуаций предполагает «творческий подход» к выбору языковых средств. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров называют такие ситуации *вариабельными* [Верещагин 1976]. Мы обозначим их термином *неформализованные*.

К числу таких неформализованных (вариабельных) этикетных ситуаций могут быть отнесены следующие: поздравление, пожелание, соболезнование (выражение сочувствия), приглашение, комплимент, ответ на комплимент и др. Если формализованные ситуации — это лишь поведенческая рамка общения, то неформализованные ситуации информативны: сама ситуация задает тему коммуникации, то есть служит поводом для общения. У формализованных и неформализованных этикетных ситуаций разные психологические задачи и разный механизм коммуникативного воздействия. В формализованных этикетных ситуациях, отвлекаясь от смысловой стороны, при помощи наличия/отсутствия этикетных формул мы демонстрируем соответствие/несоответствие речевого поведения установленным нормам или оцениваем культурный уровень

собеседника. Применительно к данным ситуациям можно говорить об опосредованном воздействии речевых средств.

В неформализованных этикетных ситуациях предполагается, что именно отбор и организация языковых и речевых средств должны оказывать эмоциональное воздействие на собеседника. Здесь в отличие от формализованных ситуаций важна не просто фиксация ситуации: адресант выражает (по крайней мере должен выразить) свое отношение к адресату и к событию. Эмпатическая составляющая данных ситуаций определяет отбор и организацию языковых и речевых средств в каждом конкретном случае. В данной группе этикетных ситуаций стандартные речевые средства как маркеры ситуаций в основном недесемантизированы: например, перформативные глаголы, входящие в состав стандартных формул (*поздравляю + с + сущ. в твор. п.; желаю + сущ. в род. п. и др.*), сохраняют свое первоначальное значение. Исключение составляют немногочисленные формулы, которые, скорее, соответствуют первому типу этикетных ситуаций: *добро пожаловать!* — это уже формула не столько приглашения, сколько приветствия; *счастливого пути* — формула прощания (ср. аналогично: *приятного аппетита* и т. п.).

Неформализованные этикетные ситуации имеют бесконечное множество конкретных реализаций: поздравлять можно с днем рождения, с новосельем, с рождением ребенка и т. д.; приглашать можно в гости, на танец, на выставку и т. д.

В зависимости от конкретной ситуации может варьироваться, во-первых, объем речевых средств (от одного слова *Поздравляю!* до развернутого текста), во-вторых, отбор и организация языковых и речевых средств.

В русском коммуникативном сознании данные этикетные ситуации воспринимаются с определенной долей парадоксальности. Парадоксальность в оценке данных этикетных ситуаций состоит в том, что их коммуникативная сущность (предполагаемые коммуникативные интенции адресанта и перлокутивный эффект) и предлагаемое речевое воплощение вступают в явное противоречие.

С одной стороны, длительное господство официально-делового стиля сформировало отрицательное отношение к устой-

чивым формам речевой реализации данных ситуаций. Клишированные выражения, закрепившиеся в советской практике речевого этикета: *поздравляем с достигнутыми успехами, желаем успехов в труде и счастья в личной жизни* и т. д., — выработанные официально-деловым стилем, для носителя русского языка изначально являются эмоционально опустошенными и не могут выполнять функцию эмоционального воздействия на адресата.

Точно так же воспринимаются носителем русского языкового сознания штампы — метафорические выражения, «затертые» от постоянного употребления, а потому утратившие первоначальную образность. Данное речевое средство часто используется в неформализованных этикетных ситуациях (*Желаю сибирского здоровья и кавказского долголетия!*). «Языковая единица оказывается некачественной по своей сути и потому не передает адресату тех сведений, на которые рассчитывает адресант, — это и есть речевой штамп... Речевой штамп — это опустошенный языковой знак, серийное речевое средство» [Муравьева 2002: 123].

Использование клише и штампов приводит к десемантизации на уровне текста: фиксируется лишь сама этикетная ситуация, ее смысловое и эмоциональное содержание становится неактуальным для адресата. Например, в этикетной ситуации поздравления мы часто отмечаем лишь сам факт поздравления тем или иным адресантом (*Маша поздравила, директор поздравил* и т. д.). Исключение составляют случаи, когда неформализованная ситуация приобретает характер формализованной — например, поздравление с всеобщими праздниками: *С Новым годом!*

Носитель русского языкового сознания реагирует на стереотипизацию речевых средств в данных ситуациях особенно остро. Использование речевого стереотипа в неформализованной этикетной ситуации может привести к нежелательному перлокутивному эффекту, противоположному намерениям адресанта. В автобиографической повести «Мой мастер» В. Токарева, рассказывая о последней встрече с Константином Симоновым, описывает ситуацию, когда комплимент оказывает на адресата отрицательное эмоциональное воздействие именно за счет того, что он стандартизован.

«Незадолго до смерти я встретила Константина Михайловича в Доме литераторов и испугалась: так он изменился. Я смутилась и сказала, чтобы скрыть испуг:

— Вы хорошо выглядите.

Оказывается, я была восьмым человеком в этот день, который сказал ему именно эти слова: “Вы хорошо выглядите”. Все реагировали одинаково: пугались и торопливо, неловко скрывали свой испуг. И Симонов понял, что дела его плохи».

Отбор и организация языковых и речевых средств, используемых в неформализованной этикетной ситуации, определяется, во-первых, психологическим, во-вторых, эстетическим факторами.

Психологическая точность отбора языковых средств обусловлена прежде всего тем, что в данных ситуациях текст должен оказывать положительное эмоциональное воздействие. Это связано с учетом фактора адресата и речевой ситуации в целом. Так, поздравление, обращенное к жениху: *«Вася, поздравляю тебя с лишением свободы и собраний на всю оставшуюся жизнь!»* — не вызовет отрицательных эмоций только в том случае, если у жениха и особенно у невесты все в порядке с чувством юмора. Очевидно, что словосочетания «лишение свободы» и «оставшаяся жизнь» вызывают негативные ассоциации и вряд ли способны улучшить настроение новобрачным.

В русском коммуникативном сознании потребность в эстетизации языковых средств в неформализованных этикетных ситуациях проявляется как стремление уйти от речевых стандартов. При этом носитель русского коммуникативного сознания часто ассоциирует небанальность и оригинальность текста не столько с содержанием, сколько с формой. Именно этим обусловлено появление в русском речевом этикете стихотворных этикетных текстов. В настоящее время такая традиционная форма, как поздравительные открытки, представлена преимущественно с готовыми текстами стихотворных поздравлений. В русскоязычном Интернете существует множество сайтов, предлагающих готовые стихотворные тексты на все этикетные случаи. Сам факт длительного существования таких сайтов и их количество свидетельствуют о том, что эти тексты востребованы в русской этикетной коммуникации.

Приведем несколько примеров таких текстов:

1. *Поздравляю с самым важным
И прекрасным в жизни днем.
Пусть отныне и навеки
Счастье освещает дом.
Пусть на сердце — только радость,
Пусть любовь горит огнем,
Каждый день — в душе лишь сладость
Оттого, что вы вдвоем!*
(<http://pozdravok.ru/pozdravleniya/svadba/>)
2. *Сегодня день рожденья у тебя,
А сколько лет — значенья не имеет.
Так оставайся бодрой, как всегда,
И сердце никогда пусть не стареет!
Желаю бодрости душевной,
Успехов в жизни повседневной,
Здоровья крепкого всегда,
Не падать духом никогда!*
(<https://pozdravland.ru/>)
3. *С Днем учителя поздравить
Вас сегодня вновь спешим,
В праздник хочется направить
Вам тепло своей души!
Мы уроки Ваши помним,
Вашу строгость, доброту,
Вам желаем: пусть исполнит
Жизнь заветную мечту!*
(<https://vseh-pozdravim.ru/>)

Очевидно, что данные тексты не имеют никакого отношения к поэтической эстетизации текста. Однако здесь нельзя не учитывать то, что художественная эстетизация этикетного текста включает в себе определенное противоречие с точки зрения воздействия на адресата. С одной стороны, эстетические требования к этикетному тексту предполагают активное использование изобразительно-выразительных средств: метафор, сравнений, гипербол, эпитетов и т. д. С другой — психологические задачи этикетного текста требуют однозначно, недвусмысленного понимания текста адресатом. Успешно преодолеть такое противоречие можно, лишь в полной мере

владея языком, чувствуя все нюансы употребления языковых средств. Нарушение эстетического и психологического баланса этикетного текста приводит к коммуникативным неудачам. Так, в фильме «Отцы и деды» по сценарию А. Инина и Ю. Егорова один из героев пытается сделать комплимент немолодой женщине. «Вы женщина в самом соку», — говорит он ей. Женщина обижается. Комплимент не соответствует своей задаче по языковым параметрам: «в самом соку» — разговорная метафора с ироническим оттенком. Герой пытается исправить оплошность. «Надо ж про вас сказать такое, — сетует он. — Какая же вы женщина в самом соку?!». Героиня вновь обижена. Речевой партнер допускает на этот раз психологическую ошибку: в его высказывании явно просматривается намек на возраст.

Перлокутивная несостоятельность стандартных речевых средств в ситуациях, которые мы назвали неформализованными, признается самими адресантами: в прагматических клише устойчивые формулы речевого этикета оцениваются говорящим как «банальные слова», «дежурные фразы» и т. д.

Ср.: *«Желаю всем благоразумия и мира, любви и согласия, здоровья и долгих лет жизни. Наверное, я говорю сейчас банальные вещи...»* (из интервью с К. Филимоновым // Проект 99. 2002. 22 окт.).

Если коммуниканты являются близкими людьми, то сама этикетная ситуация может осознаваться ими как необходимая формальность, несмотря на то что говорящий избегает клишированных речевых средств. В этом отношении показателен диалог, который приведен в исследовании И. Н. Борисовой [Борисова 2001: 76]. Это ситуация поздравления с днем рождения, где коммуникантами являются близкие подруги:

Л.: *Юлечка! Привет, это Лена!*

Ю.: *Привет! Я тебя всегда узнаю, можешь не представляться.*

Л.: *Звоню поздравить тебя с днем рождения!*

Ю.: *Да, по-моему, в нашем возрасте уже нужно не поздравлять, а сочувствие выражать (СМЕЕТСЯ).*

Л.: *Ну знаешь, дорогая, тебе грех жаловаться: тебе твоих лет еще никто не давал (СМЕЕТСЯ).*

Ю.: *Ну-ну, продолжай в том же духе, лей бальзам на раны.*

Л.: *Не съть мне соль на сахар? (СМЕЮТСЯ) <...>*

Л.: *Юлечка! Хочу произнести sacramентальные фразы. Потерпи две секунды.*

Ю.: *Ну давай, я вся внимание.*

Л.: *Юлик! Поздравляю тебя! Хочу пожелать тебе, конечно, здоровья: без него все остальное не в радость! Еще много-много любви: это поднимает тонус! Оставайся всегда такой же молодой, красивой и обаятельной нам на радость!*

Ю.: *(СМЕЕТСЯ) Ой, красиво говоришь...*

Л.: *И главное — покоя. Пусть твои муж и дети доставляют тебе только радость своими успехами!*

Ю.: *Да, это важно, но нереально,*

Л.: *И вообще, возраст — это твое внутреннее ощущение, так что чувствуй себя всегда на шестнадцать!*

Ю.: *Ну ладно, ты загнула. Хоть на двадцать пять, и то хорошо!*

Л.: *Ладно, не скромничай!*

Ю.: *Ну спасибо, дорогая, ты умеешь превратить горе в праздник!*

Обратим внимание на то, что адресант предваряет собственно этикетный текст фразой: «Юлечка! Хочу произнести **sacramентальные фразы** / **потерпи две секунды**», то есть сама этикетная ситуация репрезентируется как обязательная формальность. При этом адресат иронически комментирует этикетный текст (*красиво говоришь; это нереально; ну это ты загнула*), тем самым подчеркивая условность ситуации.

В виртуальной коммуникации носителей русского языка молодого возраста такие этикетные ситуации чаще всего не разворачиваются в объемный текст, а лишь обозначаются короткими разговорными формулами: *С Днюхой! С Днем Варенья!* и т. п.

Итак, в этикетных ситуациях, которые мы назвали неформализованными, основная коммуникативная нагрузка ложится на те речевые средства, которые оказываются за пределами этикетной формулы. Этикетная формула (поздравляю с..., желаю... и т. п.) служит маркером речевой ситуации и не более того. Воплощение коммуникативных интенций адресанта и перлокутивный эффект в указанных ситуациях может быть достигнут за счет использования небанальных речевых

средств. Применительно к такого рода речевым ситуациям речевой этикет предполагает отбор релевантных языковых средств, не являющихся речевыми стереотипами.

1.4. Комплимент в русском речевом этикете

Среди этикетных ситуаций, в которых речевой аспект является приоритетным (поздравление, пожелание и др.), комплимент занимает особое положение. Такие жанры, как поздравление и пожелание, хотя и предполагают вариативное речевое воплощение, тем не менее включают в себя устойчивые речевые формулы (*поздравляю* + с + сущ. в твор. п.; *желаю* + сущ. в род. п. и др.), где в качестве маркеров этикетной ситуации выступают перформативные глаголы. Наличие таких маркеров позволяет адресату безошибочно распознать интенцию адресанта и отреагировать на высказывание в соответствии с правилами речевого этикета. Специфика комплимента заключается в том, что у него нет таких специальных маркеров, позволяющих адресату однозначно квалифицировать высказывание как этикетное, то есть предполагающее стандартную реакцию (благодарность). Отсутствие жанрового стандарта комплимента обуславливает определенные требования к его речевой реализации. «...В отличие от чисто ритуальных речевых тактик (типа приветствия, прощания, соболезнования и др.) комплимент предполагает творчество говорящего: изысканные комплименты всегда оцениваются выше незатейливых штампов», — справедливо отмечает О. С. Иссерс [Иссерс 2003: 188].

Этот факт в значительной степени объясняет то многообразие подходов в определении статуса комплимента, которое наблюдается в лингвистических исследованиях.

1.4.1. Комплимент vs похвала

В большинстве лингвистических работ, посвященных изучению комплимента [Иссерс 2003; Серебрякова 2002; Федосюк 1997 и др.], исследователи видят одну из ключевых проблем в разграничении комплимента и похвалы. При этом комплимент

и похвала (одобрение) обычно рассматриваются как явления одного порядка: либо как речевые жанры [Федосюк 1997, Во-лынкина 2009], либо как речевые акты [Серебрякова 2002], либо как речевые тактики [Галимова 2009; Иссерс 2003, Коробова 2007]. При таком подходе практически все исследователи отмечают, что разграничить похвалу и комплимент достаточно сложно [Иссерс 2003; Серебрякова 2002; Федосюк 1997 и др.]. По мнению М. Ю. Федосюка, «комплимент можно с большей или меньшей степенью объективности отличить от похвалы лишь с учетом характера ситуации общения, личностей коммуникативов, их пола и отношений между ними» [Федосюк 1997]. О. С. Иссерс, рассматривая комплимент и похвалу как речевые тактики, видит различие между ними, во-первых, в целеустановке говорящего («для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента — способом сообщить о добрых чувствах»), во-вторых, в пропозициональном содержании (похвала — оценка достижений, комплимент в плане содержания неограничен) [Иссерс 2003: 178—179]. При этом автор отмечает, что комплимент может быть использован в составе других речевых тактик, например в уговорах [Там же: 180]. При таком понимании на практике отличить комплимент от похвалы можно далеко не всегда.

Нецелесообразность противопоставления похвалы и комплимента становится очевидной, если обратиться к понятию речевого жанра. В современной российской лингвистике при всем многообразии толкований понятия *речевой жанр* за точку отсчета чаще всего берется концепция М. М. Бахтина. Как известно, М. М. Бахтин определяет речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [Бахтин 1979: 255]. По М. М. Бахтину, такое высказывание характеризуется, во-первых, предполагаемой сменой субъектов речи, а во-вторых, смысловой завершенностью. Критерием завершенности высказывания М. М. Бахтин считает «возможность ответить на него, точнее и шире — занять в отношении его ответную позицию» [Там же: 268—269]. Исходя из этого основным критерием самостоятельности речевого жанра можно считать наличие стратегической установки — цели высказывания, распознавание которой позволяет собеседнику соответствующим образом отреагировать на высказывание. «Определив

на основании особенностей языкового воплощения, к какому речевому жанру принадлежит воспринятое им высказывание, адресат получает информацию не только о том, какое воздействие на него стремится оказать говорящий (эта информация именуется обычно иллокутивной целью высказывания), но обо всем комплексе признаков, который характеризует предназначенные для распознавания коммуникативные намерения говорящего и именуется иллокутивной силой» [Федосюк 1997].

Как показывает речевая практика, похвала или одобрение могут использоваться для достижения различных коммуникативных целей. Например: *Свари мне кофе! У тебя это так хорошо получается!* В данном случае очевидно, что использование похвалы призвано способствовать достижению определенной коммуникативной цели — получить желаемое. Еще пример: *Ты же умный человек. Ты понимаешь, что это невозможно.* В данном случае коммуникативная цель высказывания — отказ, а функция похвалы — смягчить отказ. Такого рода примеры свидетельствуют о том, что положительное оценочное высказывание (похвала) не всегда отражает иллокутивную цель говорящего. В связи с этим представляется более логичным рассматривать похвалу не как отдельный речевой жанр, а как речевую тактику, которая может быть использована в разных речевых жанрах и разных типах дискурса. Достаточно вспомнить, что тактика положительной оценки (похвала?!) широко представлена, например, в жанрах научного дискурса. Кроме того, эта тактика может быть реализована по отношению как к непосредственному адресату, так и к любому другому референту высказывания, как одушевленному, так и неодушевленному.

Комплимент — это высказывание, где похвала является основной и единственной речевой тактикой, призванной реализовать стратегическую коммуникативную цель, которая заключается в выражении позитивного отношения к собеседнику. Следовательно, комплимент представляет собой завершенное высказывание, после которого предполагается смена субъектов речи. Как отмечает Н. И. Формановская, комплимент служит «поднятию настроения, созданию дополнительных стимулов к благорасположению и общению и, таким образом, способствуют достижению коммуникативных и внекоммуникативных целей общения» [Формановская 2002: 212]. С этой точки зрения, комплимент,

во-первых, всегда адресован непосредственному собеседнику, во-вторых, является фатическим, следовательно, факультативным элементом коммуникации. Жанровая самодостаточность комплимента проявляется в том, что диалог «комплимент — ответ на комплимент» может представлять собой самостоятельный, вполне законченный коммуникативный акт. В структуре развернутого коммуникативного акта комплимент обычно выступает как метатекстовая ремарка, не имеющая прямого отношения к теме общения. Наличие или отсутствие комплиментарного высказывания никак не влияет на содержательную сторону общения. Например, комплимент иностранному деловому партнеру: «*Вы хорошо говорите по-русски*» — не привносит в процесс деловой коммуникации ничего нового и преследует только одну цель — сделать приятное собеседнику.

1.4.2. Особенности комплимента как этикетного жанра

Пристальное внимание исследователей к комплименту в значительной степени объясняется тем, что в системе этикетных жанров комплимент занимает особое место.

Во-первых, как уже отмечалось, в русской этикетной традиции комплимент практически не имеет специальных речевых средств или устойчивых этикетных формул, которые маркировали бы данный речевой жанр (за исключением разве что высказывания: *Хорошо выглядишь!*)¹.

Во-вторых, его отличие от других этикетных жанров заключается в том, что он не привязан к определенной ситуации: время и место высказывания определяет сам говорящий.

Этикетная сущность комплимента предполагает определенную условность содержания, поэтому в идеале предполагается, что высказанная положительная оценка не должна верифицироваться адресатом. Это означает, что комплимент — это эмотивная коммуникация. По определению Т. В. Лариной, эмотивная коммуникация отличается от эмоциональной тем, что предполагает *сознательную, контролируруемую демонстрацию эмоций*, которая ориентирована на собеседника

¹ М. Ю. Федосюк отмечает, что закрепленных форм комплимента нет и в европейских языках [Федосюк 1997].

и используется говорящим в стратегических целях, тогда как эмоциональная коммуникация — это спонтанное, естественное проявление эмоций в речи [Ларина 2009: 53].

Поскольку комплименты, как правило, не связаны с основной темой коммуникации, они представляют собой тип высказываний, которые Т. В. Ларина определяет как фатические эмотивы: эмоциональная оценка в них «нацелена на то, чтобы сделать приятное собеседнику» [Там же: 154]. Применительно к комплименту собеседник распознает эту интенцию только в том случае, если он имеет представление о правилах и формах этикетного речевого поведения.

Однако в русской коммуникативной культуре комплимент как этикетный жанр осмысливается далеко не так однозначно. В значительной степени это обусловлено спецификой национального речевого поведения. И. А. Стернин, анализируя русское коммуникативное поведение, обращает внимание на то, что «многие нормы культуры речи и культуры поведения осознаются русским сознанием как искусственные, надуманные, противостоящие искренности как важнейшему национальному качеству поведения. Считается, что соблюдение вежливости может быть излишним, это «церемонии», «условности», отражение неискренности в поведении» [Стернин 2000: 365]. Это замечание в полной мере относится и к жанру комплимента. Как пишет М. Ю. Федосюк, «проинформировать адресата с помощью жанровой формы высказывания о том, что в его адрес высказана не похвала, а именно комплимент, — это значит сообщить ему о возможной неискренности оценки». Именно этот фактор, по мнению М. Ю. Федосюка, обуславливает отрицательное отношение к жанру комплимента в русском языковом сознании [Федосюк 1997].

Однако анализ материала современной российской коммуникации в различных дискурсивных сферах¹ не позволяет говорить о каком-либо негативном восприятии носителей русского языкового сознания самого понятия *комплимент*. На это указывает прежде всего активное употребление в речи метатекстовых маркеров жанра (прагматических клише) типа: *позвольте сделать вам комплимент, начну с комплиментов* и т. п.

¹ В данном исследовании используются материалы Национального корпуса русского языка (НКРЯ), неформальной интернет-коммуникации, бытовой и деловой коммуникации.

Ср.: *Позвольте сделать вам комплимент. Вы одна из самых привлекательных женщин в нынешнем составе олимпийской сборной...* [НКРЯ (Советский спорт. 2004. 3 авг.)].

Такие клише позволяют адресату сразу распознать комплимент как этикетный жанр, обладающий определенной долей условности, и принять правила коммуникативной игры. Более того, словом *комплимент* нередко обозначается любая позитивная информация, имеющая отношение к собеседнику.

Ср.: 1. *Американцы в основном скандируют имя Мария. А вам какое обращение больше нравится? — Просто Маша. Я стесняюсь комплиментов* [НКРЯ (Советский спорт. 2010. 8 сент.)]. 2. *«Ребята меня страховали — за это им спасибо», — Рыжиков делает традиционный комплимент защитникам* [Советский спорт. 2010. 25 окт.]. 3. *Едва ли не единственный комплимент от гостей озвучил основатель фонда Дрю Гафф. ...Инвестор заявил: «Россия имеет многие структурные преимущества: низкие налоги, образовательная система. Мне кажется, все присутствующие здесь американцы мечтали бы, чтобы был плоский налог в 13%»* [НКРЯ (РБК Daily. 2010. 26 мая)]. Очевидно, что в данных примерах автор обозначает словом *комплимент* высказывания, которые содержат позитивную информацию, но по своим коммуникативно-прагматическим показателям комплиментами не являются.

Вместе с тем в сознании носителя русской коммуникативной культуры всегда существует определенное опасение, что комплиментарное высказывание может быть воспринято собеседником как неискреннее (например, как лесть). Именно с этим связаны постоянные поиски особого речевого воплощения комплимента.

1.4.3. Compliment в современной русской коммуникации

В современной русской коммуникативной культуре формируется особый стиль комплимента, который обусловлен стремлением адресанта вызвать доверие собеседника к содержанию высказывания. В российском комплиментарном дискурсе можно выделить ряд способов речевой реализации комплимента, которые, с точки зрения говорящего, позволяют адресанту квалифицировать его высказывание как искреннее.

Одним из таких способов является оформление комплимента как высказывания с субъективной модальностью. Напр.: *Я заметила, что вы стали стройнее и моложе...; Мне нравится, как вы работаете... По-моему, по такой красивой, артистичной женщине, как вы, должно просто плакать кино...* [НКРЯ (Труд-7. 2002. 30 марта)].

Субъективный характер оценки также может передаваться как обозначение эмоций говорящего: *Я восхищаюсь вашим умением... Я в восторге... Я наслаждаюсь вашим пением...*

Другим не менее распространенным способом демонстрации искренности является «переформатирование» комплимента из эмотивного в эмоциональное высказывание: в русской речевой коммуникации комплимент часто облекается в форму спонтанного эмоционального высказывания. Маркерами таких высказываний служат прежде всего различные языковые эмоционально-оценочные средства и структурно-синтаксические особенности, свойственные спонтанной разговорной речи.

По М. М. Бахтину, композицию и стиль высказывания определяет не только предметно-смысловое содержание высказывания, но и «субъективное эмоционально оценивающее отношение говорящего» к предмету речи [Бахтин 1979: 263—264]. Экспрессия рождается только «в процессе живого употребления. ...Слово проникается экспрессией говорящего постольку, поскольку он имеет “с ним дело в определенной ситуации, с определенным речевым намерением”» [Там же: 266—268]. Разговорный стиль — устная форма речи, которая, по определению, предполагает неподготовленность высказывания — сказал не раздумывая, значит, искренне, от души. Кроме того, разговорный стиль в сознании носителей языка связан с бытовой, неформальной коммуникацией, которая абсолютно лишена какого-либо пафоса. Разговорная стилистика придает комплиментарному высказыванию шутливо-ироничную тональность, особенно в том случае, если статус адресанта и адресата предполагает высокий уровень коммуникативной компетентности. В этом случае комплимент реализуется как коммуникативная игра, которая сохраняет исходную целеустановку — положительное воздействие на собеседника, но при этом данная целеустановка воплощается в речевых формах, нехарактерных для этикетных жанров.

Одним из наиболее ярких маркеров комплиментарных высказываний такого рода является выражение положительной оценки при помощи междометий. Напр.: *Сделал ей вчера комплимент: «Олечка, вы прямо вся нынче такая вся у-у-ух!»* [НКРЯ (Комсомольская правда. 2010. 14 нояб.); *Мария Игоревна, ну просто ах!* [Разговорная речь. Compliment по поводу внешности].

Кроме того, в функции комплимента широко используется довольно большой арсенал специфических оценочных средств, свойственных исключительно разговорной речи. Это могут быть наречные образования типа *Супер! Класс! Блеск!* и др. (ср.: *Даша, ты супер!*), оценочные прилагательные (ср.: *Зашибенное платье! Обалденная прическа!*).

Для усиления экспрессивной составляющей комплиментарного высказывания нередко используется лексика со значением положительной оценки с уменьшительно-ласкательными суффиксами, представляющая собой образования, свойственные исключительно разговорной речи.

Ср.: *А у тебя фэшнуйенько!* [Из коллекции НКРЯ. 2005]; *Хорошо тебе / стильненько так* [Там же. 2005].

Из синтаксических средств разговорной речи широко представлены неполноструктурные предложения с положительной эмоционально-экспрессивной коннотацией: *Вот это голос!*

Ср.: *Кто-то из посетителей в столовой, сделал комплимент: «Ну, у вас готовят!»* [НКРЯ (Труд-7. 2001. 20 июня)]; *Молодо смотрите! — отвесил я комплимент* [НКРЯ (Комсомольская правда. 2004. 13 июля)].

Не менее разнообразны стилистические средства оформления комплиментарного высказывания. Так, в качестве комплимента широко используются цитаты, источником которых в большинстве случаев являются «массовые» тексты: реклама, популярные песни, крылатые выражения и т. п.

Ср.: *Я не выдержал и экспромтом выдал: «Красоту и статью за версту видеть!»* [НКРЯ (Комсомольская правда. 2004. 26 июля)]; *Маш, ну “нельзя быть красивой такой”*; *«Ах, какая женщина!»* [Цитаты из популярных песен. Разговорная речь]. Выбор источников цитирования обусловлен тем, что прецедентные тексты должны быть легкоузнаваемы адресатом. Такая узнаваемость обеспечивает однозначное

толкование высказывания адресатом и способствует достижению нужного перлокутивного эффекта.

Особый интерес в этом смысле представляют комплименты в виде прецедентных имен собственных: *Шумахер!* (комплимент водителю), *Шварценеггер!* (комплимент сильному или мускулисту мужчине) и т. п. Успешность воздействия таких комплиментов возможна при наличии двух условий: 1) адресат имеет представление об объекте сравнения; 2) положительно оценивает объект сравнения. В противном случае комплимент обречен на коммуникативную неудачу. Ср.: *Надя, ты так похожа на Патрисию Каас! — На эту уродину?!!!* [Разговорная речь].

Положительная оценка может быть выражена в комплиментарном высказывании имплицитно. Например, комплимент может быть оформлен как риторический вопрос: *Ну и как после вас выступить?* (комплимент по поводу научного доклада).

Важно отметить, что разговорная речевая организация комплимента в современной российской коммуникации характерна не только для бытового общения, как это может показаться на первый взгляд, но и для деловой или профессиональной коммуникации. Разговорный стиль комплимента при официальном общении сигнализирует о намеренном сокращении коммуникативной дистанции. Однако это нарушение дискурсивных параметров компенсируется положительной эмоциональностью и экспрессивностью высказывания, свидетельствующих об искренности адресанта. За счет этого переход с официального речевого регистра на разговорный не воспринимается собеседником как фамильярность и даже может выполнять контактоустанавливающую функцию. Например: — *Вы на 9-м месте в списке ста гениев мира. — Не слышал, я не гений, — ответил Перельман слегка раздраженным голосом. Мы решили разрядить обстановку и сделали комплимент: — А прикольная у вас шапочка. Перельман улыбнулся и впервые поднял на нас глаза. — Может, все-таки поговорите с нами? — Может* [Комсомольская правда. 2007. 14 нояб.]. Как видим, в диалоге журналистов с известным математиком Григорием Перельманом установлению контакта способствует именно «неформальный» комплимент.

Таким образом, в современной российской коммуникации речевое воплощение комплимента ориентировано на такие сред-

ства и приемы, которые позволяют адресату квалифицировать высказывание как искреннее. Это и позволяет говорящему оказать положительное воздействие на собеседника, то есть реализовать основную целеустановку комплиментарного высказывания.

1.5. Речевой этикет в поисках универсального обращения

В конце XX века в одном из интервью академик Д. С. Лихачев сказал: «Мы страна без обращения к другому. Вот что я слышал от одного эмигранта, приехавшего в Россию: «Вы знаете, что у вас заменило обращение к другому человеку? Слово “ну”» (Д. С. Лихачев. Я живу с ощущением расставания... // Комсомольская правда. 1996. 5 мая). С этим замечанием Д. С. Лихачева можно соглашаться или не соглашаться, но на протяжении долгих лет и в речевой практике, и в лингвистических исследованиях на отсутствие в русском речевом этикете универсального обращения обращалось особое внимание.

Как известно, обращение является одним из наиболее важных элементов этикетной речевой коммуникации. Именно оно выполняет, во-первых, контактоустанавливающую функцию в начале общения, во-вторых, функцию поддержания контакта в диалоге (ср.: в синтаксисе — вокативные предложения и собственно обращение рассматриваются отдельно).

Пособия по русскому речевому этикету традиционно подразделяют обращения по функционально-семантическому признаку на обращения-индексы (обозначение адресата речи по званию, должности, роду деятельности) и обращения-регулятивы, функция которых — регулировать тон и дистанцию общения [Колтунова 2000: 128].

Специфика речевой ситуации, как правило, не учитывается, то есть с точки зрения адресации вокативы, как правило, не дифференцируются.

Между тем в русском речевом этикете ситуация публичного общения, то есть с множественным адресатом, с точки зрения выбора обращений кардинально отличается от ситуации диалогической коммуникации (непубличного общения).

Так, в русском языке при наличии множественного адресата независимо от того, устная это речь или письменная, монолог или полилог, круг существительных, употребляемых в качестве обращения, достаточно широк. В русской коммуникации обращение к множественному адресату может указывать на социальную роль (*покупатели, клиенты, читатели* и т. д.), профессиональный статус и род деятельности (*преподаватели, бизнесмены, учителя* и др.), возрастные параметры (*дети, выпускники, пенсионеры*) и т. д. В качестве обязательного стандартного атрибута таких обращений выступают прилагательные *уважаемые, дорогие*, выражающие отношение к адресату.

В английской этикетной коммуникации при обращении к множественному адресату независимо от ситуации используется преимущественно обращение *Ladies and gentlemen*. Кроме того, в ситуациях, где в русской коммуникации обращение к множественному адресату обязательно присутствует, в английской коммуникации обращение может не использоваться совсем. Ср.:

- *Уважаемые пассажиры, напоминаем вам, что пользоваться мобильными телефонами запрещено во время всего полета. Компьютерами можно пользоваться после того, как погаснет наше табло.*
- *Passengers are reminded that it is not permitted to use mobile phones during the flight. Computers may be used but after seat belt sign has been switched off* [Ларина 2009: 367–368].

В этой связи интересно отметить, что на международных рейсах российских авиакомпаний аналогичные объявления на английском языке всегда начинаются с обращения *Ladies and gentlemen!*

В письменной коммуникации при обращении к множественному адресату обращения-индексы могут употребляться в форме единственного числа со значением собирательности: *дорогой читатель*.

На рубеже XX и XXI веков исследователи речевого этикета отмечали возможность использования в речи обращений по профессии и по социальному статусу [Формановская 1989; Колтунова 2000 и др.] и в ситуации диалогического общения при апелляции к единичному адресату. «Мы используем в речи

специальные слова-обращения: гражданин, господин, дежурный, доктор, профессор и т. д. ...Такие обращения широко используются в деловой речи. При необходимости обратиться к человеку по званию, должности, роду занятий мы используем обращения-индексы и в повседневной речи» [Колтунова 2000: 228]. В современной речевой практике даже в официально-деловой коммуникации не употребляются обращения, называющие социальный или профессиональный статус адресата. Трудно представить себе, чтобы в реальной коммуникативной ситуации мы использовали обращение *продавец* или *учитель*. Как архаические воспринимаются сегодня обращения *доктор*, *профессор*. Такие обращения можно обнаружить только в анекдотах:

1. — *Доктор, я заболел! Что делать?*
— *Выздоровливайте, скорее!*
— *Спасибо, доктор!*
2. *Доктор, расскажите про какой-нибудь необычный случай на дежурстве.*
— *Да вот, совсем недавно было... Спал всю ночь!*
3. — *Профессор, можно я буду отвечать без подготовки?*
— *Позвольте, уважаемый, но ведь вы уже больше двадцати минут готовитесь!*
— *Да, но я все равно так ничего и не вспомнил.*
4. — *Профессор, а я получу автомат?*
— *Да... и сапоги.*

Из обращений по социальному статусу на слуху только *начальник* или *гражданин начальник*, ситуативно с речевым этикетом явно не связанные. Обозначение лица по должности в функции обращения можно встретить только в письменных текстах официально-делового стиля, то есть при дистантной коммуникации (*господин директор*, *уважаемый редактор* и т. п.). Обращение к начальнику *шеф* в русском языке имеет фамильярно-разговорную стилистическую окраску и встречается в тех случаях, когда в деловой коммуникации преобладают неформальные отношения между начальником и подчиненными (обычно в небольших фирмах, где сотрудников немного), или в анекдотах:

1. *Заместитель говорит своему шефу:*
— *Шеф, я придумал, как наша компания может сэкономить немалую сумму.*
— *Федя, ты что, увольняешься?!*

2. — *Шеф, обычно с работы вылетает тот, кто много говорит. Но я же молчу.*

— *Проблема в том, как ты молчишь. Лучше бы ты говорил.*

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что существительные, называющие лицо по профессии, должности, званию (обращения-индексы), в функции персонального обращения в современном русском речевом этикете отсутствуют.

При анализе этикетной диалогической коммуникации (ситуация непубличного общения) специалисты по речевому этикету акцентировали внимание прежде всего на отсутствии в русском языке универсального обращения, предрекая его появление в ходе дальнейшего развития коммуникации. Так, в конце XX века один из ведущих специалистов в области изучения русского речевого этикета Н. И. Формановская писала: «Установление речевого контакта, регулирование социальных взаимоотношений с помощью обращения — все это его важные общественные функции, поэтому употребление обращений становится предметом забот и обсуждений людей. Недаром время от времени возникают дискуссии о том, как нам обращаться друг к другу. В одной из радиопередач о русском языке решили провести конкурс на лучшее обращение. Ведь нельзя же согласиться с тем, что бытующие сейчас *Мужчина!* и *Женщина!* могут удовлетворить все потребности говорящих. Так что общественный интерес к проблеме обращения оправданно острый» [Формановская 1989: 83].

Как известно, универсальное обращение характеризуется рядом параметров:

- 1) недифференцированность по социальному признаку (*мадам*);
- 2) дифференцированность по половому признаку (в польск. яз.: *пан, пани*);
- 3) отсутствие дополнительных значений и функций;
- 4) нейтральная стилистическая окраска;
- 5) соответствие современному состоянию языка.

В русском языке слова, когда-либо претендовавшие на роль универсального обращения, так или иначе не соответствовали всем этим параметрам. Например, обращение *товарищ* (первоначальное значение — *компаньон*) в российском язы-

ковым сознании отличает не только социальная окрашенность — приуроченность к определенному историческому периоду и определенной социальной группе (деление на *товарищей* и *нетоварищей*), но и отсутствие дифференциации по половому признаку: слово *товарка* является в русском языке просторечным. У слова *гражданин* (*гражданка*) есть целый ряд дополнительных значений: 1) территориальная принадлежность — *гражданин России*; 2) человек, обладающий высокими нравственными качествами — *гражданская позиция* (высок., книж.). К тому же это слово ассоциируется у носителей языка прежде всего с официально-деловым стилем и в современной речевой практике в качестве обращения полностью отсутствует.

Часто встречающиеся в современной разговорной речи обращения *мужчина* и *женщина* также имеют дополнительное значение — обозначение лица по половому признаку. Обратим внимание на то, что в большинстве языков универсальное обращение и обозначение лица по полу не совпадают. Ср.: в польс. яз. *pani* — *kobieta*; *pan* — *mężczyzna*.

В середине XX века и позднее предпринимались попытки вернуть в качестве универсального обращения слова *сударь* и *сударыня*. Известный советский писатель В. Солоухин писал: «Так что же было бы всего приятнее или всего красивее сказать женщине, подавая ей оброненную перчатку? С самым большим удовольствием я бы ей сказал чисто по-русски: *Сударыня, вы уронили...* ...Я твердо убежден, что в результате самых тщательных коллективных и долгих поисков мы все же не найдем более русского, более теплого, более красивого слова, чем “сударыня” или “сударь”». (Солоухин В. Давайте поищем слово // Неделя. 1964. 19—25 янв.).

Такие попытки были заведомо обречены на неудачу хотя бы потому, что для носителя русского языка и в XX веке, и тем более сейчас эти слова осознаются как явно устаревшие. Суффиксы *-арь* и *-ыня* непродуктивны в современном русском языке. В язык могут вернуться историзмы, если старое слово возвращается в язык с новым значением (*гимназия*, *лицей*). Архаизмы, как правило, в язык не возвращаются: вернуть устаревшее слово с прежним значением и в прежней функции практически невозможно. Например, вряд ли получится

заменить современное *самолет* на *аэроплан*. Очевидно, что то или иное слово нельзя «назначить» на роль универсального обращения. Обращение — это тот элемент коммуникации, который вырастает из речевой практики.

Традиционно считается, что неудобство от отсутствия универсального обращения мы испытываем чаще всего в ситуации кратковременного общения с незнакомым человеком. В этом случае для привлечения внимания в русском речевом этикете, как известно, используются этикетные формулы *простите*, *извините*, *будьте добры* и т. п. Так называемое «нулевое» обращение в российской речевой практике используется давно. Более 30 лет назад В. В. Колесов, объясняя отсутствие в русском языке универсального обращения, писал: «Русский язык потому и противится возникновению любых “общих” слов, что ему при его богатстве легко найти разнообразные формы включения в разговор: пожалуйста, простите, позвольте — здесь соблюдена необходимая мера почтительности и вместе с тем — безличности» [Колесов 1988: 242].

Следует отметить, что в американском речевом этикете в подобных ситуациях предпочтение также отдается аналогичным формулам (*Excuse me! Pardon me!*) [Очерк американского коммуникативного поведения 2001: 90]. Ту же самую тенденцию отмечает Т. В. Ларина в современной английской коммуникации: «При обращении к незнакомому адресату в общедоступно-разговорной речи — на улице, в транспорте, магазине, библиотеке, театре и других общественных местах — наиболее распространенной является нулевая ФО¹, то есть обращение без прямого указания адресата. Вместо форм с номинативной основой, как правило, используется формула привлечения внимания *excuse me*» [Ларина 2009: 365].

Известно, что английский и американский речевой этикет отличается большим разнообразием как универсальных, так и ситуативных обращений. Тем не менее речевой этикет этих лингвокультур отказывается от тех же обращений-индексов в пользу нулевого обращения: «Сейчас редко можно услышать такие реплики, как *Waiter! The bill, please / Porter, will you see to my luggage, please / Nurse, I'm thirsty / Driver, could you stop the bus, please*. Нормативными в подобных коммуни-

¹Форма обращения. — Т. В.

кативных ситуациях являются нулевые формулы обращений: Excuse me, could I have the bill, please? / Excuse me, will you see to my luggage, please? / Excuse me, could I have a glass of water, please? / Excuse me, could you stop the bus, please? [Там же 2009: 366].

Можно предположить, что причина такого предпочтения скорее психологическая, чем лингвистическая. Указанные глагольные формулы нейтральны по социальным и психологическим параметрам, а потому удобны в общении с собеседником любого пола, возраста, социального положения в ситуации кратковременной коммуникации. Судя по исследованиям, посвященным американскому и английскому речевому этикету, можно говорить о том, что в русской этикетной коммуникации нулевые обращения появились и закрепились гораздо раньше, чем в англосаксонских лингвокультурах, именно за счет отсутствия универсального обращения и обращений-индексов.

Синхронный и диахронный анализ обращений показывает, что для ситуации взаимодействия знакомых собеседников количество потенциальных обращений на протяжении последних ста лет резко сократилось. Даже если не принимать во внимание исчезнувшие по социально-политическим причинам обращения с указанием на определенный социальный статус (*ваше превосходительство, ваше сиятельство* и др.), титул (*князь, граф* и пр.), *сударь, милостивый государь* и другие, можно без труда заметить, что круг обращений в диалогической коммуникации стал заметно уже. Так, например, в функции вокатива перестали употребляться многие слова, обозначающие родственные отношения: *дядя, тетя* (эти слова используются в функции обращения при неформальном общении преимущественно в сочетании с именем собственным: *дядя Вася, тетя Галя*), *брат, сестра, племянник, племянница* (в современном речевом общении они употребляются с дополнительной коннотацией). Из существительных данной лексико-тематической группы в качестве обращения используются только слова *мама, папа, бабушка, дедушка, реже сын, дочь*.

Обращение по фамилии в русской коммуникативной традиции употребляется редко: даже в сугубо официальном общении обращения типа *господин Иванов* практически не используются. Обращения только по фамилии в этикетных

ситуациях не употребляются. Применительно к современному русскому речевому этикету вряд ли можно говорить о каком-либо многообразии обращений.

В диалогической коммуникации, соответствующей нормам русского речевого этикета, в качестве обращения выступает преимущественно имя и отчество, то есть типично русская фразеосхема «личное имя + имя-патроним». А. Б. Пеньковский, указывая на функциональную значимость данной модели для русского языка, пишет: «Неукоснительная строгость, с какой в русском языке соблюдается фразеосхема рассматриваемой модели, обеспечивает беспрепятственное восприятие и однозначное понимание соответствующих сегментов писанных и произнесенных текстов как репрезентантов именно этой, а не какой-нибудь иной антропонимической модели. Отсюда — благодаря высокой информативности и идентифицирующей и дифференцирующей силе этой модели — почти неограниченная свобода лексического наполнения каждого из ее компонентов» [Пеньковский 1976: 98].

В идеале выбор того или иного обращения должен зависеть от того, какова социальная, а следовательно, и коммуникативная дистанция между адресатом и адресантом. Анализируя систему обращений в английском речевом этикете, М. Л. Макаров отмечает, что «вокативы, обладая способностью номинации роли адресата, позволяют непосредственно устанавливать соответствующую интенции говорящего социальную дистанцию и в случае ее изменения сигнализировать об этом лингвистически», то есть при переходе интерактантов в другой ситуационный контекст изменяется форма обращения: фамилия + профессиональный статус (доктор Велл) — профессиональный статус (доктор) — фамилия (Велл). В этом случае имена собственные относительно форм обращения, указывающих на социальный или профессиональный статус адресата, сигнализируют о сокращении коммуникативной дистанции (стратегия положительной вежливости) [Макаров 1985: 115]. Между тем Т. В. Ларина, анализируя английские обращения начала XXI века, отмечает, что современная английская коммуникация стала более демократичной: в самых разных ситуациях могут использоваться обращения по имени, а потому обращение в английском этикете уже не явля-

ется маркером социальной и коммуникативной дистанции. При этом автор считает, что в русской коммуникации имена собственные в функции обращения являются показателем коммуникативной дистанции. «Обращение по имени в английской коммуникации стало ярким показателем равенства коммуникантов и используется невзирая на статус и возраст собеседников. В русской культуре, которая характеризуется бóльшим уровнем статусной дистанции, обращение по имени к человеку, старшему по статусу или возрасту, является неприемлемым. Оно считается фамильярным и не допускается нормами речевого этикета. Для демонстрации уважительного отношения к старшим в русском языке существуют местоимение *Вы* и имя-отчество» [Ларина 2009: 369–381].

Действительно, в русской речевой коммуникации, в том числе этикетной, о сокращении коммуникативной дистанции свидетельствует переход от обращения по имени-отчеству к обращению по имени: *Ольга Ивановна — Ольга — Оля*. В русском этикете при отсутствии универсального обращения и обращений-индексов персонифицированные обращения приобретают особую значимость.

Имена собственные, обладая свойством уникальной референции, в качестве вокатива выполняют прежде всего функцию идентификации адресата. «К осуществлению идентифицирующей референции наиболее приспособлены... имена собственные, выполняющие номинативную функцию и обладающие свойством единичной референции независимо от условий коммуникации» [ЛЭС 1990: 411]. Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «собственные имена подобно дейктическим словам семантически ущербны. Сами по себе они не передают какой-либо объективной¹ информации. ...Их наполнение обусловлено признаками денотата, выбор которого... *независим от условий коммуникации*» (курсив наш) [Арутюнова 1976: 327]. Н. Д. Арутюнова указывает на функциональную двойственность обращения: «С одной стороны, оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи. С другой стороны, в апеллятиве часто выражается отношение к адресату говорящего. Функциональная двойственность ведет к тому, что в апеллятивах сочетаются идентифицирующие компоненты

¹Социально закрепленной. — Т. В.

значения с элементами субъективной оценки. Такие стандартные атрибуты апеллятивов, как милый, дорогой, любезный, уважаемый, выражающие отношение речи к адресату, сочетаются с именами любой семантики (друг, брат, отец), в том числе и с именами собственными, избегающими определений» [Арутюнова 1976: 355]. Отметим, что большинство существительных со значением лица, обозначающих должность или профессию в функции обращения, как правило, не употребляются без таких стандартных определений, как *дорогой, уважаемый* (ср.: *редактор — уважаемый редактор*). Причем в данных сочетаниях, выступающих в функции обращения, атрибуты фактически не выражают отношения к адресату, становясь элементом речевого стереотипа.

Универсальность для любой речевой ситуации имени и отчества (или имени) в качестве обращения проявляется и в том, что имя и отчество (или имя) не требуют при себе обязательного атрибута: *Андрей Петрович — Уважаемый Андрей Петрович*.

Модель «имя + отчество» в функции вокатива, с одной стороны, обладает высокой информативностью, идентифицирующей и дифференцирующей силой, с другой — сигнализирует об установлении некой постоянной коммуникативной дистанции между адресатом и адресантом. Причем эта дистанция между различными интерактантами может быть разной в зависимости от условий коммуникации: от бытового дискурса до почти протокольных официально-деловых ситуаций. С одной стороны, по имени и отчеству могут обращаться друг к другу близкие друзья или родственники. В современном бытовом дискурсе обращение по имени (имени и отчеству) постепенно вытесняет традиционные обращения — термины родства: в современной речевой практике к родителям мужа или жены сегодня предпочитают обращаться по имени и отчеству, отказываясь от традиционных обращений *папа* и *мама*. С другой — такое же обращение по имени и отчеству используется, например, на заседании кабинета министров, в Государственной Думе и т. д. Российские журналисты в отличие от иностранных почти всегда обращаются к В. В. Путину по имени и отчеству, а не «господин президент». Происходит постепенный отказ от дейктических обращений в пользу идентифицирующего имени собственного.

Обратим внимание на то, что такая картина в области обращений складывалась в русской коммуникации начиная с середины XX века. Бесполое «товарищ» и строго официальное «гражданин» начинают восприниматься носителями языка как чужеродные для ситуаций повседневного общения. Напомним, что в условиях тоталитарного государства языковая политика отражала стремление государства нивелировать личность, представить ее как часть коллектива. Постепенный отказ от действительских обращений в пользу идентифицирующего имени собственного — это своеобразная языковая реакция социума на стремление государства всех обезличить и уравнивать. «Пожалуй, наиболее резким проявлением человеческой природы является пользование собственными именами и связанное с этим выделение индивидуальности, самобытности отдельной личности как основы ее ценности для “другого” и “других”. “Я” и “другой” — две стороны единого акта самосознания и невозможны друг без друга» [Лотман 1992: 54]. Возможно, это одна из причин того, что тенденция к персонификации в области обращений появилась в русской лингвокультуре раньше, чем в западных лингвокультурах.

При этом отказ от обращений-индексов в пользу персонифицированных обращений очень точно проецируется на психологические особенности русской коммуникации. В 1970-х годах под руководством известного психолога А. А. Леонтьева было проведено специальное исследование проксемических зон Э. Холла в русском языковом коллективе [Леонтьев 1999: 215]. Э. Холл, как известно, для американской культуры выделил четыре зоны общения: интимную, личную, социальную, публичную [Hall 1966: 119—122]. В результате эксперимента выяснилось, что в русской коммуникации невозможно выделить социальную дистанцию для делового общения. У русских она может составлять от 30 до 840 см, причем для русской социальной дистанции возможны характеристики, указанные Холлом для интимной. Кроме того, оказалось, что раз установленное расстояние между собеседниками в процессе общения не изменяется. То есть физическая дистанция между собеседниками в русском этикете также неважна, впрочем, как и собственно коммуникативная. В русской деловой коммуникации на первый план выходят межличностные отношения. Имя собственное

в функции обращения, во-первых, не маркирует общение по критерию официальности/неофициальности, во-вторых, позволяет безболезненно и быстро изменить коммуникативную дистанцию в случае необходимости. В связи с этим следует заметить, что наши психологи, обучая премудростям делового общения по западным образцам, напрасно призывают к соблюдению проксемических зон. В русской ментальности иная точка отсчета. И язык это наглядно демонстрирует.

Итак, имя собственное (имя и отчество) в современном русском речевом этикете оказалось наиболее приспособленным для ситуации диалогического общения. Оно обладает почти всеми признаками универсального обращения: не зависит от условий коммуникации, четко дифференцирует адресата речи по признаку пола, не содержит указания на ролевой или социальный статус, не имеет дополнительных значений.

В 1990-х годах в русской этикетной коммуникации появилась тенденция к отказу от традиционно русской фразеосхемы обращения «имя + патроним» в пользу обращений по имени. Очевидно, что это происходило под влиянием западных лингвокультур, где модель «имя + отчество» отсутствует. Однако время показало, что для русской системы обращений это влияние оказалось не столь критичным.

Обращение имя + отчество устойчиво сохраняется при непосредственной коммуникации в сфере делового общения и при взаимодействии разновозрастных собеседников. Обращение по имени прижилось в дистантной коммуникации в сфере сервиса. Персонафикация клиента считается эффективным маркетинговым ходом. Сервисные организации (магазины, банки, медицинские центры) широко используют различные средства дистантной коммуникации (электронные письма, СМС-рассылки и др.) в целях рекламы. При доступности личных данных такие сообщения обычно начинаются с обращения по имени. Таким образом создается иллюзия личного общения. Но, поскольку клиент «невидим», невозможно определить его возраст, статус и прочее, выбирается универсальный способ идентификации — имя. Примечательно, что при персональном общении с клиентом независимо от способа коммуникации в тех же самых организациях предпочтение отдается обращению по имени и отчеству. Ср.:

- в СМС-рассылке: *Ольга! В течение месяца скидка 20 % на профессиональную чистку зубов в стоматологии «Лада»;*
- в личном сообщении: *Ольга Николаевна! Ждем Вас на прием в 14:30 в стоматологии «Лада».*

При непосредственной коммуникации предпочтение также отдается обращению по имени и отчеству независимо от возраста клиента.

Все это еще раз доказывает, что обращение, так же как и речевой этикет в целом, имеет национальную специфику, которую определяют как интерлингвистические, так и экстралингвистические факторы и условия коммуникации.

Выводы

В русском речевом этикете начала XXI века произошли заметные изменения, связанные, во-первых, с влиянием западных лингвокультур, во-вторых, с появлением новых способов коммуникации (интернет-общение, общение при помощи СМС, мессенджеров и т. п.).

В области формализованных этикетных ситуаций под влиянием западноевропейских и американских сервисных стандартов произошло расширение сфер применения формул речевого этикета: этикетное общение стало неотъемлемой составляющей в сфере услуг как для агентов (поставщиков услуги), так и для клиентов (потребителей услуги).

Несмотря на относительную консервативность формализованных ситуаций, арсенал русских этикетных формул продолжает пополняться: в русских речевых практиках появляются новые этикетные формулы.

Поскольку значительная доля коммуникации сегодня переместилась в виртуальное пространство, в сфере опосредованного дистантного взаимодействия формируются новые правила и средства речевого общения. Этикетная рамка в русской виртуальной коммуникации воспринимается как факультативный элемент в отличие от некоторых европейских лингвокультур. Это позволяет предположить, что для носителя русского коммуникативного сознания при обозначении

границ коммуникативного акта виртуальное общение существенно отличается от реального.

Для неформализованных этикетных ситуаций в современной русской коммуникации характерны две тенденции: эстетизация этикетного текста и демократизация этикетных языковых средств, которая реализуется прежде всего в жанре комплимента. Обе эти тенденции отражают стремление носителя языка уйти от стандартных речевых средств, не позволяющих осуществить эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата.

В отличие от западноевропейских и американской лингвокультур, в русском речевом этикете отсутствует универсальное обращение и не используются обращения-индексы. Это способствовало закреплению в русском речевом этикете нулевого обращения уже к середине XX века. В английской и американской лингвокультурах исследователи отмечают активное употребление такого обращения только в конце XX — начале XXI века.

При отсутствии универсального обращения в современном русском речевом этикете наиболее приспособленным для ситуации диалогического общения оказалось имя собственное (имя и отчество). В английской этикетной коммуникации также наблюдается активное употребление имени собственного в функции обращения. В английской коммуникации данное явление рассматривается исследователями как способ нивелировать коммуникативную и социальную дистанцию (тенденция к демократизации общения). В русском языке использование разных форм имени собственного (имя + отчество — полное имя — короткое имя) позволяет регулировать коммуникативную дистанцию в любой ситуации общения.

Наметившаяся в 1990-х годах под влиянием западных лингвокультур тенденция к отказу от традиционно русской фразеосхемы обращения «имя + патроним» в пользу обращения по имени не привела к отказу от данной фразеосхемы в реальной коммуникации. Обращение по имени в соответствии с западными этикетными стандартами активно используется преимущественно в дистантной сервисной коммуникации, где персонализация клиента считается эффективным маркетинговым ходом.

Таким образом, несмотря на то что русская лингвокультура на протяжении последних 30 лет испытывает интенсивное воздействие со стороны западноевропейских и американской культур, русский речевой этикет в целом продолжает развиваться, сохраняя свою национальную специфику.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог. Структура и динамика / И. Н. Борисова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 408 с.
4. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: Наука, 1976. 248 с.
5. Волынкина, С. В. Речевые жанры похвалы и комплимента в бытовой сфере общения и коммуникативной среде телевизионного ток-шоу: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Волынкина. Красноярск, 2009. 24 с.
6. Воронцова, Т. А. Речевой этикет и проблемы коммуникации / Т. А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Филологические науки. 2003. Вып. 2. С. 115–122.
7. Галимова, З. Ф. Тактики комплимента и похвалы в конструировании «положительного образа» женщины-собеседницы (на материале ток-шоу): автореф. дис. ... канд. филол. наук / З. Ф. Галимова. Ижевск, 2009. 20 с.
8. Зарецкая, Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации / Е. Н. Зарецкая. М.: Дело, 1998. 488 с.
9. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. М.: УРСС, 2003. 284 с.
10. Колесов, В. В. Культура речи — культура поведения / В. В. Колесов. Л.: Лениздат, 1988. 271 с.
11. Колтунова, М. В. Язык и деловое общение. Нормы, риторика, этикет / М. В. Колтунова. М.: Экономика, 2000. 271 с.
12. Коробова, Н. В. Мелиоративные коммуникативные стратегии современной английской речи (на материале британского ареала):

автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Коробова. Н. Новгород, 2007. 16 с.

13. Кронгауз, М. А. Речевой этикет и мы / М. А. Кронгауз // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7, № 2. С. 7–8.

14. Крылова, О. А. Русский речевой этикет приветствия / О. А. Крылова // Русский язык. 2001. № 7.

15. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. М.: Языки славян. культур, 2009. 512 с.

16. Леонтьев, А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. М.: Смысл, 1999. 365 с.

17. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. М.: Гнозис: Прогресс, 1992. 272 с.

18. Макаров, М. Л. Этикетные и регламентные свойства обращений / М. Л. Макаров // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калининград: Изд-во Калининград. гос. ун-та, 1985. С. 111–121.

19. Муравьева, Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. М.: Изд-во МЭИ, 2002. 264 с.

20. Очерк американского коммуникативного поведения / под ред. И. А. Стернина, М. А. Стерниной. Воронеж, 2001. 206 с.

21. Патрушева Л. С. Форум как речевой жанр интернет-дискурса: дис. ... канд. филол. наук / Л. С. Патрушева. Ижевск, 2015. 175 с.

22. Пеньковский, А. Б. «Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» / А. Б. Пеньковский // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976. С. 76–107.

23. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение // Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.

24. Серебрякова, Р. В. Национальная специфика речевых актов комплимента и похвалы в русской и английской коммуникативных культурах: дис. ... канд. филол. наук / Р. В. Серебрякова. Воронеж, 2002. 202 с.

25. Стернин, И. А. Можно ли культурно формировать культуру в современной России? / И. А. Стернин // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 361–373.

26. Федосюк, М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров / М. Ю. Федосюк // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 24–28.

27. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. М.: Высш. шк., 1989. 156 с.

28. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход // Н. И. Формановская. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.

29. Hall, E. T. The Hidden Dimension / E. T Hall. New York: Doubleday, 1966.

Словари

30. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Совет. энцикл., 1990. 682 с.

31. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю Шведова. М.: Рус. яз., 2000. 944 с.

32. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

ГЛАВА 2

Культурные доминанты и ценности в русском языке

2.1. Русский язык и традиционные ценности

Вопрос о ценностях относится к числу самых обсуждаемых в современной России. Несмотря на изменения, которые произошли за последние десятилетия, наша страна была и остается преемницей и хранительницей традиционных ценностей. Совокупность важнейших для традиционной культуры ценностей, на наш взгляд, выражена простой формулой, рожденной в народной среде: «*Своим горбком, своим домком и своим умком жить*». Здесь кратко и емко представлен народный идеал праведной жизни, заключены три главные культурные доминанты русского мира: ТРУД, ДОМ и ЯЗЫК, поскольку язык есть воплощенная в слове мысль, обобщенный результат национального видения мира.

Начнем с первой части этой формулы — своим горбком жить, то есть своим трудом. В сознании носителей русского языка по-прежнему сохраняется различие между словами «работа» и «труд». Слово *работа* этимологически восходит к слову «раб» [Фасмер 1987: 427], следовательно, за этим обозначением стоит мысль о подневольном, несвободном труде. Конечно, в современном языке лексема *работа* употребляется в более широком и нейтральном контексте, однако в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть нетворческий, несвободный характер чьей-либо деятельности, выбирают именно это слово.

Труд в русском сознании изначально ассоциируется с усилием, напряжением, страданием. П. Я. Черных установил, что древнерусское слово *труд* происходит от общеславянского

*trudъ которое имело значение «мять», «жать», «давить», «щемить» [Черных 1999: 266]. Близкие значения в славянских языках: «усилие» (сербохорват.), «напряжение, затруднение» (чеш.), «беспокойство, усталость» (польс.) — показывают, что труд в славянской традиции предполагает действие, направленное на изменение структуры чего-либо, сопряженное с большими усилиями, страданиями. С христианизацией Руси и утверждением православия *страдание*, которое раньше воспринималось лишь как плата за физическое обновление, возрождение, стало пониматься как этическое перерождение [Колесов 2001]. Страдание становится глубоко нравственной категорией. Данное понятие оказывается тесно связанным с идеей очищения, это добровольное принятие человеком как физических, так и нравственных притеснений для спасения души, духовного преображения. Страдание традиционно связано также с идеей терпения и смирения, воспринимается как подвиг человека, сближается с представлением о святости — высшей ценности в русском сознании.

Таким образом, весь комплекс смыслов, ассоциируемых со словом *труд*, выявляет его связь с сущностями горнего, высшего мира, противопоставленного миру дольнему, и относит к числу высших ценностей. Труд в народном сознании — это способ социальной активности и необходимое условие добродетельной жизни человека. Он воспринимается как источник радости, честное и благородное занятие. Именно он делает жизнь *осмысленной*. При этом наибольшей ценностью наделяется труд коллективный, общественно значимый и самостоятельный.

Исследование системы наименований профессий в русском языке [Голованова 2008] позволило вскрыть интересный феномен: в русском традиционном сознании такой вид деятельности, как портняжное ремесло, воспринимается негативно. Приведем стереотипные ассоциации с этой сферой, закрепленные в устойчивых выражениях: *нажива (Иглой выстегать, выковырять; Он выстегал иглой каменный дом); воровство (Унести на ножницах ('украсть'); Нет воров супротив портных мастеров; Портной на грош украдет, а на рубль изъяну сделает); нерадивость (Швец Данило что ни шьет, то гнило; Портной гадит, а утюг гладит); своенравность (Всяк портной на свой покрой; Как хочу, так и строчу); пьянство*

(*Не так швецю игла, как чарочка*). Портному традиционно приписывались такие отрицательные качества, как стремление разбогатеть любой ценой, нерадивость и своенравность. Живущим в XXI веке такая трактовка непонятна: сегодня портные, вернее, самые талантливые из них, являются уважаемыми людьми, ср. контексты употребления слов *кутюрье*, *от-кутюр* и др. Отрицательная оценка портного в прошлом объясняется тем, что, с позиций народного (главным образом крестьянского) сознания, человек не может восприниматься положительно, если у него нет дома, семьи, нет своего участка земли. Б. А. Рыбаков пишет: бродячие портные жили в чужих домах, обшивали семью и затем переходили в другой дом, в другую деревню [Рыбаков 1948: 562]. Такой образ жизни наделял образ портного в народном сознании чертами плута, мошенника. Именно отсутствие дома как важный элемент оценки человека сформировало негативное восприятие представителей профессии в целом.

Дом в русском сознании — это добродетель. Он воплощает собой целый мир, пространство духа и тела, мир, создаваемый и культивируемый человеком. Отсюда и текст одного из самых известных произведений русского Средневековья — «Домостроя» — воспринимался как развернутое изложение концепции дома. Не случайно метафора «дом — страна» активно использовалась в недалеком прошлом в российском политическом дискурсе. Дом ассоциируется с семьей, не случайно разрушение целостного образа сегодняшней России во многом связано с разрушением института семьи. Отсюда и возрождение ее видится в укреплении семьи, усилении семейного начала.

Язык служит хранилищем смыслов, рождаемых умом человека из наблюдений над миром, над самим собой и другими людьми. Если хочешь понять какой-либо народ, его образ мыслей, особенности мировидения, обратись к его языку, и через язык многое откроется — его традиции, обычаи, представления [См. об этом: Бартминский 2005; Голованов 2009, 2012; Колесов 2006; Никитина 1993; Степанов 2001; Толстой Н. И. 1995 и др.]. О традиции очень хорошо сказал Рене Генон: традиция — это орудие сохранения духовных оснований, вековых знаний о происхождении, устройстве и судьбах мира и человека, инструмент, позволяющий воплощать эти

принципы. Сегодня, в эпоху кризиса духовной культуры, как никогда важно помнить и знать о наших традициях, без которых невозможно существование народа [Ср.: Костина 2011].

Слово *традиция* восходит к латинскому языку, где означает «передача», «повествование». В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приведены два толкования этого слова: 1) «то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (например, идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычай). *Национальные традиции. Военские традиции*»; 2) второе значение является развитием первого: «обычай, установившийся порядок в поведении, в быту. *Традиция встречи Нового года, вошло в традицию что-нибудь*» [Ожегов 1994: 795]. Думается, что эти значения не исчерпывают всей глубины понимания традиции и традиционного в культуре, в русской культуре в частности.

В энциклопедическом словаре Ю. Б. Борева «Эстетика. Теория литературы» справедливо указывается: «Традиция — это присутствие прошлого в настоящем. Традиция — память. Традиция — это актуализированная культура прошлого, это мобилизация опыта прошлого в интересах настоящего. Традиция впитывает в себя достижения культуры, непреходящие в ней» [Борев 2003]. Именно она необходима российскому обществу сегодня, не застывшая традиция, а творчески воспринятая, обогащенная новыми актуальными смыслами и живыми концептуальными связями.

2.2. Осмысление категории времени

По общему признанию, представления о времени «являются исключительно важным компонентом картины мира, обуславливающим другие ее составляющие», а сама категория времени обладает культурно-интегрирующей функцией [Белякова 2005: 23–24]. Чтобы выявить особенности осмысления данной категории в русском языке, обратимся к лексическим единицам со значением времени и устойчивым единицам, отражающим качественные и количественные свойства времени, из словаря В. И. Даля и собрания известного уральского лингвиста В. П. Тимофеева «Фразеология диалектной личности».

В языковой картине мира, как известно, фиксируются древнейшие, в том числе мифологические представления людей. Именно от них, вероятно, и следует отталкиваться при анализе языковых образов времени. Время в восприятии древнего человека не было однородным. Различались, по крайней мере, два времени: время *онтологическое* — всеобщее, объективное, метафизическое, и время *антропологическое* — «обычное» время, знание о котором человек получал из непосредственного жизненного опыта. Первое время осмыслялось мифологизированным сознанием как священное, оно обратимо, подчинено циклическим закономерностям. В основе представлений об онтологическом времени лежат, по-видимому, знания о годовом обороте Земли вокруг Солнца и суточном обороте Земли вокруг собственной оси. Антропологическое время предстает в виде линейного отрезка, равного жизни человека. Именно собственный опыт, наблюдаемые изменения в состоянии человека на протяжении его жизни получили отражение в представлениях об обычном времени. Противопоставление двух «ликров» времени проявилось в противопоставлении обычных дней (будней) и праздников. Праздники, повторяющиеся с определенной периодичностью, — это периоды священного времени, когда с помощью ритуалов, обрядов человек мог «переходить» от обычного течения времени к времени священному [Юдин 1999]. Если будни наполнены деятельностью, направленной на поддержание прежде всего физической целостности человека, то праздники (от *праздый* — ‘пустой, свободный от обычной работы’) необходимы были человеку, чтобы поддерживать главным образом духовную целостность.

Два ракурса в осмыслении времени, имеющие схематическую концептуализацию (циклическое представление и линейное), по сути, отражают человеческое понимание парадоксальных свойств времени — его непрерывности и прерывистости, повторяемости и необратимости. Оба схематических представления времени репрезентируют такие конститутивные признаки времени, как направленность, последовательность и динамичность.

Отголоски мифологического представления о времени обнаруживаются в том, что в народном восприятии оно наделяется положительным или отрицательным значением. В каждом

цикле (годовом, суточном, месячном) есть периоды хорошего и плохого времени. «Хорошее» время приносит человеку здоровье, счастье, богатство, успех, «плохое» — болезнь, неудачу, нужду, горе. В современном русском языке следы древнейших воззрений представлены в снятом в виде — в семантике слов, объединенных общим происхождением.

Рассмотрим с этих позиций группу слов, восходящих к корню *-доб-*: *добрый, удобный, сдобный, подобный*. Все прилагательные образованы от слова *доба* ‘пора, час, время’ (слово зафиксировано в словаре В. И. Даля, хотя уже во второй половине XIX века оно воспринималось как архаичное) и объединяются инвариантным значением ‘созданный в хорошее, соответствующее время’, что отражено в соответствующих толкованиях:

- *добрый* — хороший, ладный, полезный, доброкачественный, дородный [Даль, 1989–1991, т. 1 (1989): 443];
- *удобный* — пригодный, способный, гожий, ладный; все, что кстати, что пришло впору, по времени и нуждам [Там же, т. 4 (1991): 473];
- *сдобный* (букв. ‘соответствующий поре’) — хороший, прибыльный (о деле); готовый, приготовленный (о хлебе) [Там же: 166];
- *подобный* — сходный, согласный, подходящий, своевременный; должный, приличный, пристойный; достойный [Даль, 1989–1991, т. 3 (1990): 191].

Представление о «хорошем» времени, когда создаются полезные, доброкачественные вещи, совершаются достойные поступки и добрые дела, помимо вышедшего из употребления «доба» воплощено в словах «черед», «пора», «срок». Наиболее полно эти понятия определены В. И. Далем:

- *Черед* — очередь, последовательный порядок, поступление одного за другим, посменно; пора и срок. *Всякому (всему) свой черед. Вперед не суйся, знай свой черед! Пришел черед ягодам, грибам. Чей черед, тот и берет. Придет (будет) и моя череда*, счастье [Там же, т. 4 (1991): 591].
- *Пора* — время, час, доба, година... удобное к чему время. *Человек в поре, во всей, в полной поре* — в зрелом возрасте, в средних годах (а *быть во времени* — в счастья, обилии). *Придет пора, ударит час. Не соваться, а поры*

(а череду) дожидаться! Была пора, а теперь время. Без поры — без толку. Все до поры до времени. Пора, что железо: куй, поколе кипит. Пора применяется и к пространству, и к обстоятельствам, означая тогда: по мере, в меру, кстати, впопад. *Платье, обувь впору*, по телу, по ноге, по росту, приходится в меру. *В самую пору, впору*, как раз в меру или в лад, весьма кстати. *Пришло время, настал срок*, по времени или по обстоятельствам. *Пора домой. Пора спать* [Даль, 1989—1991, т. 3 (1990): 310]. Ср. также: *Пореть* — входить в пору, в рост, в дородство; спеть, зреть вы(до,по)спевать, вы(до,на)зреть, рдеть; добреть, тучнеть; *Порный* — взрослый, зрелый, поспелый, готовый; *Порно* — крепко, надежно, *Поратый* — бойкий, сильный, дюжий, усердный, ражий; *Порато* — сильно, очень, весьма, крепко, больно; много [Там же: 310—311].

Эти два слова и их производные последовательно отражают архаические представления людей. Слово *срок*, приымающее к ним, в словаре В. И. Даля получило в большей степени переосмысленное толкование: «определенная продолжительность времени и самый предел этого времени» (*Платежу срок в Покров. Отдавать землю на короткие сроки невыгодно. Мальчик отдан в учение на пятилетний срок* и т. п.). Между тем древнее значение слова *срок* (о чем можно судить по его внутренней форме) — ‘соответствующий сказанному’, то есть равный отведенному (свыше) времени. Это мифологизированное значение во второй половине XIX века оказалось почти утраченным. Ср.: *Илья пророк — косьбе срок. Отжить свой срок. Теперь не срок грибам*, не время, не пора [Там же: 304—305].

Идея «подходящего времени» реализуется также в производных от слова *год* как названия наиболее показательного циклического периода, соответствующего природной смене времен года: *годный (годящий, годявый, гожий)* — хороший, путный, дельный, ладный, пригодный; идущий к делу или в дело; *годиться* — быть годным, полезным, идти к делу; быть пристойным, приличным [Даль, 1989—1991, т. 1 (1989): 365]. Отсюда *негодяй* первоначально — ‘непригодный к воинской службе’; *годить* — ‘ждать подходящего времени’, «своего» часа.

Слово «час» также связано с представлением о «подходящем» времени, поре: *До часу*, до сроку. *Час обеда. Всему своей час*. Но в отличие от «доба», значения которого связаны с преобразующей деятельностью человека, данное слово актуализирует значения, ассоциирующиеся с нерабочим временем, а также досугом, отдыхом человека. Ср.: *Делу время, а потехе час. Я тем часом схожу в лавки. Часу нет, досугу. За часом было, за досугом. Не в час пришел. Не по часу беседа*, некстати. *В добрый час, в благовещенский*, пожелание. *Был бы дружок, найдется и часок* и т. п. [Там же, т. 4 (1991): 583–584].

Словом «час» могут быть обозначены и негативные для человека моменты: *Лихой час настал. Роковой, последний, смертный час. Под злой час, под недобрый. Не в добрый час! Не ровен час...* Иными словами, час вмещает в себя амбивалентные характеристики времени: *В добрый час молвит, в худой помолчит*. При этом обращает на себя внимание реализация этим словом представлений не только о кратком времени (по сравнению с годом, веком), но и о нечленимом времени: *Адмиральский час, полдень. Калиф на час. Час придет и пору приведет. Часом не нажиться. Часом моря не переедешь*. Это противопоставление отражено и в языке: *Час часовать, не год годовать. Не век вековать, а час часовать. На час ума не стало, а навек дураком прослыл* [Там же: 584].

Линейное время, или время, отпущенное человеку в земном существовании, обозначается в языке словом «век». Это слово уже не раз становилось объектом лингвистического исследования [См., напр.: Звездова 1997; Белякова 2000, 2005 и др.], поэтому ограничимся лишь краткими характеристиками времени, запечатленными в этой лексической единице. Значения слова «век» актуализируют длительность, протяженность времени жизни человека: *На веку как на долгом волоку; Худой муж навяжется — длинный век покажется*. Особый акцент здесь делается на конечности, временности и в то же время относительности человеческого существования: *Чужой век жить; Заедать чужой век — ‘слишком долго жить’*.

На наш взгляд, наибольшая значимость времени как фундаментальной лингвокогнитивной категории связана с ее

возможностями упорядочивать разнородную, диффузную информацию об окружающем мире через представление о последовательности, очередности событий во времени и систему бинарных оппозиций, связанных с реализацией этой категории: *начало — конец, рано — поздно, постоянно — иногда, всегда — никогда, быстро — медленно, долго — скоро, вовремя — не вовремя* и т. д. Особенно ярко это раскрывается в народной фразеологии (в нашем случае — диалектной [Тимофеев 2003]), где время неотделимо от разнообразных аксиологических и прагматических смыслов.

Начнем с выражения очередности, последовательности событий. Смысл «очередность» реализуется тогда, когда необходимо: поддержать или утешить другого (*Будет и на нашей улице праздник; Не все коту масленица*); предупредить нежелательные последствия (*Не доведши до воды, подол не поднимай; До свадьбы далеко, а ты уже пляшешь*); осмыслить, организовать происходящее (*Работа в очередь стоит*). Нарушение очередности воспринимается как негативная характеристика: *Работа за работу заходит* ('слишком много работы'); *Задней наперед* ('нарушение порядка'); *Задние колеса на передние наехали* (о спешке).

Смысл «очередность» может пересекаться и с представлениями о возрасте: *Нынешний еще из яичка не вылупился, а уже скорлупка ему не хороша; Нынешний-то воробей прошлогоднего чирикать учит; Яйца курицу не учат*. Здесь реализуется представление «рано, до срока», а также связанное с ним противопоставление «старший — младший», «молодость — старость».

Очередность в народном сознании тесно связана с представлением о совершении каких-либо действий вовремя или не вовремя: *Вовремя ягодки берут*. «Вовремя» предполагает умение заранее, загодя («до поры») подготовиться к нужному моменту: *Готовь летом сани — зимой телегу*. Противоположное расценивается негативно: *Как ехать, так и собак кормить* (ср. *Как ехать, так и телегу шить*). «Не вовремя» пересекается с такими смыслами, как «рано» (*Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела*) и «поздно»: *Все жданы съели; После время руками не машут; Русский человек задним умом крепок; Сроки изошли*. В последнем случае может дей-

ствовать допущение, о чем свидетельствует поговорка *Лучше поздно, чем никогда*.

Самое важное для русского человека — во всем соблюдать меру, соответствие. Ср.: *Рано встала, да мало напярла*. Соразмерность выражается и в таких народных сентенциях, как *Едешь на день, а хлеба бери на два; Кто много жил, тот много видел*.

В русском сознании, с одной стороны, высоко ценится умение везде поспевать (ср. в связи с этим: *Ранняя пташка носок обмывает, поздняя ничего не выдает*), делать работу быстро (*Раз-два и готово; На скорую руку*). При этом излишняя торопливость может быть оценена негативно (*На погон гнать*), поэтому надо спешить, но медленно (*Тише едешь — дальше будешь; Семь раз отмерь, один отрежь*). Медлительность чаще всего воспринимается отрицательно (*Улита едет — когда-то будет; Душу вытягивают на порог*).

Идея динамичности времени реализована многократно в языке: *День да ночь — сутки прочь; Не по дням, а по часам; Как секундочка прошла* (о молодости). Настоящий момент воспринимается как скоротечный: *Сейчас прошло — миновать можно*. Скоротечность времени может быть связана и с преходящим характером его атрибутов: *Нужен как прошлогодний снег*.

Представление о последовательности событий заставляет человека думать о будущем: *Не плюй в колодец — пригодится воды напиться; Прежде чем войти, подумай, как выйти; Берегись бед, пока их нет*.

Последовательность актуализируется при оценке совершаемых поступков: *Не спрашивают, так не сплясывай; Как женился, так и оценился*; для выражения причинно-следственных отношений: *Покуда не женятся, дак мамыны, а женятся, дак бабины*.

Особые средства используются в языке для выражения смысла непрерывности, постоянства, вневременности: *без (единово) останову, без просыпу, без утиху, ночи напролет*. Когда идея непрерывности реализуется в оценке жизни отдельного человека, она сопрягается с выражением смысла «очень давно», связанного с моментом рождения или раннего детства: *сроду, сызмала, сызмальства, с измалолетства*.

Противоположная граница жизни актуализируется при реализации смысла «всегда»: *до гроба жизни; до гробовой доски; век живи, век учись* (в последнем случае век воспринимается как «отведенный срок, имеющий свой конец»). Цикличность, повторяемость времени и событий, которые оно вмещает, реализуется следующими устойчивыми выражениями: *Не мы первые, не мы последние; Час от часу не легче; Какие родились — такие и в могилку уйдем*. Вневременность тех или иных отношений реализуется в обобщающих выражениях типа *При солнышке тепло, при мамоньке добро*.

Примечательно, что смысл «никогда» вообще выводится за пределы естественного существования человека, ср.: *Ни днем, ни ночью; Калачи нигде на церкви не растут*. Исключением может служить поговорка *Доброго куска не едал и за добрым столом не бывал*, но ее смысл может быть истолкован и как «пока», «до сих пор» никогда (то есть изменения возможны).

Идея «начало — конец», связанная с линейной интерпретацией времени, репрезентируется целым рядом фразеологизмов. При реализации первого члена оппозиции речь может идти о начале любой деятельности, имеющей длительность, соотносимую с кратностью совершения действий: *Первый блин комом*; об опытности человека в преодолении временных трудностей: *Не первая волку зима*; о наиболее подходящем моменте для принятия решений: *Утро вечера мудренее*. Второй член оппозиции реализуется в случае, когда требуется подчеркнуть конечность событий, имеющих временную координату: *Сколько ниточке ни виться...; До самого последа*; выделить значимость результативности действия: *Конец — делу венец*; осмыслить ситуации взаимодействия людей: *Гости до гостей*. С выражением представлений о конце связан смысл «очень долго» (*до смерти, до смертоньки*). Наконец, идея конечности связана с идеей ограниченности жизненного срока: *Век к концу движется; Что ни день, то к смерти ближе* — или отдельного (как правило, «светлого») периода в жизни человека: *Закатилось красно солнышко* («кончилось время»).

Идея относительности времени и соотносительности различных его отрезков имеет многообразные формы выражения в языке. При реализации идеи относительности времени часто

используются механизмы противопоставления: *Гость мало гостит, да много видит*. Время выступает здесь как растяжимая, эластичная емкость, меняющая свою форму в зависимости от количества содержимого. О соотносительности периодов времени можно судить по устойчивым выражениям *Летний день зиму кормит; Зима как ночь*. Интересным представляется соотношение жизненных моментов с моментами природного времени: *Бедному жениться, дак и ночь коротка* (в приведенном примере реализуется идея недостатка к случаю).

Исходя из данных фразеологии можно говорить о существовании в языковом сознании представления о «неопределенном» времени, которое может быть обозначено как «неопределенно когда» (от момента речи к будущему): *на году, на неделе, на месяцу, к опослею*. «Определенное» время также имеет различные способы выражения: *к завтраму, к завтраю, к утруму, к утрею, по первосенку, на первосенок, по приморозу, на зорьке*. «Ближайшее определенно-неопределенное будущее» выражается формулой *не сегодня-завтра*.

Время в русском народном сознании оказывается тесно связанным с понятиями «ждать» и «терпеть». Так, выражение *Скоро Бога не умолишь*, актуализируя смысл «долго», «нескоро», служит призывом к терпению. Связанный с оценкой времени фразеологизм *Горькая гряданка долго не кончается* ('в страданиях время тянется долго') образно интерпретирует идею ожидания. Ожидание и связанное с ним желание поторопить время реализовано во фразеологизме *Ждать как пирога из печи*; ср. также: *Все жданы съели* ('так долго ждали, что кончилось терпенье').

Время в русской фразеологии измеряется человеческими мерками, наделяется антропологическим содержанием. Так, уровень образования человека обозначается метонимически *две зимы, восемь зим*. Качество времени определяется качеством жизни, отсюда выражения: *худые годы, голодный год, цветущие годы*. О времени жизни конкретного человека нередко говорится при помощи категории посессивности: *на моей памяти, в мое время, в моей жизни*.

Во фразеологических единицах мы обнаруживаем отражение прототипического образа времени — «воды». Ср.: *Захлебнулась, не выплыть* ('не хватает времени'), *По какому*

берегу плыть, по такому и слыть ('приспосабливаться к обстоятельствам'; здесь пространство и время оказываются сопряженными), *Заглянуть в глубь жизни своей* (то есть обратиться к удаленным от непосредственного восприятия периодам жизни [См.: Рахилина 2000: 151–152]). Наиболее ярко, на наш взгляд, образ воды как воплощение времени реализован в следующем устойчивом выражении, зафиксированном В. П. Тимофеевым: *Мать о сыне плачет — как река течет* ('всю жизнь'), *сестра о брате плачет — как ручьи бегут* ('пошумят и утихнут'), *жена о муже плачет — как роса падет: солнышко обогреет — росу высушит*. Ср. с давнейшей записью: *Молода жена плачет до росы утренней, сестрица до золота кольца, мать до веку*. В первом примере, как видим, образ воды оказывается системным элементом, полно представляющим идею времени: долгого, относительно продолжительного и краткого.

Именно таким — сложным и неоднозначным — предстает время в русском сознании. Проведенный анализ демонстрирует, что онтологические категории, лежащие в основе языковой картины мира, позволяют актуализировать множество смыслов, пересекающихся и переплетающихся в сознании человека и отражающих сложность и многообразие окружающего мира.

2.3. Символика числа в языке

Число выступает одним из базовых концептов, получивших отражение в языке. Этот концепт, связанный прежде всего с натуральным рядом чисел, репрезентирует древнейший слой коллективного сознания и речемыслительной деятельности. В мифопоэтических традициях числам придавалось сакральное значение: они символизировали гармонию в противовес хаосу [Топоров 2005], с помощью чисел человек концептуализировал Вселенную и самого себя [Маковский 1996: 388]. Число, таким образом, выступало важной когнитивной категорией, служило своеобразным мерилom всего сущего. Как писал русский философ А. Ф. Лосев, «без числа нет различения и расчленения, а следовательно, нет и разума» [Лосев 1993].

Сложность, неоднозначность, неоднородность числового пространства в этноязыковом осмыслении находит свое подтверждение в конкретном лексическом, фразеологическом и паремиологическом материале и обнаруживает специфику национального мировидения, что позволяет выявлять скрытые от поверхностного взгляда различия. Так, в английской языковой картине мира обращает на себя внимание особая выделенность трех чисел — *один*, *два* и *девять*. Самым сложным и многообразным предстает число один. Первое в ряду натуральных чисел, оно уподобляется человеку как микрокосму (что совпадает с древнейшими представлениями об «одном» как категориальной мере сущего), актуализирует семантику отдельного: англ. *Number one* (ср. рус. *Собственной персоной*). Англ. *the one and only* (букв. Один, и только) «единственный, уникальный, несравненный» акцентирует внимание на самоценности сущего, данного в своем единстве. В семантике единицы может подчеркиваться идея целостности, совершенства, ср. англ. *Become one* (букв. Стать одним, стать человеком) «жениться».

При помощи числа один (и связанного с ним представления о первом в ряду) в английском языке выражается значение начала, предела, превосходства. Ср. *Number one* (букв. Номер один, под номером один) «первоклассный, первосортный, главный, самый важный»; англ. *First class* (букв. Первый класс) «лучший».

Выделенность числа *один*, олицетворяющего собой сущность, начальную и конечную точки мира, репрезентирована в английском языке через амбивалентность связанных с этим числом смыслов. В одних случаях *один* выражает вполне достаточную и даже самодостаточную величину (вещь, обозначенная таким образом, «заполняет» собой все мыслимое пространство). Ср. англ. *One barking dog sets all the street a-barking* (букв. От одной лающей собаки лает вся улица), рус. *Одна собака гавкнет, вся стая залает*; англ. *One chick keeps a hen busy* (букв. Один цыпленок доставляет курице беспокойство), рус. *И один цыпленок доставляет наседке много хлопот*; *One cloud is enough to eclipse the sun* (букв. И одно облако может затмить солнце), рус. *От одного порченого яблока целый воз загнивает, Ложка дегтя в бочке*

меда; *One scabbed sheep will mar a whole flock* (букв. Одна паршивая овца портит все стадо), рус. *Одна паршивая овца все стадо портит*. При этом *один* может олицетворять предельную величину. Ср. англ. *Never hang a man twice for one offence* (букв. Никогда не вешай человека два раза за один поступок), рус. *За один поступок не наказывают дважды*.

Если речь идет об оценке поведения человека, то даже один раз совершенный им поступок является знаком. Ср. англ. *Once a thief, always a thief* (букв. Один раз украл — навсегда вором остался), *Once a priest, always a priest* (букв. Один раз священник — священник навсегда), рус. *Зарекался козел в огород ходить, Привычка — вторая натура*.

Указание на единичность предмета может также служить выражением недостаточности, безосновательности далеко идущих выводов. Ср. англ. *One more won't hurt* (еще одно не повредит) и рус. *Одно другому не мешает; Once is no custom* (букв. Один не обычай), *Once is no rule* (букв. Один не правило) и рус. *Один раз не в счет, один раз куда ни шло; One man does not make a team* (Один человек — не команда); *One man, no man* (букв. Один человек — никого нет); *One swallow does not make a summer* (букв. Одна ласточка не делает весны), *One bamboo can't form a row* (букв. Один бамбук не ряд), *The voice of one man is the voice of no one* (букв. Голос одного человека — голос никого); рус. *Одна ласточка весны не делает, Одно зерно — не урожай, Капля в море незаметна, Один в поле не воин, Одним конем поля не избедить*.

Число два имеет столь же неоднозначную смысловую интерпретацию. С одной стороны, с ним связано выражение созидательного начала: англ. *Put two and two together and make four* (букв. Сложить два и два и получить четыре) «сопоставить факты, сообразить, смекнуть, в чем дело, прикинуть»; англ. *On second thoughts* (букв. на второй мысли) «пораздумав». С другой стороны, «два» служит для передачи противоречия, антагонизма: англ. *If two men ride on a horse, one must ride behind* (букв. Если два человека скачут на лошади, один должен быть сзади), рус. *Из двух всадников только один приходит первым; Two dogs over one bone seldom agree* (две собаки редко делят одну кость), ср. рус. *Человек челове-*

ку — волк. Два медведя в одной берлоге не уживутся. Кто кого согнет, тот того и бьет; Two of a trade never agree (два в торговле никогда не соглашаются) «два специалиста никогда не соглашаются друг с другом».

Первые два числа нередко оказываются связанными, репрезентируются в пределах одного контекста, в результате чего возникают обобщенные смыслы. Примечательно, что обращение к числовому выражению в английской паремиологии встречается гораздо чаще, чем, например, в русском материале (где количественным отношениям соответствуют качественные различия). Ср.: англ. *A bird in the hand is worth two in the bush* (букв. Одна птица в руках стоит двух в кусте) и рус. *Лучше журавль в небе, чем синица в руках*; англ. *An hour in the morning is worth two in the evening* (букв. Один утренний час лучше двух вечерних) и рус. *Утро вечера мудренее*. Нами выделены стандартные модели, по которым строится целый ряд английских пословиц: $1... = 2...$ и $1... > 2...$. Использование подобных формул позволяет судить об отчетливо выраженном «математическом» складе ума англичан.

Наиболее семантически нагруженным в англоязычной фразеологии и паремиологии является число девять. По выделенности этого обозначения в английском сознании его можно сравнить с числом семь в русском. Ср.: рус. *Семь раз отмерь, один раз отрежь; У семи нянек дитя без глаза; Семеро одного не ждут; Седьмая вода на киселе; На седьмом небе; За семь верст киселя хлебать; Тайна за семью печатями; За семь верст комара искали; На семи ветрах* и др. с англ. *A stitch in time saves nine* (букв. Стежок, сделанный вовремя, сберегает девять других); *A wonder lasts but nine days, A nine day's wonder* (букв. Чудо длится лишь девять дней); *To be on Cloud Nine* (букв. Быть на девятом небе); *Nine tailors make the man* (букв. Девять портных делают человека), *Nine times out of ten* (букв. Девять раз из десяти, что означает «почти всегда»), *To be dressed up to the nines* (рус. *Разодетый в пух и прах*), *A cat has nine lives, A cat with nine lives* (рус. *Живуч как кошка*), *Up to the nines* («в высшей степени, в совершенстве»), *Possession is nine points of the law* (владение имуществом почти равносильно праву на него). И то и другое число

в соответствующих концептосферах служит для выражения общей семантики — 1) «количество сверх меры», 2) «некое совершенное, предельное, бесконечное число».

В русском языковом сознании, помимо числа *семь*, символически отмечены *три* и *сорок*. О числе три написано и сказано немало. В целом ряде традиций (например, в древнекитайской) именно *три* открывает числовой ряд и квалифицируется как первое и совершенное число. В русском языке значение предельности, высшей степени интенсивности у числа три реконструируется в сложных словах *треклятый* «то же, что проклятый, но с большей выразительностью» [Словарь русского языка (СлРЯ) 1985—1988, т. 4 (1988): 403] (у В. И. Даля рядом с этим словом приводится вариант *трипроклятый* и дается общее значение: «проклятый, окаянный, в высшей степени» [Даль 1989—1991, т. 4 (1991): 432]), *тресветлый* — «пресветлый, светлейший, наисветлейший» [Там же: 433], *тремилый* [Там же: 432] «самый милый». В современном русском языке употребляются также слова *резвон* «звон во все колокола», «продолжительный сильный звонок» [Там же: 403] и производное от него *резвонить* «звонить во все колокола (обычно церковные)» [Там же], *треволение* «сильное душевное волнение, беспокойство; тревога» [Там же: 402]. Русский глагол *строить*, а также существительное *тризна* (в сакральном значении) также можно возвести к числу три как отголосок древнейшей традиции тройного жертвоприношения.

Особый интерес представляет этнокультурная выделенность числа *сорок*. С точки зрения этимологии значение этого числительного спорно. Большинство ученых сходятся в том, что число *сорок* символизирует законченный цикл в процессе божественных свершений или определенную неделимую целостность (цикл жизни или нежизни) [См.: Лосев 1993: 396]. Так, в христианской традиции число *сорок* ассоциируется с искусом и испытаниями. Сорок лет израильтяне скитались по пустыне; ливень, обрушившийся на землю во время потопа, лил сорок дней и сорок ночей; сорок дней провел Моисей на горе Синай, а Иисус — в пустыне. Великий пост, в продолжение которого христиане готовятся к Пасхе, также продолжается сорок дней. В похоронных обрядах требуется сорок дней чтобы тело полностью освободилось от души. На-

конец, именно сорок недель женщина вынашивает ребенка. Ср. русскую загадку: *Сорок недель в тюрьме сидел, да год со днем на виселице висел* (о родившемся человеке).

Слово *сорок* в русском языке издревле использовалось как мера счета. Первоначальное значение этого слова — количество собольих шкурок на полную шубу. *Сорок сороков* — о церквах в Москве («очень много»), ср. также *сороконожка* «многоножка», диал. *сорокобрех* «врун, лгун и хвастун» [Даль 1989—1991, т. 4 (1991): 275] и др. Вместе с тем в устнопоэтической традиции оно употребляется в другом значении: *Сорок лет — бабий век. Сороковой роковой. Сороковой медведь охотника калечит*. В этих выражениях реконструируются значения «пограничный», «последний по счету», «сакрально отмеченный».

По мнению М. М. Маковского, «русское слово *сорок* можно рассматривать как табуированное образование с начальным отрицанием *se-*. В этом случае можно постулировать индоевропейский корень **erk-* ‘петь, хвалить, почитать’ (ср. рус. *рок*)» [Маковский 1996: 396]. Исследователь далее замечает: «Вполне возможно, однако, что “сорок” означает Число лезавшее в основе всего живого во Вселенной, то есть Бездну» [Там же]. Вероятно, именно эти значения числительного «сорок» лежат в основе актуального для нашего времени представления о том, что нельзя (или, по крайней мере, опасно) шумно праздновать свое сорокалетие.

В целом можно отметить, что, если в архаичных культурах число и счет были сакрализованными средствами ориентации и «космизации» вселенной, то в современной культуре мы наблюдаем стремление вернуть числу его семиотические функции, ту роль, которую оно играло в мифопоэтическую эпоху. Особенно заметно это стремление в художественном сознании (ср., напр., значение чисел 4 и 7 в произведениях Ф. М. Достоевского, нумерологические опыты В. Хлебникова и др.).

Обращает на себя внимание, что число выступает во многих случаях неким противовесом имени. Мысли о сложном соотношении идеи имени с идеей числа разрабатывались П. А. Флоренским и А. Ф. Лосевым. Число как «числовой момент логоса» соотносено у Лосева с общей диалектикой имени

и рассматривается не столько в качестве самостоятельного момента осмысления мира, сколько в качестве метода и инструмента этого осмысления [Лосев 1993: 710]. Для Флоренского число и имя — инварианты объективности и субъективности: «имя есть последняя выразимость в слове начала личного (как число — безличного)» [цит по: Руденко 1990: 290].

Именно это безличное, нивелирующее начало в числовом обозначении составляет его суть. Число служит инструментом выравнивания и приравнивания (отождествления) всех предметов без исключения. При помощи числа мир обретает законченные очертания. Число — способ сведения разнородных сущностей к общему — осознанию их как отдельных, цельных сущностей. На «инструментальный» характер наименования «число» в русском языке однозначно указал Ю. С. Степанов: «Слово *число* выступает... как обозначение *орудия* (с помощью древнего и.-е. суффикса *-tlo), посредством которого совершается “счет”, “приведение в порядок”» [Степанов 2001: 488].

Поскольку логическим основанием счета у всех людей без исключения является установление взаимно-однозначного соответствия между рядами множеств при помощи парного сравнения составляющих их элементов, в основе концепта числа лежит операция сравнения. Таким образом, природа числа связана с сущностью познания.

С. Н. Трубецкой писал: «Мироздание не только управляется числами, оно слагается из чисел». Число как начало всего сущего на земле рассматривал Пифагор. А. Ф. Лосев отмечал: число — это «абсолютное тождество и абсолютное различие во всем, сущность как целое, данность, явленная нам в единстве статичного и динамичного, “оформленный лик”. Число — метод объединения раздельностей вне их качественных различий, “подвижной покой самотождественного различия смысла”» [Лосев 1993].

Еще в античной диалектике отмечалось, что число выступает как господствующая, сама собой происшедшая связь вечного постоянства находящихся в мире вещей. Если бы не было числа и его сущности, то ни для кого не было бы ничего ясного ни в вещах самих по себе, ни в их отношениях друг к другу. Число, прилаживая все вещи к ощущению, к душе, делает

их таким образом познаваемыми и соответствующими друг другу, сообщая им телесность и разделяя, полагает отдельно понятия о вещах беспредельных и ограничивающих (учение пифагорейцев в трактовке А. Ф. Лосева).

Исходный пункт античной диалектики — «одно», неограниченное и беспредельное в своей сути. По Лосеву, это сила, которая приводит неопределенное *одно* к определенному *что-то*. «Число не есть ни первое начало, то есть сверхсущее, ни второе, то есть сущее, ни сверхмыслие, ни сам смысл по себе. Это — среднее между тем и другим, а именно смысл самого перехода сверхмыслия в смысл одного просто в *ничто одно*» [Там же: 174].

Таким образом, с древнейших времен число выступает средством постижения мира, космоса. Особое место при этом отводится первым двум слагаемым числового ряда: единица, актуализированная в языковом сознании этноса, служит первоначалом, высшим началом бытия и мысли, двойка — категориальным основанием рождающейся множественности, символом соответствия, связи и противоположности вещей. При помощи чисел, обладающих в представлении человека направлением и порядком, организуется познаваемое человеком пространство. В результате космос предстает как система разнородных пространств, взаимодействующих друг с другом, накладывающихся одно на другое.

Наиболее важно в понимании числа то, что оно служит способом объединения раздельностей вне их качественных различий и тем самым выступает инструментом осмысления мира. В этом состоит когнитивно-философская значимость данного концепта, его методологическая роль в формировании языковой картины мира.

2.4. О «русской» категории рода

Грамматическая категория рода выступает одной из самых сложных для понимания и интерпретации языковых категорий. Большинство исследователей признают, что основания родовой классификации размыты, не имеют общепринятой аргументации, несмотря на пристальный научный интерес

языковедов к природе рода (см. исследования Л. Блумфилда, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. В. Бондарко, В. В. Виноградова, О. Есперсена, А. Мейе, А. М. Пешковского, А. А. Потебни и др.).

Множественность точек зрения на грамматический род и его содержательные свойства не подвергают сомнению значимость данной категории и тех признаков, на которых она базируется, для сознания человека. Как отмечал А. А. Потебня, «грамматический род принадлежит к числу общих человекообразных понятий (антропоморфических категорий), служащих для расчленения, приведения в порядок и усвоения всего содержания мысли» [Потебня 1968: 461]. По мнению В. В. Виноградова, категория рода является центральной категорией имени существительного.

Содержание категории рода ускользает от понимания, вероятно, потому, что в отличие от других лексико-грамматических классов имена существительные чрезвычайно лабильны [Рахилина 2000: 28–29]: язык допускает множество интерпретаций имени, оно может быть включено в модели описания разнообразных типов ситуаций. Такой принципиально нежесткий, подвижный характер связи имени с выражаемым им содержанием позволяет большому числу существительных одновременно относиться к двум и более таксономическим классам, переходить из одного класса в другой.

Поскольку на грамматическом уровне языка фиксируется наиболее существенная часть концептуальной информации, категория рода служит выражением качественно разнообразной и ключевой по значимости информации об объектах окружающего мира. Для обоснования этого необходимо обратиться к диахроническому анализу данной категории в широком контексте культуры.

Отметим, что исторический аспект в когнитивных исследованиях грамматических категорий оказывается наименее разработанным. Между тем, по мнению В. Н. Топорова, каждая из категорий грамматики не только «категоризует внеположенный мир неким свободным образом, но осуществляет это в соответствии с предысторией данной категории», «грамматическая категория не просто тень (как иконический образ) соответствующего аспекта действительности, жестко связанная

с ним и автоматически определяемая им, но такой языковой образ этого аспекта, который детерминируется субстратом данной категории» [Топоров 2005: 121]. Именно историческое исследование грамматической категории позволяет в большей или меньшей степени точно установить изначальную логику языка, ту идею, которая лежит в основании данной категории и понимается как принцип ее смысловой структуры. Грамматическая категория всегда слепок неких внеязыковых отношений, не порвавший связей со своим источником, продолжающим более или менее контролировать свой языковой образ.

Одним из прообразов многих грамматических категорий и, в частности, категории рода является идея притяжательности, что связано с основной функцией языка — освоением мира и усвоением его себе. Фундаментальным и наиболее архаичным субстратом категории притяжательности выступает пространство, поскольку отношения притяжания предполагают близость, смежность мыслимых объектов. В архаичных системах сознания пространство никогда не понималось как универсальное, абсолютное и нейтральное начало; структура пространства предполагала его членимость и неоднородность, наличие двух (минимально) смежных либо так или иначе соотносимых элементов. В соответствии с этим когнитивная структура пространства, репрезентированная категорией рода, может быть представлена как оппозиция фигуры и фона. Фигура при этом являет собой нечто определенное, воспринимаемое человеком и значимое, а фон — размытое, неопределенное, растворенное, разлитое в пространстве.

Итак, когнитивным основанием для выделения трех разновидностей рода в русском и ряде других языков, на наш взгляд, лежит глубинная идея противопоставления «фигуры» и «фона» (см. работы Л. Талми, Р. Лэнкера и др.): мужской и женский род соотносятся с представлениями о «фигуре», средний род выражает идею «фона». Однако «фоновый» характер среднего рода отнюдь не отрицает значимости стоящих за данными формами сущностей. Наоборот, это весьма важные для человека и даже конституирующие само бытие свойства (некая точка референции). Так, три важнейшие категории, определяющие жизнь человека: *время*, *пространство* и *действие*, — выступая в роли «фона», являют собой основу,

фундамент, онтологические свойства всех материальных проявлений окружающего мира. Эти категории всепроникающи, и потому их представление сложно, диффузно. Именно сложной структурированностью или принципиальной неструктурированностью отличаются концепты, стоящие за словами среднего рода.

Различие между мужским и женским родом (которые составляют между собой оппозицию) связано с тем, что первый соотносится с представлением о целом как автономной, целостной и самодостаточной сущности, второе — с частью целого, но функционально значимой его частью. Женский род может служить и выражением целого, но при этом данное целое включено в обусловленные отношения с другими предметами или явлениями. Иными словами, сущности, обозначенные именами женского рода, осмысляются человеком с точки зрения их связанности (связи) с другими явлениями окружающего мира. Имена мужского рода, в свою очередь, могут обозначать части целого, но эти части воспринимаются человеком именно как целое (то есть самодостаточная и многофункциональная сущность). Отношения между когнитивными сущностями, репрезентированными в формах мужского и женского рода, можно представить как отношения инварианта и варианта его реализации (ср.: *язык — речь, образ — модель* и др.).

Примечателен факт создания различных оппозиций на основе предметных имен. Если оба члена оппозиции выражены формой женского рода — они коррелируют друг с другом как две части целого, например: *культура — природа* (ср. мир, космос), *гора — долина* (ср. пейзаж, ландшафт), *крыша — стена* (ср. дом). Если же одно из слов выражено формой мужского, а другое — женского, то их отношения можно представить как целое и его часть (функционально значимая реализация целого): *лист — страница, скелет — кость, дом — комната, квартира*.

Особый случай — оппозиция имен среднего и мужского рода, например: *начало — конец*. Начало в данном случае — нечто неопределенное, а конец, наоборот, олицетворяет значимость и определенность. Все это свидетельствует о том, что категория рода отражает важные для сознания человека, но «подвижные» параметры.

Как и любая другая грамматическая категория, категория рода строится на основе прототипического принципа [Болдырев 2000: 101 и далее; Болдырев 2006: 7]. Отсюда названия основных форм рода — *мужской* и *женский* — не случайны, эти формы репрезентируют мужское и женское начало в их биологических и социальных проявлениях; *средний* же род являет собой некое неопределенное, но вместе с тем значимое для проявления того и другого начало.

Исходя из антропоцентризма языка и культуры в целом, наилучшими образцами категории рода являются концепты эгосферы (в терминологии В. Н. Топорова): «мужчина» (муж) и «женщина» (жена). Вокруг имен этих прототипов организуются центральные родовые классы, которые присутствуют (явно или скрыто) во всех индоевропейских языках. Данные прототипы задают категориальные связи между членами категории. Как и любые концепты, получившие реализацию в языке, они обладают национально-культурной спецификой и обнаруживают зависимость от физического и социокультурного опыта человека. Мы будем опираться в своем исследовании на исторические и современные данные русского языка.

Концепт мужского начала носит первичный характер, что зафиксировано, в частности, в тексте Библии (эта книга отражает глубины древнейшего сознания): Бог создал первым Адама, а из его ребра сотворил Еву. Данное обстоятельство позволяет рассматривать мужское начало как репрезентацию целого, а женское — его части. Однако далее возникает парадокс: поскольку мужское начало выступает исходной сущностью, представления о нем менее разветвлены и многочисленны, чем о женском начале, которое, как и все производное, вторичное, является отражением более сложной системы ментальных образов.

С мужским началом в мифопоэтической традиции ассоциируются такие сущности материального мира, как верх (вертикальное положение), огонь (свет), сознательное, правое (правильное), положительное, внешнее. В противоположность этому женское начало олицетворяет собой представление о низе (горизонтальное положение), воде, темном, бессознательном, отрицательном, левом, внутреннем, тайном. Мужское начало ассоциируется с небесным сводом, божественным

образом, женское — с землей, водой, подземным царством, обитающими там хтоническими существами [Маковский 1996: 146—147 и др.].

На основе этих идей мужской род, по данным языка, воплощает собой представления о целостности, независимом статусе, активности, динамичности, относительной простоте или нерасчлененности, о связи с внешним проявлением, моноцентризме. Женский род служит репрезентацией статичности, инактивности, притяжательности, сложности организации, связи с внутренним, непроявленным, скрытым, с полицентризмом. Средний род в противовес языковым репрезентациям мужского и женского начал, являет собой переходную сущность, единство противоположностей (дискретности — недискретности, динамичности — статичности, внутреннего, данного во внешнем, или внешнего, скрытого во внутреннем). Средний род воплощает синкретизм особенностей мужского и женского начал, их диалогичность. Такая способность к обобщению и объединению, а иногда и отчуждению ведет к символизации сущностей, объективированных в именах среднего рода.

Итак, мужской и женский род как грамматические категории выявляют существование дискретных сущностей. Вместе они характеризуют собственно человека и его восприятие мира: бинарность антропологических категорий и вместе с тем слитность их бытия. Мужское и женское начала выступают как две формы существования мира и человека, две стороны бытия. Не случайно можно говорить о существовании конкуренции реализаций мужского и женского начал в разных культурах: вода как первейший, а иногда и единственный элемент, в других традициях такая же роль отводилась огню. Мировое древо — дуб у славян, в других традициях, в частности в монгольском эпосе, — ива.

Покажем различие в реализации мужского и женского начал в языке на конкретных примерах из русского языка (приводятся как исконные, так и заимствованные лексемы, поскольку процессы грамматической адаптации иноязычных слов оказываются обусловлены теми же когнитивными основаниями, что и создание новых слов).

Женский род

Низ, углубление: земля, почва; яма, полынья, прорубь, канава, балка...

Вогнутость-выгнутость: ложка, скула, коса, гора...

Пустота: бездна, ночь, тьма, темнота, пропасть, даль, ширь, глубь, пучина, зима, вечность...

Отверстие: рана, дыра, пещера, лакуна, трещина, расщелина...

Емкость: чаша, чашка, тарелка, кружка, бочка, кадка, плошка, банка, кастрюля, ладья, лодка, корзина, повозка, полость, могила, раковина, посуда, бутылъ (бутылка), голова (?)...

Связывание: сеть, ткань, паутина, книга, судьба, гроздь, кисть, ватага, команда, артель, панорама, перспектива...

Сгибание: ветка, береза, осина, ива...

Бинарность: жизнь-смерть, борьба, война, сеча, битва, торговля...

Душа: луна, тень...

Зло: болезнь, хворь, немочь, боль, печаль, скверна, ложь, жажда, недостача, вина, смерть, грязь, порча, гибель, обуза, тяжесть, тягость...

Жидкость: вода, влага, кровь, похлебка, тюря, топь, трясина, лужа...

Горизонтальное положение: дорога, тропа, река, скалка, площадь, жертва...

Линейность: речь, песня, толпа, вереница, веревка, нить, палка, клюка, линия, черта, колбаса, траектория; дорога, аллея, лыжня, мостовая...

Плоскость — картина, скатерть, стена, равнина...

Внутреннее: душа, печень, селезенка, почка, матка, кишка...

Оболочка, связь: кожа, кожура, оболочка, глазурь, полива, шкура, одежда, сеть, фата, шаль, вуаль...

Часть целого: рука, нога, ладонь, шея, ступня, кость, щека, губа, бровь; весна, осень (части года); лапа (якоря), зубрина (гарпуна); стоянка, остановка, станция, точка; комната: учительская, диспетчерская, дворницкая, операционная, ординаторская, перевязочная, процедурная, смотровая; вспомогательное помещение: проходная, подсобка, коптерка,

конторка, сторожка, теплушка, кладовка, бытовка, парилка, кочегарка, котельная, аппаратная, бойлерная...

Низший (хтонический, подземный) мир: ящерица, мышь, змея, крыса, лягушка, рыба (щука, треска, салака, плотва, камбала и др.)...

Тайное, скрытое: буква, тайна...

Тленное: плоть, пища, пшеница, вещь...

Плодородие: вишня, малина, яблоня, смородина, слива...

Мужской род

Верх: огонь, бог, разум, дым, храм, вихрь, свод, купол, колпак...

Вытуклость: нос, локоть, лоб, столб, кол, идол, зуб, клык, резец, рог, бок, горб, зоб...

Центр: дом, хлеб, нерв, свет, камень...

Вертикальное положение: пест, горбыль, костыль, батог, шест, костяк, позвоночник, хребет, цветок, лес, прут, куст (отражено привычное положение дел)...

Целое: человек, год, век, скелет, пейзаж, ландшафт, гребень, ансамбль, комплекс, город, скит, монастырь, дворец, шалаш, курень, балаган, павильон, особняк, компьютер...

Внешнее, видимое: клюв, корпус, фасад, лик, экран, монитор...

Творимое: звук, металл, мед, дождь, язык, род...

Инструмент: нож, топор, молоток, ключ, станок, агрегат, автомобиль...

Стремление сознания человека к бинарной классификации окружающего мира наталкивалось на такие сущности, которые не могли быть однозначно отнесены к одной из двух доминирующих форм, их существование предполагает совмещенное восприятие человеком. Бикатегориальность, а иногда поликатегориальность требовали отнесения их к особой категории — среднего рода как рода переходного.

В эту категорию оказались отнесены сущности, которые совмещают в интерпретации человека представление о внутреннем и внешнем. Ср.: тело — внешний облик человека, но это и оболочка для его внутренней структуры (отсюда

на теле и в теле), око — это явленная внешнему восприятию внутренняя сущность человека. Имя — явленная сущность человека, его скрытое содержание. Чрево — это и внутренний орган человека, и его внешнее представление (ср. черевички — обувь из кожи, взятой с живота). Семя — не расчлененное в настоящем содержание, предполагающее четкое структурирование в будущем. Яйцо — находится на границе двух пространств: внутреннего, замкнутого, и готового к его переходу внешнего, разомкнутого. Чадо, дитя (ср. ребя, порося, жеребя и т. п.) — недифференцированное существо, с невыявленным статусом. Диво, чудо — сущности, не поддающиеся разумному объяснению; очевидное, но невероятное; необъяснимое, но существующее (человеком не установлены его четкие связи с остальным миром, а значит, не определен статус).

Небо, море — также выступают в качестве бикатегориальных сущностей. Глаз человека воспринимает их как поверхности, но опыт говорит о том, что это трехмерные пространства, вместители. Отсюда различие в грамматическом оформлении: *в море, в небе* и *на море, на небе, по морю, по небу*. Кроме того, эти явления в силу своей протяженности не могут быть охвачены, восприняты человеком как целое, полностью, поэтому они и не предполагают четкого структурирования.

Проведенный анализ показал, что категория рода, как и другие грамматические категории, служит для отражения, распределения, фиксации, хранения, трансляции чрезвычайно значимой для человека информации. Грамматический род объективирует такие важные для человеческого сознания характеристики объектов окружающего мира, как «определенность — неопределенность», «дискретность — недискретность», «целое — часть», «внешний — внутренний», «полифункциональность — монофункциональность», «структурированность — неструктурированность», «наличие простой — сложной структуры», «монокатегориальность — поликатегориальность» и др. Вместе с тем категория рода выступает в роли носителя глубоко архаичных культурных кодов, скрытых для сознания современного человека, но актуализированных в таких видах деятельности, как художественное творчество, и прежде всего — поэзия (см. работы Я. И. Гина, Л. В. Зубовой и др.).

2.5. Идея служения в национальном сознании

В книге великого русского мыслителя Л. Н. Толстого «Круг чтения» (Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении) под датой 20 октября содержится запись: «Жизнь человека только тогда разумна, когда она понимается как *исполнение долга, служение*» (курсив наш. — Е. Г.) [Толстой 1991, т. 2: 113]. Ранее, под 21 марта, писатель сделал замечание: «Здесь, в этом мире, место нашего служения, и потому на исполнение служения здесь и должны быть направлены все наши силы» [Толстой 1991, т. 1: 153].

Полагаем, что смысл, стоящий за словом «служение» в данных контекстах, выступает ключом к пониманию русской духовности, особого национального мировидения. Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к фактам русского языка, поскольку язык, как отмечал М. Хайдеггер, есть дом бытия, пространство смыслов, объединяющих прошлые и нынешние поколения людей.

В прецедентных высказываниях и текстах, включающих слова «служение», «служить», «служба», сосредоточены такие аксиологически значимые для русской культуры понятия, как вера, верность, правда, праведность (*служить верой и правдой*), совесть (*служить не за страх, а за совесть*), общее дело (*служили два товарища*), честь (*служил ты недолго, но честно*) [Толстой 1991, т. 2: 366]), смысл жизни (*жить — Родине служить*). Последнее очень важно, так как «поиск смысла жизни для русского — это всегда поиск своего места в этой жизни, ибо только это сочетание — “человек и его место в мире” — и делает русского личностью» [Уфимцева 2000: 161]. Понимание человеком своего предназначения, нужности своего дела выражается в современном дискурсе известным выражением: «Делай, что должно, а дальше — будь что будет».

Со словами «служение», «служба», «служить» в национальной культуре связаны представления о таких добродетелях, как бескорыстие, нестяжательство, терпение, усердие, скромность. Целый ряд русских пословиц и поговорок вербализуют

указанные смыслы: *где ни жить — не миновать служить; на службу не напрашивайся, от службы не отпрашивайся; ни на службу вскачь, ни от службы прочь; службу служи, а сам не тужи; на службе не без нужды; верно служу — ни по чем не тужу; которая служба нужнее, та и честнее* [Даль 1996, т. 1: 215]. И хотя здесь, как правило, имеется в виду ратная, военная служба, данные контексты приобретают в русском сознании более широкое значение. Любая служба — воинская, государственная, церковная — требует от человека высочайшего напряжения сил, усердия и самоотдачи. *Тяжел крест, но надо несть.*

По данным «Старославянского словаря», служение и служба представляют собой взаимосвязанные понятия: СЛУЖЕНИЕ — это услужение, служба, помощь; СЛУЖБА — служение, помощь, дело, работа, польза, жертва [Старославянский словарь 1994: 613–614]. Исходя из приведенных определений, в круг значений рассматриваемых слов входит то, что выражается в сочетаниях: «оказать поддержку», «прийти на помощь», «подать руку помощи», «помочь подняться на ноги» — одним словом, все то, что относится к действиям по отношению к Другому, нуждающемуся в помощи. И в этом, на наш взгляд, проявляется другоцентрическая сущность русской культуры [Уфимцева 2000: 162], естественно и глубоко впитавшей в себя высокие христианские смыслы.

В русской традиции, как отмечает В. В. Колесов, «личный “долг” всегда окрашен неким чувством единения с другими, ради которых долг следует исполнять. Не ради себя — ради других» [Колесов 2014: 683]. Такое понимание долга сохранилось до нашего времени, ср.: *быть в долгу перед кем-то; отдать долг Родине; долг перед своими родителями мы отдаем своим детям.*

В академическом «Словаре русского языка» указано, что служить — значит «работать, трудиться во имя чего-либо, на благо кого-, чего-либо» [СлРЯ 1985–1988, т. 4 (1988): 144]. В качестве иллюстрации здесь приводятся строки из стихотворения Н. А. Некрасова «Элегия»: *Я лиру посвятил народу своему, Быть может, я умру неведомый ему, Но я ему служил, и сердцем я спокоен.* Сходные смыслы выражаются словом *служитель* — «тот, кто служит чему-либо, трудится

на благо чего-либо» [СлРЯ 1985—1988, т. 4 (1988): 144]. *Служитель искусства, служитель просвещения*. Ср. с известными пушкинскими строками: *Служенье муз не терпит суеты: Прекрасное должно быть величаво*. Поэт подчеркивает высокое предназначение искусства и предупреждает художников об ответственности перед обществом, народом. Понимание творчества как служения возвышает и одухотворяет поэта, наполняет его жизнь смыслом.

Словообразовательное гнездо глагола «служить» в русском языке, по свидетельству словаря А. Н. Тихонова, включает более 150 слов [Тихонов 1990]. Лишь один этот факт указывает на значимость для русской культуры тех смыслов, которые выражаются данными словами.

Одним из первых значение слова «служить» сформулировал В. И. Даль: «СЛУЖИТЬ, *служивать* кому, чему, к чему, либо на что, годиться; пригожаться, быть пригодным, полезным; быть орудием, средством для цели, идти в дело, на дело, быть нужным, надобным...» [Даль 1989—1991, т. 4 (1991): 224]. Такое понимание применимо как к человеку, так и к вещи: *старый костюм пока еще служит, диван служит постелью* [Ожегов 1994: 721] (отсюда и значение производного слова *служба* — «употребленье, польза»).

Однако главной сферой функционирования данного слова является «деятельность человека». Не случайно *служба* в словаре В. И. Даля — это «угода, деятельность, жизнь для других, услуга, полезное дело» [Даль 1989—1991, т. 4 (1991): 224]. Все это, особенно отмеченное Далем «жизнь для других», составляет смысл русского социального поведения, является центральным мотивом русской духовности. Предпочтение общего своекорыстному, соборность в противовес индивидуализму — уникальные черты русской культуры [Голованов 2014], получившие своеобразное преломление в рассматриваемых словах.

Обобщенный смысл, выражаемый глаголом *служить* — «быть полезным», — становится базой для трех его основных значений, представленных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П. Я. Черных: 1) регулярно исполнять, за определенную зарплату, обязанности, относящиеся к области умственного или физического труда,

связанного не с производством, а с обслуживанием кого-чего-л.; 2) исполнять определенные обязанности, подчиняясь кому-л., находясь в распоряжении кого-л.; 3) выполнять свое назначение, свои функции [Черных 1999, т. 2: 177].

Каждое из указанных значений соотносится с составляющими концептуального поля «деятельность человека». Эта характеристика, на наш взгляд, и определила место данного слова (а точнее, стоящих за ним смыслов) в национальной системе ценностей. В слове *служить* реализованы две основополагающие для русского сознания идеи — идея подчинения другому и идея самопожертвования, самоотвержения.

Первая идея становится базой для развития целого ряда разнообразных смыслов, нейтральных или содержащих отрицательную коннотацию. Вторая идея, более глубинная и отражающая суть русского миропонимания, определяет круг положительно или высоко оцениваемых смыслов.

В соответствии с таким подходом значения слова *служить* распределяются на шкале ценностей следующим образом. Первое значение (из приведенных выше) выступает в качестве нейтрального: оно актуализирует концептуальные признаки «наличие у человека определенного круга обязанностей», «получение денежного вознаграждения за труд». Второе значение, репрезентирующее идею подчинения чужой воле, ассоциируется с нижней ступенью ценностной иерархии. Третье, более абстрактное значение, связанное с представлением о высоком предназначении человека, — занимает высшую ступень иерархии.

Если в слове СЛУЖИТЬ все три аксиологические характеристики оказываются сопряженными, то однокоренные с ним слова (за исключением, пожалуй, наименований *слуга* и *служитель*) можно относительно легко распределить по трем группам в зависимости от наличия/отсутствия у них оценочных коннотаций:

- высокое — *служение, служитель (служитель закона, служитель Мельпомены, служитель Фемиды), слуга (слуга народа, слуга науки, слуга Отечеству, слуга искусства), богослужение, священнослужение, священнослужитель, заслуга (медаль «За заслуги перед Отечеством»), заслуженный (почетные звания: заслуженный учитель, заслуженный работник культуры,*

заслуженный мастер спорта, заслуженный деятель науки и т. д.);

- нейтральное — *служба (гидрометеослужба, авиаметеослужба, пресс-служба, радиослужба, разведслужба, спецслужба и т. д.), служебный (служебная записка, служебное расследование, служебное жилье), внеслужебный, служащий, военнослужащий, вольнослужащий, старослужащий, сослуживец, выслуга, заслужить, заслуживать, обслужить, обслуживающий, отслужить, послужить, сослужить, прослужить, услуга;*
- низкое — *слуга, службишка, службизм, службист, служака, служка, служанка, служитель, служивый, выслужить, выслужиться, дослужиться, обслуга, прислуживать, прислуга, прислужник, услужить, услужливо, услужливый, услужник.*

Определим сферы деятельности, в рамках которых слово *служить* получает свое основное применение. Это разнообразные области государственной и общественной деятельности, не связанные с производством материальных продуктов. Наиболее типичными сферами деятельности подобного рода в русской культуре изначально были церковная служба и военная служба. Так, до сих пор общим названием военного в русском языке является *военнослужащий*. В качестве разговорных единиц по-прежнему используются *служака* (обычно о старом, опытном, усердном военном) и *служивый* (используется чаще всего при обращении к солдату). Устаревшим является слово *служилый*, означающее «относящийся к военной службе» (в XIV—XVII вв. служилые люди: стрельцы, пушкари, городовые казаки и т. д. — набирались из крестьян и посадских людей).

Сфера церковной деятельности представлена такими производными от глагола «служить», как *священнослужитель* (рукоположенный служитель алтаря, совершающий святыя таинства) и *церковнослужитель* (в православной церкви лица низших степеней клира, которые, не имея чина священства, посвящаются на служение церкви), а также *церковная служба, богослужение, богослужебный, служебник* (богослужебная книга, содержащая текст литургии, вечерни и утрени), *служка* (монастырский или архиерейский слуга, прислужник).

В своем первом значении слово *служить* соотносится с такими словами, как *должность, обязанность, место, положение* (в служебной иерархии). Ср.: ДОЛЖНОСТЬ — служебная обязанность, служебное место; служебное место в учреждении или предприятии, связанное с исполнением определенных обязанностей [Толковый словарь русского языка 1935—1940, т. 1: 521]; ДОЛЖНОСТНОЕ ЛИЦО — служащий государственно-го учреждения, занимающий достаточно высокую должность и уполномоченный принимать важные решения и осуществлять юридически значимые действия; лицо, по назначению или в силу выборов занимающее в государственных или общественных учреждениях, организациях, на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей [Большой энциклопедический словарь (БЭС) 1998: 48].

Сложное сочетание противоречивых значений отразилось в семантике слова СЛУГА. С одной стороны, *слуга* — это обозначение зависимого человека, статус которого определяется положением того, кому он служит. Так, в народных пословицах и поговорках представлены обобщенные стереотипные ассоциации: «слуга — малодушие» (*Из хама не будет пана; Кургуза душа*); «слуга — раболепие» (*Поднос пролизал насквозь; Языком тарелку проломил; Из осинового дышла тридцать три холуя вышло; Хамово отродье, хамье-лакало*). Отрицательная коннотация может быть связана и с видовым обозначением слуги. Так, нами выделены смыслы, связанные с оценкой псаря («слуга на псарне, ухаживающий за собаками и участвующий в охоте» [Русский семантический словарь 1998: 311]). Хотя в известной поговорке *Или царь, или псарь* подчеркнуто противопоставление социального статуса данного слуги всесилию и могуществу царя, в другом устойчивом выражении: *Жалует царь, да не жалует псарь* — названное лицо вовсе не является абсолютно зависимым: он пользуется особым расположением хозяина и от него во многом зависит оценка кого-либо в глазах хозяина. Другой текст: *Не ведает царь, что делает псарь* — эксплицирует мысль о том, что слуга способен втайне от хозяина заниматься несправедными делами, при этом оставаясь у него в чести. Как видим, за слугой в народном сознании закреплена устойчивая негативная коннотация.

Переносным значением слова СЛУГА является высокое «человек, посвятивший себя полностью служению кому-чему-нибудь», ср.: *слуга народа, слуга общества, слуга науки, слуга правосудия* и т. п. Здесь речь идет не о домашнем или частном слуге, а о служении общественному долгу, истине, справедливости, то есть о служении не отдельному человеку, а идее. Таким образом, можно заключить, что значимость деятельности в русском сознании определяется ее целью.

Разнообразное применение в русском языке получило слово СЛУЖИТЕЛЬ. В словаре В. И. Даля оно толкуется двояко: «кто состоит у кого в услужении, слуга, прислуга, прислужник» и «служащий низшего разряда» [Даль 1989—1991, т. 4 (1991): 224]. Таким образом, в одном из значений это наименование сближается со словом *слуга*, а в другом — со словом *служащий* (то есть имеет нейтральное осмысление).

Как показал анализ, языковые репрезентации концепта «служить», включенного в концептуальное поле «дело, работа, деятельность», выявляют различные стороны соотношения свободного, добровольного и несвободного труда. Если деятельность носит самостоятельный характер, предполагает проявление инициативы — она является благом и оценивается либо положительно, либо нейтрально. Если, деятельность связана с тяготами, испытаниями психологического, душевного/духовного плана, требует от человека полной самоотдачи, самопожертвования и направлена на благое дело — она оценивается высоко. Если деятельность носит несамостоятельный или корыстный (что тоже является признаком зависимости) характер, подчинена исполнению чужой воли — она оценивается отрицательно. Таким образом, оценка той или иной деятельности зависит не только от ее целей, но и от характера труда (свободный — несвободный труд).

Значения слова СЛУЖЕБНЫЙ помогают осмыслить культурологически значимые характеристики деятельности, обозначенные глаголом «служить». Служебный — это, с одной стороны, официальный, казенный, то есть противопоставленный человеческим (родственным, домашним, семейным) связям и отношениям. Ср.: *Не в службу, а в дружбу* (не по обязанности, а из дружеского расположения); *Дружба дружбой, а служба службой*. В лексикографических изданиях

эта особенность нередко подчеркивается соответствующими пометами или маркируется в толковании посредством указания на их этикетный (а значит, формальный) характер. Ср.: *Чем могу служить?* (офиц.) — вежливый вопрос в значении «что вам угодно?», «что вы хотите?»; *Рад служить* (офиц.) — вежливое выражение готовности оказать услугу; *Ваш покорный слуга* — 1) заключительная формула письма, предваряющая подпись; 2) в обращенной к кому-нибудь речи — вежливая формула упоминания говорящего или пишущего о самом себе [Ожегов 1994: 721].

С другой стороны, *служебный* — это вспомогательный, подсобный, второстепенный, ср.: *Эта гипотеза имела лишь служебное значение*. В грамматике служебные слова или служебные части речи — это «слова, неспособные выступать самостоятельно как члены предложения и служащие для связи знаменательных слов во фразе (напр., союзы, предлоги) или для их грамматической (синтаксической) характеристики (напр., артикли)» [БЭС 1998: 502].

В конкуренции со словом *работать*, начатой еще в древнерусскую эпоху (см.: [Колесов 2000: 183]), глагол *служить* (вместе с производными) уступил свои позиции. Так, принято чаще говорить: *иду работать / на работу, сегодня на работе, мой рабочий телефон*, — чем: *иду на службу / служить, ...на службе, мой служебный телефон*. Тем самым в языке обобщенное, нейтральное представление о выполнении профессиональной деятельности передается именно глаголом *работать*, что позволяет соотносительному с ним глаголу *служить* выражать разнообразные оценочные характеристики и смыслы. Не случайно так востребованы сегодня в публицистических текстах ставшие крылатыми строки «служить бы рад, прислуживаться тошно», служить «делу, а не лицам» и др.

Проведенный анализ показал, что в словах «служение», «служба», «служить» выражаются глубинные для русского национального сознания идеи, транслируются представления о ценностной шкале видения человека, выражается понимание смысла человеческой жизни, поэтому их с полным основанием можно отнести к средствам языка, выражающим константы русской духовности и культуры.

Служить в русском понимании означает делать нечто полезное, исполнять свой долг, свое предназначение, быть кем-то (а не иметь или казаться). Вершиной в подобном осмыслении поведения и действий человека выступает подвиг как отдельный акт самоотвержения ради блага других людей или подвижничество как образ жизни человека, посвятившего себя достижению высоких гуманных целей.

2.6. Доминанта искренности как кредо русского человека

По словам В. В. Колесова, «любая культура рождается и развивается в национальных формах» [Колесов 2014: 9]. Это замечание глубоко справедливо по отношению к отечественной культуре, в частности такой ее характерной особенности, как открытое выражение своих мыслей и чувств. На эту черту обращали внимание многие исследователи [Вежбицка 2002; Гловинская 2003 и др.]. Так, А. Вежбицка утверждала, что предпочтение искренности и прямоты речевого взаимодействия как коммуникативная установка в русской культуре противостоит условной вежливости, принятой в англосаксонской и некоторых других культурах.

Искренность в русской культурной традиции воспринимается как ценность и соотносится с такими понятиями, как честность, правдивость, бескорыстность, чистота [Голованов 2015]. Ср. ряд русских пословиц из собрания В. И. Даля: *Доброе дело — правду говорить смело. Правда чище ясного солнца. Правда света не таится. Честное дело не таится. Пей, ешь, а правду режь. Дело знай, а правду помни. Кто за правду горой, тот истый герой* [Даль 1996]. Искренность соотносится с представлением о прямом, правильном, ровном (*Я тебе напрямки, по-русски скажу. Я тебе по-русски, напрямик отрежу*), противопоставляется кривому, искривленному и запутанному (*Вся неправда от лукавого. Как ни крой, а швы наружу выйдут. В кривом глазу все криво*).

Доминирование искренности как культурной нормы и ценности отражено в семантике целого ряда русских слов и фразеологизмов: *искренний, сердечный, душевный, душа-чело-*

век, душа нараспашку, от всей души, всей душой, говорить по душам, начистоту, прямо, без обиняков, чистая правда, истинная правда. Все эти лексические единицы имеют положительную окраску в языке. Вербализуемый ими «культурный скрипт» (модель одобряемого в культуре речевого поведения) сформулирован А. Вежбицкой следующим образом: хорошо, если человек хочет сказать другим людям, что этот человек думает (чувствует); хорошо, если человек хочет, чтобы другие люди знали, что этот человек думает (чувствует) [Вежбицка 2002].

Для русских сказать правду — более просто и честно, чем юлить, врать, изворачиваться. В этом проявляется внутренняя чистота, целомудренность, целостность русского человека. Истоки формирования подобного поведения анализирует В. В. Колесов. Он утверждает, что одно из исходных значений слова *искренний* — «настоящий, подлинный», то есть такой, который ближе всего к сути [Колесов 2000: 47]. При этом внутренней основой, на которой развивалось это понятие, «стало древнее представление о родстве или, во всяком случае, близости к человеку, которому можно доверять как самому себе» [Там же: 48]. Со стороны искреннего подвохов не ждут. Таким образом, представления об искреннем идут из родового быта, когда ближним, искренним прежде всего считался человек близкий, родной по крови.

Рассуждая о путях формирования русской ментальности, В. В. Колесов указывает, что этическое сливается в ней с социальным в общей энергии народной нравственности, которая предстает как внутренняя потребность души [Колесов 2001: 5]. Судя по многим местам Писания, отмечает исследователь [Там же: 11], создатели текста были людьми прямолинейными и от других, вслед за Христом, требовали того же — искренности и прямоты: «Но да будет слово ваше *да, да, нет, нет*, а что сверх этого, то от лукавого» [Матф., 5, 37].

Во второй книге пятикнижия «Древняя Русь: наследие в слове» ученый прослеживает культурную историю восточных славян «изнутри», через оставленное ими Слово в духовности общественного сознания, в котором отразилось сложение этических и эстетических норм как осознанной системы поведения. Так, отмечается, что в древних рукописях, которые

широко были распространены на Руси, предлагалось любовь имети «ко всем человеком»: *буди правдив, с радующимся радуйся, с печальным печален.*

В знаменитой «Нагорной проповеди» к числу пороков отнесены ложь, клевета, лицемерие, лукавство, хитрость, а к числу добродетелей наряду с бескорыстием и нестяжательством — дружелюбие, мудрость, милосердие, чистота (целомудрие) и правда (правдолюбие). Мирскими добродетелями считались терпение, великодушие и искренность. Под последней понималась правдивость [Колесов 2001: 26].

Разные ипостаси русской «правды» объединяются в однокоренных словах: *правый* — искренний, *правдивый* — объективный, *праведный* — нравственный. Исконное значение корня *прав* — «прямой, ровный», отсюда *правый* — это прямой, правильный, открытый. Не случайно автор «Домостроя» Сильвестр советовал сыну Анфиму: «Служи верою и правдою безо всякия хитрости и безо всякого лукавства во всем государьскомь». Здесь правда противопоставлена кривде: прямота поведения исключает собственную выгоду. И такой идеал поведения соответствует русскому характеру, с его прямоотой и открытостью. Для русского человека найти правду — значит узнать (понять), как надо жить, чтобы всем было хорошо. *На правду не сердись. Лучше горькая правда, чем красивая ложь. Не тот друг, кто медом мажет, а тот, кто правду скажет. Называть вещи своими именами. Идти в бой с открытым забралом. Слушать правду-матку. Все минется, одна правда останется.* При этом признается: *Правдой жить — ничего не нажить; Правда — голая; Правда на миру стоит и по миру ходит; Правда — в лаптях, а кривда в сапогах* [Мокиенко 2008].

Криводушный — тот, кто кривит душой, то есть лицемерит, намеренно говорит неправду. «В народе не любят криводушных», — указывает В. И. Зимин, в доказательство чего приводит пословицы и поговорки [Зимин 2015]: *Не беда кривой, горе криводушный; У лисы-плутовки тридцать три уловки; У корысти всегда рожа бескорыстна* [См. также: Русское культурное пространство 2004]. Целый ряд устойчивых выражений в русском языке утверждает неприятие лицемерия, лукавства: *Вьется ужом, а топорищется ежом.*

Поет соловьем, а рыщет волком; На словах мягок да тих, а на деле злобен да лих; Мягко стелет, да жестко спать; На языке мед, под языком лед; Щебечет как соловей, а кусает как гадюка.

О человеке, который скрывает правду, говорят: *Совет — недорого возьмет; Правду говорит раз в год по обещанию; Что слово, то ложь; Врет и глазом не моргнет; Врет и не краснеет; Врет без зазрения совести; Врет, как шелком шьет; Врет, как бисер нижет; Врет как по писаному; Наговорил семь верст до небес; Складно врешь, да слушать тошно; Так врет, что с души прет; Ври, да не завирайся; Ври, да знай же меру; Кто его переверт, тот и трех дней не проживет; Так врет, что ни пешему, ни конному за ним не угнаться; Врать не устать, было б кому слушать.*

Ложь, лживое народным сознанием воспринимается как антипод правды [Логический анализ языка 2008]: *Ложь человека не красит; Раз солгал — навек лгуном стал; Раз солгал — так веры не будет; Соврешь — не помрешь, да впредь не поверят; Лживый хоть и правду скажет, так ему никто не поверит; Кто вчера солгал, тому и завтра не поверят; Вранье не споро: запутаешься скоро; Хвостун падает чаще хромого; Лживому надо памятку быть; Лгуну надо памятливу быть; Меньше врется — спокойней живется; Ложь — кривая; Что лживо, то гнило; Ложь стоит на глиняных ногах; Рать стоит до мира, а ложь — до правды; У лжи короткие ножки; Кто привык лгать, тому трудно отстать; Маленькая ложь ведет за собой большую; Кто любит лгать, того нельзя другом назвать; Продажная душа.*

В последнем сочетании, как и во многих других устойчивых единицах русского языка, соотносимых с искренностью (неискренностью), используется слово «душа»: *чистая душа, душа-человек, прямотушие, излить душу, отвести душу* и т. п. Как пишет Е. В. Урысон, душа — это орган внутренней жизни человека, то есть всего того, что не связано непосредственно ни с физиологией, ни с деятельностью интеллекта. Это средоточие истинных чувств и желаний, всего жизненно важного для данной личности [Урысон 2003: 22]. Душа отождествляется с внутренним «я», с сущностью человека. С точки зрения этики душа является носителем некоего этического идеала,

которому должна соответствовать, и это соответствие ценится выше всех материальных благ [Урысон 2003: 23], ср.: *великая, большая, благородная, чистая, гордая душа*.

Во фразеологическом словаре русского языка под редакцией В. Н. Телии особого внимания в контексте настоящего исследования заслуживает толкование фразеологизма *душа нараспашку*: «Душа нараспашку (с душой нараспашку) кто у кого — открыт, прост и искренен в проявлении своих чувств и мыслей. Человек проявляет доверчивость, бесхитростность, прямоту. Все в открытую. Чистосердечный человек, прямой человек. С душой нараспашку жить — проявляя доверчивость, ничего не скрывая, не тая» [Большой фразеологический словарь русского языка 2014: 196]. Как видим, в этом устойчивом сочетании отражено стереотипное представление о доверчивом, бесхитростном человеке. Доверчивый — тот, кто доверяет, верит другим, *не держит камня за пазухой*, открыт (ср.: *застегнут на все пуговицы*, закрыт — о том, кто скрывает свои мысли и чувства). В русской литературе вообще понятие *правды* часто связано с понятием *веры*: хорошо, если можно *верить* тому, что кто-то нам говорит [Зализняк 2005: 487].

Обращает на себя внимание и такое ценное качество русского коммуникативного поведения, как прямота говорящего. Сказать о чем-то открыто, но с сопереживанием, с душой — это хорошо, гораздо лучше, чем не сказать. В русской культуре идеал прямоты, искренности связан с одобрением желая говорить другим людям, что у тебя на душе и что ты на самом деле думаешь. Подчеркнем, что это является свидетельством другоцентричности русской культуры [Уфимцева 2000]: открыто разговаривая с другим человеком, ты лучше понимаешь себя. Об этом писал М. М. Бахтин, рассматривая проблемы поэтики Ф. М. Достоевского. Известный литературовед показал, что человек осознает себя лишь в общении, во взаимодействии с другими людьми: «быть — значит общаться диалогически» [Цит. по: Вежицка 2002]. Только тогда, когда ты открываешься другим людям, ты узнаешь себя самого.

Честно говоря, по правде говоря — в этих фразеологизмах содержится установка на искренность, правдивость в национальном коммуникативном поведении. То же объективируют ответные реплики в ходе диалога: «правда», «верно», «ты

прав» (ср. реплики с противоположным значением: «чушь!», «чепуха», «ерунда»). Простота общения, без условностей, без вежливости, которая носит напускной, фальшивый, ложный, искусственный характер, — вот идеал русского коммуникативного поведения.

Традиционная для нашей культуры установка на общение как обмен подлинными мыслями и чувствами соотносится с константой соборности в русском народном сознании [см. подробнее: Голованов 2014]. Русская душа — не просто душа одного отдельного человека, а душа, которая живет в единстве с другими. Цельность такой души обеспечивается верой в других людей.

А. Вежицка верно поняла, что русское понятие «правда» сосредоточено на намерении говорить правду другим людям, и оно связано с желанием открыть другим людям свои мысли и чувства — несмотря на возможное негативное воздействие такого поведения на других людей [Зализняк 2005: 498]. Но ей не удалось понять, что открытое воздействие на других людей оценивается русскими людьми вполне положительно, поскольку продиктовано наличием в национальном сознании ясного этического идеала и, что еще более важно, глубокой верой в преобразование человека, в его способность измениться к лучшему.

Таким образом, в русском языке, в культурных универсалиях коммуникативного поведения людей, в частности в искренности, сохраняется исторический опыт многих поколений. Изучение этого опыта является насущной задачей отечественной лингвистики и лингвокультурологии.

2.7. Аксиологические доминанты русской культуры в современном художественном тексте

Одним из важнейших условий сохранения национальной культуры является актуализация ее идеалов и ценностей. Исходя из того что культурные ценности не наследуются генетически, а транслируются через воспитание в семье, осваиваются человеком через образование, деятельность, общение

с представителями своей культуры, формирование аксиологических доминант (национальных, коллективных, индивидуальных) происходит в концептуальной системе человека [Болдырев 2019; Голованов 2015b: 159].

Как отмечает В. Н. Телия, «основная функция культуры — выполнять роль ориентира» во всех сферах жизнедеятельности человека [Телия 2014: 776]. Культура набрасывает на окружающий мир своего рода сетку из кодов, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [Шелестюк 2008: 38]. Согласно мнению Н. Ф. Алефиренко, «коды культуры образуют некую матрицу или систему координат, с помощью которой задаются и затем сохраняются в нашем сознании эталоны (образцы) культуры» [Алефиренко 2011: 34]. Коды культуры, отмечает исследователь, «категории универсальные... но... их проявление, удельный вес каждого из них в определенной культуре, образы языка, в которых эти категории воплощаются, всегда этнически, культурно и лингвально обусловлены» [Там же].

Для более глубокого осмысления ориентиров национального мировидения представляется значимым выявление транслируемых в современном художественном тексте аксиологических доминант русской культуры. Ценностные доминанты проявляются в произведениях литературы посредством метафорических и метонимических связей, оценочных концептов, категорий, стереотипов. Так, в романе Евгения Водолазкина «Брисбен» (2019) на фоне повествования о разных судьбах и прежде всего через жизнеописание главного героя Глеба Яновского, его отношений с родителями, учителями и другими персонажами художественно воссоздаются ценностные доминанты национально-культурного восприятия и деятельности: дом, детство, семья, профессия, поиск смысла жизни во время тяжелой болезни, обретение смысла жизни через жизнь ради спасения другого, понимание жизни и смерти, понимание музыки как жизни, а жизни как музыки.

Роман дает представление о том, как заложенные в семье (законсервированные в ходе доверительных бесед «конвенционально заданные константы морали в семейном кругу» [Купина 2017a]) и сформированные условиями жизни в детстве нравственные ориентиры находят свое отражение и в даль-

нейшем развитии в деятельности человека, профессиональной и непрофессиональной.

Применительно к аксиологической доминанте **Дом** мы отмечаем реализацию в исследуемом тексте когнитивного механизма профилирования: в романе высвечивается такая значимая характеристика данной концептуальной области, как ‘место, где прошло детство человека с самого рождения’. По мысли автора, героя произведения с этим местом на протяжении всей его жизни *связывала пуповина*. В данном случае можно говорить о культурном трансфере связи матери и ребенка на связь дома и человека (посредством метафорометонимического переноса).

1. Дом. Единственный, возможно, в его жизни. Потом домов было много — так много, что они потеряли свое домовое качество и стали местом жительства. А с этим связывала пуповина: Дом. Маленький, двухэтажный, стоял на бульваре Шевченко, бывшем Бибиковском [Водолазкин 2019: 33].

Обратимся к актуализированным в романе «Брисбен» составляющим аксиологической доминанты русской культуры **Семья**. В качестве наиболее значимых в произведении выделяются такие моменты жизни семьи, как совместное времяпрепровождение, ощущение счастья, когда все члены семьи вместе. Кроме того, важной составляющей семейной жизни являются взаимоотношения родителей и ребенка.

Детям нравится общение с бабушками и дедушками, у которых всегда находится время на внуков, в отличие от занятых профессиональными и иными задачами родителей. И в романе есть этому подтверждение. При этом автор высказывает мысль, что для ребенка одинаково важно, чтобы у него были и родители, и бабушки, дедушки, а особое счастье возникает в момент, когда вся семья собирается дома.

2. Ему вовсе не было плохо с бабушкой, просто он любил, когда все в сборе [Там же: 31].

Для формирования личности ребенка оказывается очень важным иметь домашнее животное, особенно если родители находятся в конфликтных отношениях (как у главного героя Глеба): животное становится ребенку другом, снижает его тревожность. Кроме того, это один из способов развития

у растущего человека социальных навыков, чувства эмпатии, ответственности.

3. — В детстве мне очень хотелось иметь собаку. Очень. Но не позволяли соседи. А теперь — не хочется [Водолазкин 2019: 34].

При описании детских лет героя автор акцентирует внимание на стремлении мальчика показать свои успехи отцу и получить одобрение с его стороны. Постепенно, по ходу повествования мы наблюдаем трансформацию отношения отца к занятиям сына музыкой — от снисходительного до чувства гордости.

4. Мальчику же хотелось предстать перед отцом во всей музыкальной красе, и уж во всяком случае с аккомпанементом [Там же: 59].
5. ...Он отстал от аккомпаниаторши на такт, и, хотя пару раз она пыталась его поймать, закончили играть они порознь. Эта картинка застыла в памяти Глеба навсегда: неплотно, в шахматном порядке, заполненные места на скамейках, грустные глаза отца в дальнем ряду и абсолютная невозможность играть. На открытых площадках он не выступал больше никогда.

<...> Играя концерт, Глеб взял вершину еще более высокую... образовалось еще одно измерение со своей собственной вершиной, и к ней стремился теперь его сын. Здесь Федор мысленно поправил сам себя: измерение не образовалось, его образовал Глеб. И теперь он смотрел на Глеба новыми глазами [Там же: 83–85].

Когнитивно выделенными, салиентными составляющими ценности **Семья** являются радость, счастье, уют.

6. Радость в жизни вообще редкая гостья [Там же: 28].

Если во взрослой жизни люди порой не замечают, не ценят радостных моментов, то в детстве впечатления от них гораздо острее. Так, Ботанический сад («Ботаника»), куда главный герой ходил с бабушкой Антониной Павловной осенью после школы, автор называет «сказочным» [Там же: 24]. Главная радость в момент посещения сада для Глеба была связана с мороженым.

7. Да, мороженое: оно было главной радостью Ботаники, а днем его было воскресенье [Там же: 25].

Радость, испытанная в детстве от совместного времяпрепровождения, дополняется во взрослой жизни героя радостью от домашнего уюта (особенно при отсутствии такового в собственной личной жизни).

8. Они с женой Никой приглашают меня к себе. Я еще изображаю неуверенность, но внутренне, пожалуй, готов. Мысль о том, что сейчас я войду в чей-то ночной уют, наполняет радостью [Там же: 42].

Доверительный межличностный разговор занимает особое место на шкале ценностей. «Детали уклада обыденной жизни, всплывающие в сознании жизнеописателя, неразрывно связаны с воспоминаниями о разговорах с родителями в детстве. Зрительные, обонятельные, акустические ощущения, объединяясь, передают атмосферу семейной беседы» [Купина 2017b: 200].

9. Тем летом Глеб с бабушкой отдыхали в поселке Клавдиево под Киевом. ...Лето в этом доме, покосившемся и постепенно врастающем в землю, каком-то уже полуподвальном, стало для Глеба сказкой. Здесь все еще тикала удивительная прежняя жизнь, которую он видел только в кино. Эта жизнь не создавалась для съемок. Просто длилась, продолжала быть в одном лишь этом клавдиевском доме. Возникла будто из шкатулки, потому что дом Поляковских напоминал шкатулку [Водолазкин 2019: 94–95].

10. Все-таки земля уютна, и хорошая беседа на крыльце, и вечерняя рыбалка... [Там же: 99].

В романе обнаруживаются также примеры репрезентации концептуальных областей «идеальный муж» с когнитивно выделенной характеристикой 'надежность' и «идеальная жена» с когнитивно выделенной характеристикой 'кротость, благоразумие'. В соответствии с традиционными представлениями, от супруга женщина ждет сильное плечо, опору, чувство защищенности, в свою очередь мужчина хочет видеть рядом с собой женщину с мягким характером (но с твердым духом) и отходчивым нравом.

11. ...Понимаешь, ей нужен рядом надежный человек, только где его найдешь? А папа, спросил Глеб, — он ненадежный? Папа... Бабушка вздохнула и развела руками [Там же: 21].

12. Глядя на Галину, Глеб думал о том, как все-таки повезло с ней отцу, и мечтал о такой же тихой и благоразумной жене. Впрочем, даже в своем раннем возрасте он уже понимал, что женятся, конечно, на таких, как Галина, но влюбляются-то в неблагоразумных [Водолазкин 2019: 70].

Таким образом, анализ реализации аксиологических доминант в современном художественном тексте дает представление о значимости данных категорий для художественного осмысления различных сторон жизни человека. Учитывая, что потребность в ценностях сегодня особенно велика [Петрова 2015: 202], выявление транслируемых автором художественного произведения духовных ценностей позволяет установить нравственные ориентиры, актуальные для современного человека, необходимые для формирования его поведенческих траекторий в процессе взаимодействия с членами семьи, друзьями, коллегами и т. д.

Безусловно, смысловые (в том числе аксиологические) доминанты художественного текста отражают авторский мир, индивидуальные особенности восприятия Е. Водолазкина. Однако, как показывает анализ, роман «Брисбен» актуализирует духовные смыслы, значимые для русской культуры в целом, тем самым транслируя национальную ориентированность писателя и его человекообразную философию.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурная природа ментальности / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 20–39.
2. Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с пол. / Е. Бартминьский М.: Индрик, 2005. 528 с.
3. Белякова, С. М. Три века / С. М. Белякова // Русская речь. 2000. № 4. С. 32–35.
4. Белякова, С. М. Образ времени в диалектной картине мира (на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области) / С. М. Белякова. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. 263 с.

5. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. 123 с.
6. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
7. Болдырев, Н. Н. Доминантный принцип организации языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 37–44.
8. Борев, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы. Энциклопедический словарь терминов / Ю. Б. Борев. М.: АСТ: Астрель, 2003. 575 с.
9. Вежбицка, А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицка // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.
10. Водолазкин, Е. Г. Брисбен: роман / Е. Г. Водолазкин. 2019. 410 с.
11. Гловинская, М. Я. Постулат искренности vs. постулат толерантности и их производные в разных культурных моделях поведения / М. Я. Гловинская // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / отв. ред. Н. А. Купина, М. Б. Хомяков. Екатеринбург, 2003. С. 355–364.
12. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. Челябинск: Энциклопедия, 2009. 251 с.
13. Голованов, И. А. Аксиологические константы традиционной духовной культуры в фольклорном собрании В. И. Даля / И. А. Голованов // Челябинский гуманитарий. 2012. № 1 (18). С. 37–45.
14. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2014. 296 с.
15. Голованов, И. А. Аксиологические константы русской ментальности (на материале фольклорных текстов) / И. А. Голованов, Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015а. № 1 (42). С. 13–24.
16. Голованов, И. А. Духовные константы русского национального сознания в записях фольклора на рубеже XX–XXI веков / И. А. Голованов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015b. № 1 (266). С. 159–162.
17. Голованов, И. А. Национальные ценности в фольклорном тексте / И. А. Голованов, И. Г. Казачук // Вестник Челябинского

государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 145–149.

18. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Е. И. Голованова. М.: Элпис, 2008. 304 с.

19. Голованова, Е. И. Русский язык и традиционные ценности славянской культуры / Е. И. Голованова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 1 (266). С. 153–155.

20. Голованова, Е. И. Служение как духовная ценность в русской культуре / Е. И. Голованова // Урал. Православие. Культура. Кирилло-мефодиевская традиция в культуре России: укрепление духовного единства: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2017. С. 150–159.

21. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. В 2 т. М.: Терра, 1996.

22. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. М.: Языки славян. культуры, 2005. 544 с.

23. Звездова, Г. В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. В. Звездова. Саратов, 1997. 38 с.

24. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В. В. Колесов. СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. ун-та, 2000. 326 с.

25. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Добро и зло / В. В. Колесов. СПб.: Филол. фак. С.-Петерб. ун-та, 2001. 304 с.

26. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. 624 с.

27. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. 624 с.

28. Колесов, В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / В. В. Колесов. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 1120 с.

29. Костина, А. В. Традиционная культура в модернизирующемся обществе: перспективы развития / А. В. Костина // Пятые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры»: сб. ст. Челябинск, 2011. С. 8–15.

30. Купина, Н. А. Коммуникативные ценности в художественном мире Евгения Водолазкина / Н. А. Купина // Аксиологи-

ческие аспекты современных лингвистических исследований: тез. докл. 2-го Междунар. науч. семинара. Екатеринбург: Ажур, 2017. С. 23–24.

31. Купина, Н. А. Лингвистическая философия Евгения Водолазкина: роман «Авиатор» / Н. А. Купина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4 (169). С. 194–205.

32. Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. 672 с.

33. Лосев, А. Ф. Бытие — имя — космос / А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1993. 958 с.

34. Маковский, М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. М.: Владос, 1996. 416 с.

35. Маслова, Ж. Н. Творческое языковое сознание / Ж. Н. Маслова. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. 300 с.

36. Мосиенко, Л. В. Аксиологические доминанты в художественных произведениях Гийома Мюссо / Л. В. Мосиенко // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 11 (172). С. 47–52.

37. Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание / С. Е. Никитина. М.: Наука, 1993. 189 с.

38. Петрова, Л. М. Аксиологические доминанты в повести И. С. Тургенева «Фауст» / Л. М. Петрова // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 201–205.

39. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике: в 3 т. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного / А. А. Потебня. М.: Просвещение, 1968. 551 с.

40. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. М.: Рус. словари, 2000. 416 с.

41. Руденко, Д. И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д. И. Руденко. Харьков: Основа, 1990. 299 с.

42. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. Вып. 1. М.: Гнозис, 2004. 318 с.

43. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 792 с.

44. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. М.: Академ. проект, 2001. 990 с.

45. Телия, В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ: Пресс-книга, 2014. С. 776–782.

46. Тимофеев, В. П. Фразеология диалектной личности: словарь / В. П. Тимофеев. Шадринск: Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 2003. 176 с.

47. Толстой, Л. Н. Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Л. Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении: в 2 т. / Л. Н. Толстой; сост., вступ. ст. А. Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1991.

48. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. М.: Индрик, 1995. 512 с.

49. Топоров, В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах / В. Н. Топоров // Структура текста. М., 1980. С. 3–58.

50. Топоров, В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения / В. Н. Топоров. М.: Языки славян. культуры, 2005. 816 с.

51. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В. Урысон. М.: Языки славян. культуры, 2003. 224 с.

52. Уфимцева, Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. ст. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 135–170.

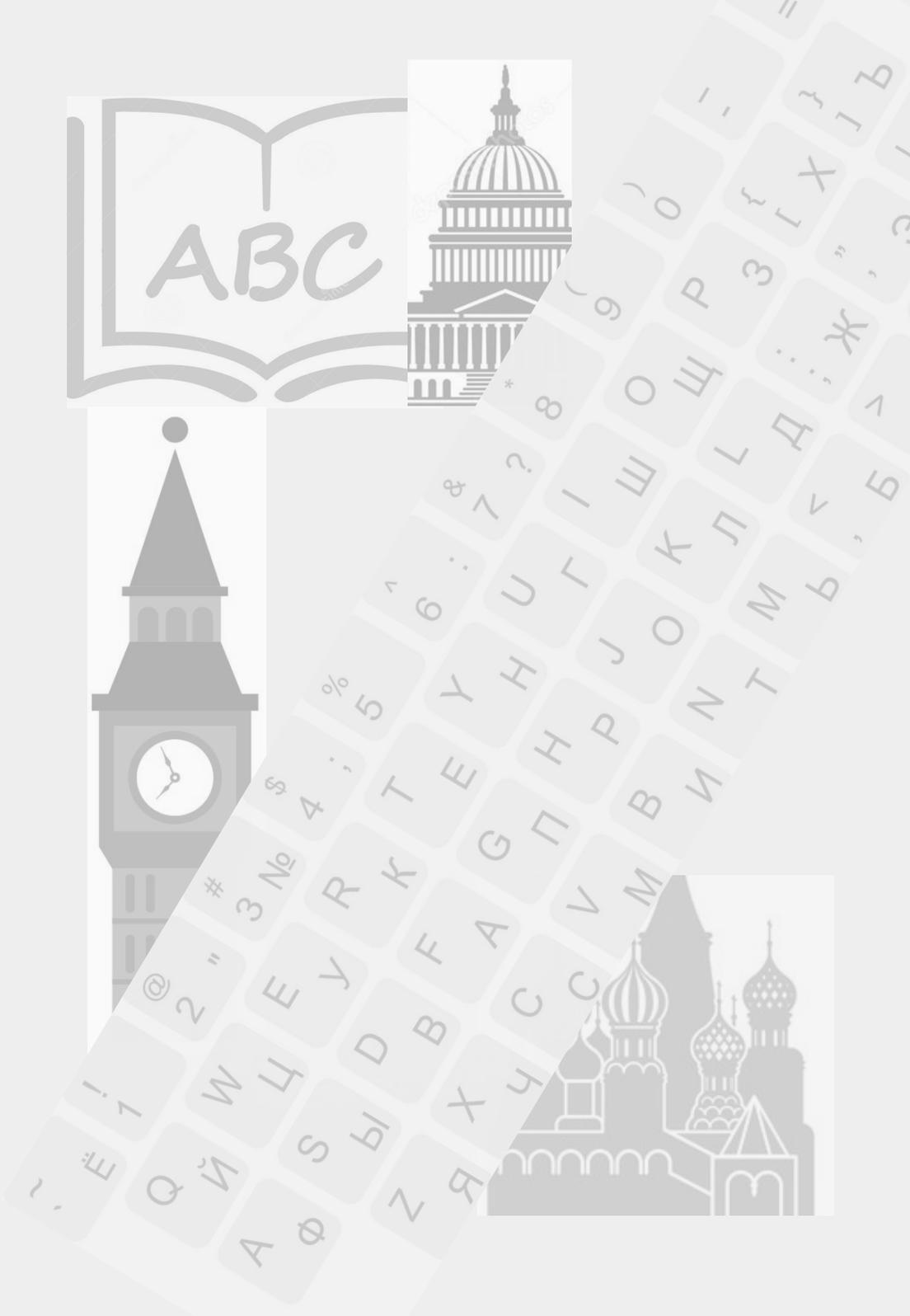
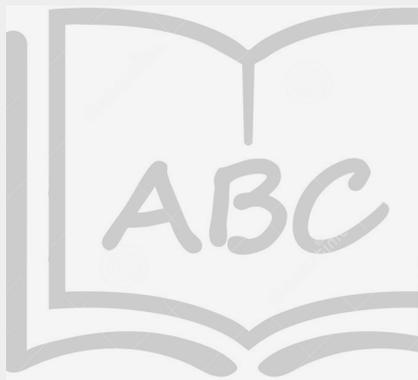
53. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2 / П. Я. Черных. М.: Рус. яз., 1999. 560 с.

54. Шелестюк Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования / Е. В. Шелестюк. Челябинск: Энциклопедия, 2008. 232 с.

55. Юдин А. В. Русская народная духовная культура / А. В. Юдин. М.: Высш. шк., 1999. 331 с.

Словари

56. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: в 2 т. / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова; под ред. С. Г. Шулежковой. Магнитогорск: МаГУ, 2009.
57. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ: Пресс-книга, 2014. 784 с.
58. Большой энциклопедический словарь. М., 1998.
59. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. М., 1989—1991.
60. Зимин, В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок, метких выражений / В. И. Зимин. М.: АСТ: Пресс-книга, 2015. 736 с.
61. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
62. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.
63. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Азбуковник, 1998. 800 с.
64. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985—1988.
65. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. 842 с.
66. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А. Н. Тихонов. М.: Рус. яз., 1990.
67. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1—4. М., 1935—1940.
68. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
69. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. М.: Рус. яз., 1999.

Часть II

Русская
и англоязычные
лингвокультуры:
контрастивный
анализ

ГЛАВА 3

Универсальное и уникальное в лингвокультурах России, Великобритании и Америки

Настоящая глава является обобщением наблюдений об универсальных характеристиках и национально-культурной специфике языкового сознания представителей русского и англоязычного лингвокультурных сообществ. Надеемся, что систематизированные и переработанные публикации автора будут способствовать созданию целостного представления о лингвокультурной специфике рассматриваемых лингвокультур. Проанализированы тенденции стереотипизации, общие характеристики и национально-специфические особенности репрезентации и восприятия стереотипов, названий праздников, растений, этнонимов, особенности англоизации и гибридизации в топонимах и микротопонимах на локальном языковом материале.

3.1. Автостереотипы и гетеростереотипы в лингвистике повседневности

Национально-культурные особенности конкретной языковой картины мира определяются ее стереотипизированностью в качественном отношении, а в количественном аспекте — степенью реализации стереотипов восприятия — «упрощенного, схематизированного, эмоционально окрашенного и чрезвычайно устойчивого образа какой-нибудь этнической группы или общности, распространяемого на всех ее представителей [Садохин 2001: 170]. Национально маркированные стереотипы, или этнические стереотипы, во многом предопределяют особенности национального характера. Этнические стереоти-

пы в зависимости от восприятия своего или чужого этноса подразделяются на авто- и гетеростереотипы, реализующие эндоэтническое и экзоэтническое в языке и культуре. В автостереотипах реализуется в основном положительное или нейтральное отношение в восприятии «своей» лингвокультуры, в то время как гетеростереотипы подразумевают скорее отрицательное, чем положительное восприятие представителей других лингвокультур.

Яркие примеры двухполюсной стереотипизации обнаруживаются в ситуациях лингвистики повседневности, изучение которых в сравнительно-лингвокультурологическом аспекте представляется актуальным.

Американцы с удовольствием и во всех подробностях любят говорить и писать о себе. Трудно представить подробные еженедельные отчеты в социальных сетях русских женщин, ожидающих ребенка, о том, как у них проходит беременность, тогда как американки считают это вполне естественным. У американцев повсеместно отмечается праздник *Babyshower*, на который приглашаются подруги будущей матери с подарками еще не родившемуся ребенку, в то время как в отечественной действительности не принято покупать детские вещи заранее. Рождение ребенка является долгожданным событием как в русской, так и в американской семье. Однако его появление в отечественном роддоме сопровождается многочисленными ограничениями для родственников (запрет на нахождение в палате, ограничения на количество присутствующих при родах, на передачу продуктов питания и т. д.). В американских больницах такие ограничения отсутствуют; кроме того, при посещении не выдают халаты и бахилы, а в послеродовой палате может быть сколько угодно посетителей. Если в российских роддомах мать с ребенком выписывают в среднем через неделю после родов, то в США — на второй или третий день после родов, что связано со значительной стоимостью пребывания в больнице даже при наличии медицинской страховки. В США женщины могут рассчитывать только на небольшой неоплачиваемый (не более трех месяцев в крупных организациях) декретный отпуск. Возможность не выходить на работу с сохранением рабочего места в России опровергает стереотипное представление о превосходстве американской действительности.

Американцы являются представителями монохронной культуры, наделенными гетеростереотипными характеристиками, включающими в себя, в частности, индивидуализм, прагматизм, открытость, предприимчивость. Однако стереотипный образ представителя какой-либо нации (американцы не являются в этом плане исключением) зачастую вступает в противоречие с реальной лингвокультурной ситуацией, что позволяет говорить о релевантности гетеростереотипов и амбивалентности восприятия образа.

Рассмотрим амбивалентность гетеростереотипов на примере отношения американцев к детям и наблюдений автора за жизнью американской семьи в аспекте лингвистики повседневности.

Лингвокультурная ситуация США поликультурна, что подразумевает взаимовлияние представителей разных этносов на лингвистику повседневности. Для этнически смешанных семей нередко характерен билингвизм, а следование разным культурным традициям приходилось наблюдать и в этнически однородном окружении. Американские детские дни рождения завершаются разбиванием мексиканской пиньяты (заполненного конфетами и подвешенного на веревке большого самодельного шара из папье-маше), на праздниках популярны блюда не только американской кухни.

С самого рождения начинается процесс социализации младенца, приводящий в недоумение моих соотечественников. В больницах отсутствуют халаты и бахилы для посетителей, часы посещения и количество посетителей в палате не ограничиваются, родственники могут оставаться до выписки, поощряется *skin contact* с новорожденным (ср. отечественную практику надолго ограничивать контакты с новорожденным). Подгузники (*diapers* от размера *newborn* и до очень больших размеров) нередко в гардеробе трехлетних детей. Если в России не принято показывать ребенка родственникам и друзьям чуть ли не до года, то в США врачи ратуют за быструю социализацию новорожденных, *new* — новеньких, как их принято называть в разговорном варианте американского английского языка. Поэтому таких детей принято брать с собой в поездки, на пикники, в походы, на различные массовые мероприятия с большим количеством присутствующих. В России маленьких

детей кутают в любую погоду, в США многие дети выросли без чепчиков, теплых комбинезонов и носков. В любую погоду американские малыши носят *onesie* — «комбинезон», чаще всего с короткими рукавами и штанинами, с разнообразными надписями, анализ надписей на которых заслуживает, по нашему мнению, внимания с точки зрения заявленной в заголовке раздела темы. Проанализировав около ста надписей на детских комбинезонах¹, можно с определенной долей уверенности заключить, что в надписях отражаются многие гетеростереотипные характеристики американцев, включающие в себя:

1. Грубоватый американский юмор, реализующийся при помощи словосочетаний, целых предложений и даже мини-текстов:

- *Cute like mommy, smelly like daddy.*
- *Don't scare me, I poop easily.*
- *My daddy loves me more than bacon.*
- *It's all shits and giggles 'till someone giggles and shits.*
- *I had boobs for dinner. What did you have?*
- *I'm too sexy for my diaper.*
- *Sorry ladies my daddy's taken.*
- *County jail 9818783.*

В приведенных примерах встречаются уменьшительно-ласкательные суффиксы и сленгизмы, сокращения, личные и притяжательные местоимения, повторы, характерные для грубовато-сентиментального общения с ребенком. Вряд ли отечественные родители купят или получат в подарок комбинезон с номером заключенного, как в последнем примере или со снижено-разговорными словами *boobs, smelly, poops, shit*.

2. Сознание собственного превосходства, любовь к словотворчеству.

В надписях встречаются простые рифмовки: *Lock up your sons, my daddy has guns*; многочисленны случаи употребления притяжательного падежа перед номинацией родственника: *Daddy's, Mommy's, Aunt's, Granny's...* — и последующим перечислением достоинств ребенка: *Little Sparkler, Princess, Cutie, Captain awesome, rocker, superman in training, biker baby*. В примере надписи *Cryfindorable* используется сложный

¹Все примеры взяты из <https://yandex.ru/images/search?text>.

трехчастный бленд-неологизм, состоящий из двух глаголов со значениями «плакать» и «считать» и усеченным началом прилагательного *adorable* — восхитительный. В надписи-вопросе *Are you kitten me right meow?* употреблен конверсив-неологизм *to kitten* — «мяукать» или «вести себя как котенок». В надписи *tailgater* (первоначальное значение «идуший вприпрыжку другому автомобилю водитель») на спинке комбинезона обыгрывается популярная традиция среди американцев болеть за свою команду, когда многочисленные машины болельщиков паркуют рядом со стадионом, готовят незамысловатую еду, устраивая себе праздник, не имея возможности купить дорогой билет на матч, и зависимость маленького ребенка от родителей.

3. Характерный для восприятия типичного американца индивидуализм реализуется в проанализированных надписях в преобладании личного местоимения *I* и притяжательного местоимения *my*:

- *I love you California.*
- *I'm cute.*
- *I'm with you.*
- *I'm not crying, I'm ordering dinner.*
- *I just got here and I'm already awesome.*
- *I'm one cute chick.*
- *I'm so fancy.*
- *My daddy rocks.*
- *My granny is the best.*

Параллельные конструкции, перечисления членов семьи, начиная с ребенка, подчеркивают его значение:

- *I'm cute.*
- *Mom is cute.*
- *Dad is lucky.*

Самым частотным прилагательным в анализируемых надписях является *cute* — «симпатичный, сообразительный». Похвала — отличительная особенность американского общения с детьми. Принято хвалить детей за самые незначительные успехи, что способствует развитию завышенной самооценки и уверенности в себе. В конце учебного года награды получают даже самые отстающие ученики начальной школы, пусть это будет всего лишь награда за посещение занятий.

Социализация маленького гражданина сопровождается во многих случаях вынужденным посещением *daycare* — аналог яслей, куда принимают детей с шестинедельного возраста из-за отсутствия оплачиваемого *maternity leave* — декретного отпуска матери. Посещение *daycare* возможно, если родители могут платить по тысяче долларов в месяц или приглашать *babysitter* — няню на условиях почасовой оплаты. В России допустим лишь второй вариант, хотя в начале советского периода и в условиях сокращенного декретного отпуска в ясли принимали совсем маленьких детей. Очереди в дошкольные заведения существуют как в США, так и в России. В американских яслях принято выдавать родителям краткий письменный ежедневный отчет о том, как ребенок спал, ел, играл, в каком настроении был, что ему необходимо принести на следующий день. Так, в яслях *Kids, Kids, Kids* в отчете *Toddler Daily Report* указаны дата, имя ребенка, воспитателя, заполнены разделы «настроение» из шести вариантов: *Happy, Sleepy, Curious, Shy, Fun Loving, Sad*, четыре приема пищи, из них два перекуса, что и сколько ребенок съел, время сна, участие в занятиях, смену подгузников с указанием точного времени и что необходимо принести родителям на следующий день. Следует отметить, что в группе не более 10–12 детей и несколько воспитателей, что сложно представить в отечественных государственных детских садах. Родители могут забрать ребенка из американских яслей только на три недели с сохранением места и без оплаты этого времени. Обязательные посещения врача сводятся к минимуму, отсутствует патронаж на дому, хотя в больнице врач принимает каждого ребенка в строго назначенное время и в отдельном кабинете для ребенка и родителей.

Рабочее место сохраняется за женщиной после родов лишь три месяца. Обязательно посещать педиатра всего три раза до достижения года, время посещения оговаривается заранее, выбор больницы произволен, очереди отсутствуют, соблюдается *privacy* матери и ребенка. Медсестра приглашает на прием, называя имя ребенка, а не матери, в отдельный кабинет со всеми удобствами для пациентов и медперсонала, включая компьютер. Обязательными для врача и медсестер являются положительно коннотированные комментарии

относительно внешности, поведения ребенка, письменные и устные рекомендации по уходу и возрастным особенностям детей соответствующего возраста, по предотвращению послеродовых депрессий, а также раздача многочисленных анкет, оценивающих работу медперсонала. Импонирует диалогичность медперсонала, настраивающая на эмпатию при посещении больницы. Наличие *charity boxes* — контейнеров для одежды и игрушек для детей разного возраста является еще одной положительной американской реалией, меняющей стереотипное представление об индивидуализме и эгоцентризме американцев.

В школьном возрасте американские дети могут посещать круглогодичные группы продленного дня — *boys and girls*, в которые детей привозят к 8 утра, потом обязательно на автобусах развозят по школам, затем обратно до 5—6 вечера. Завтраки дети приносят с собой в *Lunchbox*, домашние задания в таких центрах не делают. Для самостоятельно возвращающихся из школы детей существует «тихий час» с большими ограничениями скорости движения. В отечественных группах продленного дня на базе школы учителя контролируют выполнения домашних заданий и детей обеспечивают горячим питанием.

В американских школах принято проводить дни *Open house*, похожие на родительские собрания, но с присутствием и родителей, и детей. Интересна система поощрений детей в школах. Каждый ребенок должен получить какую-нибудь награду: за отсутствие пропусков занятий, за доброту принято награждать плохо успевающих детей. Вспомним и сравним записи в дневниках русских школьников. Неактуален стереотип о том, что американские дети мало читают. Сначала родителям выдают простые иллюстрированные книги и дневник для отчета о совместном их прочтении и усвоении, потом каждый школьник должен прочесть необходимый минимум самостоятельно. Популярны детские библиотеки, во многих американских семьях есть неплохие домашние библиотеки. Не соответствует действительности и стереотипное представление о том, что у американских школьников отсутствует школьная форма. Ограничена цветовая гамма и сочетаемость одежды.

В средней школе обязательным является выбор одного или нескольких факультативов: спорт, хор, музыкальный инструмент, театр. Награды после окончания школы также более разнообразны, чем в России: *Advanced honors Diploma, Advanced Diploma, High Honors, Honors, Gold Medallion of Honor, Advanced Placement gold Seal*¹. Американские школы не нумеруются, а отличаются разнообразными метафорическими названиями, именами основателей.

Начало учебного года в США отличается от 1 сентября в России. Учителям не дарят цветы, однако школьники приходят вместе с родителями. Стереотип о начале самостоятельной жизни после окончания школы также часто далек от реальности. Многие американские подростки живут с родителями, поскольку не могут найти работу или снять дешевое жилье. Между поколениями не чувствуется большой разницы: праздники принято отмечать всем вместе, пожилые американцы до конца жизни управляют автомобилем, предпочитают жить самостоятельно, общение с внуками ограничено по времени и усилиям, что противоречит русской ментальности.

Если американцу предстоит серьезная операция, то нередко перед ней устраивают *Cut me open party* — вечеринка перед операцией, на которую приглашают друзей и родственников, чтобы поддержать больного. Прощальные собрания и встречи могут быть организованы на работе смертельно больного сотрудника, чтобы в его присутствии выразить благодарность за работу и достижения. То, что является нормой в американской лингвокультурной ситуации, может вызвать удивление и даже неприятие у представителей русской лингвокультуры, и наоборот. Проанализированные примеры, отражающие некоторые особенности англоязычной и российской лингвистики повседневности, позволяют сделать вывод о неустойчивом характере стереотипов, их восприятии представителями «чужой» культуры и наличии национально-культурной специфики в их реализации.

Индивидуализм американцев опровергается участием всех членов семьи в воспитании детей. В США принято присутствие не только родителей, но и бабушек и дедушек, на всех

¹Приведены примеры наград выпускникам школы Sierra Vista High School в Неваде.

детских мероприятиях, включая игры в футбол, выступления на праздниках, начало и окончание занятий в школе, родительских собраниях. Открытость и откровенность в общении старших с младшими заслуживает одобрения, с одной стороны, однако отсутствие запретов и запретных для обсуждения тем, с другой стороны, о чем свидетельствует большинство фильмов об американских подростках, включая популярный фильм *The Breakfast Club*, способствует чрезмерно раннему взрослению. Принято считать, что большинство американских подростков начинает самостоятельную жизнь *sharing apartment, room* — снимая квартиру или комнату с друзьями после окончания школы. На практике это не всегда соответствует действительности из-за отсутствия средств и возможности переехать в другой город и даже жить в кампусе.

Рассмотрим релевантность некоторых гетеростереотипов на примере восприятия британцев, которых в отечественном языковом сознании нередко отождествляют с англичанами. Великобритания полиэтнична, ее население состоит из потомков не только англосаксов, но и валлийцев, шотландцев, ирландцев, многочисленных англизированных и полностью или частично ассимилированных представителей бывших колоний Великобритании. Считалось, что данных представителей монохронной культуры характеризует вежливость, сдержанность, практичность, чувство долга и чести, надежность и постоянство. Согласимся с ироничной характеристикой Дж. Паксмана своих соотечественников: *Being English used to be so easy. They were one of the most easily identified peoples on earth, recognized by their language, their manners, their clothes and the fact that they drank tea by the bucket load* [Рахман 1999: vii]. В настоящее время все гораздо сложнее, потому что внешние идентифицирующие англичан поведенческие и коммуникативные маркеры исчезли. *They were polite, unexcitable, reserved... They were doers rather than thinkers, writers rather than painters, gardeners rather than cooks. They were class-bound, hidebound and incapable of expressing their emotions. They did their duty. ...Their most prized possession was a sense of honour. They were steadfast and trustworthy. The word of an English gentleman was as good as a bond sealed in blood* [Ibid.: 1]. Однако легкоузнаваемый образ англичанина,

реализованный в художественном дискурсе и кинодискурсе, сменился гетерогенным полиэтничным образом британца. Сложно представить сдержанного ирландца, валлийца и даже современного англичанина. Не зря употребление продолженных временных форм глаголов как более эмоционально насыщенных по сравнению с остальными становятся частотным явлением в английском языке, в разговорной речи нередко случаи употребления таких форм с глаголами чувственного восприятия: *I'm smelling a rose*.

1. Экспрессивность и эмоциональность современных британцев вступают в противоречие с традиционной английской вежливостью и сдержанностью. Мнения, положительные или отрицательные характеристики участников коммуникации, высказываемые откровенно, сближают коммуникативное поведение британцев с отечественным коммуникативным поведением. В личной переписке можно обойтись без традиционного обращения *dear*.

Следует упомянуть о *guest books* — гостевых книгах, ведущихся и бережно хранящихся в семьях представителей среднего класса. В письменной коммуникации преобладает раздражающая российского адресата дотошность и назойливость способов изложения цели коммуникации. Во время двухнедельного семинара для преподавателей российских вузов, проходившего в Оксфорде, замечательная *host family* — принимающая семья — выдала автору работы подробную, на трех печатных листах, и пугающую инструкцию о том, как пользоваться бытовыми приборами, сигнализацией, как открывать и закрывать дверь и какие алкогольные напитки были в моем распоряжении, тем самым в дотошно-вежливой форме реализуя гетеростереотип о склонности русских к пьянству, одновременно недооценивая способности гостя справиться с элементарными проблемами на бытовом уровне. В качестве оправдания следует отметить распространенные среди британцев и хранящиеся на видном месте подробные перечни дел, курсов, лекций культурных мероприятий, составленных на неделю и похожих на отечественные распорядки дня для младших школьников. Слишком подробные инструкции пишут не только дома или в гостинице для гостей, но и в учебных заведениях и в общественном транспорте (в междугородном

автобусе Оксфорд — Эдинбург в спинку каждого кресла было вложено детальное описание и иллюстрации упражнений для рук и ног). В США иногда хочется получить подробную инструкцию в гостинице и даже в доме или квартире.

2. Классовый характер британского общества постоянно проявляется в лингвистике повседневности. С одной стороны, приятно, когда людей относят к *upper middle* — верхним слоям среднего класса — по манере говорить, образованию и занимаемой должности, а не по экономическим параметрам прежде всего, как в современной России, с другой стороны, произношение, грамматика и даже словарь могут меняться в результате воздействия субъективных и объективных факторов.

Британцы не скрывают своего социального происхождения, любят подчеркивать, что их родители, деды и прадеды были выходцами из *very poor family* — очень бедных слоев. По мнению К. Фокс, все в Великобритании классово регламентировано, включая разговоры и обсуждение домов, где живут британцы: *House-talk, like everything else in England, is also subject to class rules. Unless you have just recently moved in and are 'housewarming', or happen to live in a particularly odd or unusual house (such as a converted lighthouse or church) it is considered rather low-class to give visitors guided tours, or to invite them to inspect your new bathroom, kitchen extension, loft conversion or recently re-decorated 'front room'. Middle-middles and below are inclined to engage in such ritual displays — and may even invite friends round specifically to show off their new conservatory or kitchen — but among upper-middles and above, this is frowned upon* [Fox 2005: 123] (Обсуждение домов, как и все остальное в Англии, классово регламентировано. За исключением недавнего переезда, новоселья или проживания в совершенно необычном доме (например, переделанном маяке или церкви) считается, что только представители низших классов устраивают посетителям экскурсии по дому, приглашая гостей оценить новые удобства, увеличивший кухню ремонт, переделанный в жилое помещение чердак и недавно отремонтированную прихожую. Представителям низших слоев среднего класса и ниже нравятся такие ритуальные приемы, они даже

могут специально пригласить друзей, чтобы похвастать новой теплицей или кухней, что вызовет недовольство у представителей высшего среднего класса и выше). В действительности «английский замок» легко открывался для гостей в аристократическом поместье, викторианском доме и скромной квартире оксфордской профессуры. По сравнению с американскими домами жилье британцев напоминает антикварный магазин или иллюстрацию к давним фильмам, поскольку в них практически ничего не выбрасывают и редко что меняют. В старинных домах среднего класса и выше все еще можно встретить *Servant's door* — отверстие в стене гостиной, куда раньше прислуга подавала еду. Желание жить в своем доме с садом или садиком, любовь к природе и путешествиям также можно отнести к стереотипным представлениям об англичанах и британцах в целом, что далеко не всегда соответствует действительности. Все еще популярны книги и журналы по садоводству и домоводству, магазины *DIY* (сделай сам), путеводители по всем уголкам Великобритании для людей всех возрастов и финансовых возможностей. Дошлые британцы долго хранят и ежегодно пополняют альбомы с фотографиями своих лужаек и цветников (*my garden in 2010, 2011...*) и отчеты о путешествиях в соседние деревни и небольшие города (*our trip to...*).

3. Активная социальная позиция, участие в общественной жизни, творчество, пусть это будет статья или стихотворение в ежемесячном журнале, издаваемом жильцами одного из районов Лондона, обсуждение книги известного или не очень известного писателя или роман, написанный в результате посещения популярных курсов для начинающих писателей, встречается повсеместно. Однако сопровождается довольно резкой критикой и непониманием отказа россиян активно участвовать в оппозиционных общественных организациях, в выборах, открыто выражать свое недовольство внутренней и внешней политикой: *You should be more socially active*. Победа или поражение «своей» партии бурно обсуждается (сравним аналогичную реакцию на результаты президентских выборов в США; правда, победа консерваторов или лейбористов в Великобритании

не приводила к массовым протестам и ограничивалась в основном отменой банкетов и собраний наряду с детальной дискуссией (обсуждением причин поражения).

Считаем, что рассмотрение реализации амбивалентности гетерогенных стереотипов в лингвистике повседневности представляется перспективным направлением лингвокультурологических и сопоставительных исследований.

3.2. Названия праздников в американском и британском вариантах английского языка

В американском и британском календарях есть немало праздничных дней, названия которых могут быть как универсальными, так и национально-специфичными. Центральным репрезентантом рассматриваемого феномена является существительное *holiday* — «праздник». Синонимичное словосочетание *red-letter days* появилось в 1704 году для выделения красным цветом дней основных святых, а затем главных праздников вообще [Flexner 1997: 262)].

Английское сложное существительное *holiday* (праздник), производное от *holy* (святой, для религиозного использования), общегерманского по происхождению прилагательного (ср. готское *hailag*, древнесеверное *heilagr*, древневерхненемецкое *heilag*), наряду с *hollyhock*, *all hallowes*, *hallow*, *halidom*, многочисленными антропонимами *Halliday*, *Halliwel*, *Holliwel* [The Oxford Dictionary of English Etymology 1992: 445] первоначально обозначало особый религиозный праздник или соблюдение поста. К XIV веку среднеанглийское существительное *hallyday* стали использовать и в значении «день, свободный от работы», а уже в XVI веке оно закрепилось в современной форме и значении *holiday*, тогда как отдельное написание *holyday* начали употреблять для обозначения религиозного праздника. В справочнике Л. и Р. Флавелл *The Chronology of Words and Phrases* приведен пример из книги 1577 года издания: *Doo you not know that it is a holliday, a day to dance in, and make mery at the Ale house?* [Flavell

1999: 39]. В настоящее время существительное *holiday* употребляется в расширенном значении для номинирования любого праздника, а словосочетание *church holiday* — для религиозного.

Словосочетания с существительным *holiday* в английском языке разнообразны по структуре, семантике, вариативной лингвокультурной маркированности. В британском английском более употребительным для обозначения официального праздника является определительное словосочетание *bank holiday*, в американском варианте английского языка — *legal holiday*. Универсальными словосочетаниями для обозначения праздничного нерабочего дня можно считать *public holiday*, *national holiday*, а также церковный праздник — *religious holiday*.

В британском и канадском вариантах английского языка существительное *holiday* стало многозначным. Чаще всего оно употребляется в значении «отпуск»: *to take a holiday* (взять отпуск), *to go on holiday* (уйти в отпуск), *a summer holiday* (отпуск летом), *on holiday* (в отпуске), *holidaymaker* — отпускник, *holiday camp* — место, оборудованное для отдыха. Во множественном числе слово *holidays* используется в значении «каникулы» в британском варианте английского языка. Американцы предпочитают употреблять многозначное существительное *vacation* в значении «отпуск» вместо *holiday*: *paid vacation* — оплачиваемый отпуск, *vacationer*, *vacationist* — отпускник. Работа в праздничный день обозначается фразеологизмом а *busman's holiday* — праздник водителя автобуса.

Официальными американскими праздниками (*standard six holidays*) являются *New Year's Day*, *Memorial Day*, *the Fourth of July*, *Labor Day*, *Thanksgiving*, *Christmas*, два из которых совпадают с британскими праздниками. Федеральные праздники в США включают в себя *Veteran's Day*, *Washington's Birthday*, *Martin Luther King, Jr. Day*, *Election Day*. Федеральные праздники первоначально назывались *Monday holidays* — праздниками понедельника [Flexner 1997: 263], хотя в настоящее время только два из них приходятся на понедельник (*Washington's Birthday*, или *Presidents' Day*, или *Washington-Lincoln Day*, который отмечают в третий

понедельник февраля, и *Martin Luther King Day*, который приходится на третий понедельник января).

День благодарения несколько раз менял свою дату: с четвертого четверга в ноябре при президенте А. Линкольне на третий четверг ноября при Ф. Рузвельте, а с 1941 года его снова стали праздновать в четвертый ноябрьский четверг. Интересно отметить, что первый День благодарения отметили не в ноябре, а 6 августа 1863 года. Американцы не работают в День федеральных и президентских выборов, которые проходят раз в два и четыре года в первый вторник после первого понедельника в ноябре [Flexner 1997: 263].

Официальный выходной день в Великобритании традиционно называется *bank holiday* (первоначально в эти дни отдыхали банковские служащие). Официальные праздничные дни также включают, помимо воскресенья, совпадающие с американскими праздниками *Christmas*, *New Year's Day*. Великая пятница — *Good Friday*, первый понедельник после Пасхи — *Easter Monday*, последний понедельник мая или первый понедельник сентября — *August Bank Holiday*, День рождественских подарков — *Boxing Day*. В Северной Ирландии не работают в День святого Патрика, покровителя Ирландии, — *St Patrick's Day* и в «Славное двенадцатое» — *Glorious Twelfth* (день, когда протестанты одержали победу над католиками в битве на реке Бойн в июле 1690 года) [Flavell 1999: 185].

Лингвокультурная специфика англоязычных праздников отражается и в названиях блюд и напитков, подарков и традиций. В пятницу на Страстной неделе — *Good Friday* — британцы едят горячие крестовые булочки. В День рождественских подарков, 26 декабря, принято дарить небольшие денежные подарки *box*, *Christmas box* обслуживающему персоналу.

Популярны активно перенимаемые в последнее время другими лингвокультурами неофициальные американские праздники, посвященные отдельным членам семьи: *Mother's Day*, *Father's Day*, *Daughter's Day*, *Son's Day*, *Siblings Day*. В данных названиях подчеркивается ценность семейных отношений.

3.3. Английские и русские этнонимы

Стереотипное отношение к восприятию своего и других этносов нередко проявляется в этнонимах. Понятие «этноним» (термин введен в научный оборот Г. В. Подольской) используется для обозначения этноса (рода, племени, народности, народа, нации). И. П. Гриценко выделяет собственно этноним, словообразовательные и отэтнонимические семантические дериваты, прозвищные этнонимы, анализируя коннотации этнонима *Irish* — ирландский — на материале английского языка [Гриценко 2007].

Диссертационное исследование Т. А. Цебровской посвящено «изучению структурно-семантических и этнолингвистических характеристик репрезентации дерогативно маркированных этнонимов в лексико-семантическом пространстве пяти вариантов современного английского языка: американского, британского, канадского, австралийского и новозеландского» [Цебровская 2016: 4]. Автор широко интерпретирует понятие «этноним», включая в него коллективные прозвища (микроэтнонимы) и образные характеристики этносов: «1) образ жителя Канады: живет в суровых климатических условиях (*Frostback*); увлечен спортом (*Stoner*); 2) образ франкоязычного жителя страны связан с пищевыми привычками, в частности употреблением сильно газированных напитков и горохового супа (*Pepsi*, *French Pepper*, *Peasouper*) [Там же: 14]. Сложно согласиться с тем, что субстантивированный колороним *black* приобрел отрицательную коннотацию в современном английском языке, переходя из нейтрального этнонима в дерогативно маркированный [Там же: 33]. Т. А. Цебровская выделяет нейтральные и образные этнонимы в системе этнонимов английского языка.

Узкое понимание этнонима встречаем в работе Т. А. Сироткиной, которая считает этноним промежуточным звеном между именем собственным и именем нарицательным [Сироткина 2011]. Т. А. Сироткина перечисляет проблемы изучения этнонимов и региональных этнонимов, которые включают в себя определение статуса, границ, развитие и функционирование этнонимов.

Этнонимы и коннотации этнонимов изучаются в основном на материале одного языка. И. А. Кондакова рассматривает переносные значения и системные свойства английских этнонимов [Кондакова 2006], И. А. Антипьева изучает значения этнонимических единиц вторичной номинации на примере фразеологических единиц с этнонимами. Отмечая распространение фразеологизмов с этнонимами в американской разговорной речи, И. А. Антипьева приводит примеры, характерные не только для американского варианта английского языка [Антипьева 2014: 146–149].

Считаем использование понятий «эндоэтнонимы» (от греч. *endon* — «внутри») — самоназвания народа — и «экзоэтнонимы» (от греч. *exo* — «вне») — номинации, данные этносу другим народом [Бромлей 2008: 45], — оправданным в рамках сопоставительной лингвокультурологии и ономазиологии.

Перспективным представляется сопоставительный анализ эндо- и экзоэтнонимов в русском и английском языках как стереотипизированного средства репрезентации монохронной и полихронной лингвокультуры на примере слов и словосочетаний с этнонимами *русский*, *Russian*, *английский*, *English*, *американский*, *American* из-за важности данных этнонимов в отечественной языковой картине мира, а в свете современной политической и экономической ситуации — и для носителей английского языка.

Анализ эндоэтнонимов в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля показал, что словосочетания с этнонимом *русский* включают в себя как нейтральные по значению, так и словосочетания с пейоративной коннотацией. Отрицательные коннотации, отражающие этнические автостереотипы, представлены словосочетаниями: *русский ум* — задний ум, *русский Бог* — авось, небось да как-нибудь, *русский час* — невесть сколько, *не стерпело русское сердце* — из себя вышел, в драку пошел. Обобщающее значение отмечено у встречающегося в сказках выражения *здесь русским духом пахнет* — людским, человечим. Нейтральными по значению являются следующие словосочетания с этнонимом *русский*: *русский сарафан*; *русское спасибо*; *русским счетом* — понятным; *правда русская*; *Русь* в значении «мир»: *совсем на Руси* — на виду, на открытом месте; *все вывела на Русь* —

распахнула душу, все высказала [См.: Даль 1978—1980, т. 4 (1980): 114]. Многие из приведенных В. И. Далем словосочетаний с этнонимом *русский* вышли из употребления, однако они достаточно точно отражают особенности отечественной ментальности.

В современном русском языке словосочетаниями с этнонимом *русский* являются: *русская рулетка*; *русский балет*; *русская* (пляска), *загадочная русская душа*; *русский характер*; *русский богатырь*; *русская красавица*; эргоним *Русский стандарт*; *русский марш* и др. Первый и последний примеры могут быть отнесены к словосочетаниям с отрицательными коннотациями, эргоним и субстантивированное прилагательное — к нейтральным, в остальных примерах реализуются значения этнонима с положительными коннотациями. Синонимы этнонима *русский*: нейтральный по значению эндоэтноним *россиянин*, редко употребляемое *расеец*, пренебрежительное *ванька*, ругательные *москаль*, *кацап*, *совок*, устаревшее *московит*, образный неологизм *ватник* (*ватниками* и *колорадами* в Интернете называют тех, кто высказывает пророссийскую точку зрения).

В английском языке экзоэтноним *Russian* также многозначен. Пейоративные коннотации характерны для сленгизма *Russian*: 1) человек, который постоянно находится в состоянии депрессии, видит мир в черных красках; 2) устаревшее значение «негр с Юга на Севере» США. В Словарь австралийского сленга включен пейоративный экзоэтноним *Rusky* в значении «выходец из России» [Macquarie Book of Slang 1999: 206].

Нейтральные устойчивые словосочетания с данным этнонимом немногочисленны: *Russian salad* — винегрет, салат оливье; *Russian dressing* — заправка; *Russian studies* — русистика; *Russian wolfhound* — русская борзая; *Russian Revolution*. Исключения составляют номены, обозначающие разновидности спиртных напитков. В нашей картотеке насчитывается восемь названий коктейлей с водкой: *Russian Bear*, *Russian Cocktail*, *Russian Coffee*, *Russian Rose*, *Russian Stout*, *Russian Quaalude*, *White Russian*, *Black Russian* [Herbst 1998: 12]. Они отличаются набором ингредиентов и способом приготовления. Пейоративные коннотации экзоэтноним *Russian* приобретает в сокращенном и полном словосочетаниях *Russian Roulette*;

to play Russian roulette with smth — играть в русскую рулетку, подвергать что-то большой опасности благодаря безрассудному поведению.

В Словаре функциональных синонимов английского языка А. В. Прошина перечислены следующие синонимы экзоэтнонима *Russian*: поэтическое существительное *Sarmation* — сармат, используемый в жаргоне бродяг и бомжей композит *candle-eater* — досл. «питающийся свечами», просторечное *Russ*, устаревшее *Moscovite* [Прошин 2011: 454].

Слова и словосочетания с экзоэтнонимом *английский* представлены в русском языке в основном устаревшими словами: *англизировать* — обкорнать лошадь по-английски, куцохвостить; производными *англизироваться*, *англизирование*, *англизироващик* — мастер этого дела; словосочетаниями *английская соль* — горькая соль, магнезия, слабительное; *английская земля* — умбра, бурая краска; *английская болезнь* — рахит, золотуха, искривление костей; *английский рожок* — «духовое музыкальное орудие, схожее с гобоем» [Даль 1978—1980, т. 1 (1978): 16]. Приводимые В. И. Далем примеры: *англомания*, *англоман*, *англоманка*; *англицизм*; *английский рожок* — употребляются и в современном русском языке. В разговорной речи пренебрежительными трансформациями этнонима *английский* являются слова с диминутивными суффиксами: *англик*, *англичашка*, в последнее время композит *англосаксонский* также получает пейоративные коннотации, реализуемые прежде всего в контексте политического и массмедийного дискурсов.

Нейтральные слова и словосочетания с эндоэтнонимом *English* представлены в английском языке многочисленными примерами: *Englishman*; *English Channel* — Ла-Манш; *English Civil War* — гражданская война в Англии; *English disease* — рахит, бронхит; сплин, хандра; *English Electric* — фирменное название ряда электробытовых приборов; *English ell* — английский локоть (архаизм) — мера длины, равная 1,143 м; *English foxhound*, *English setter* — породы собак, *English Grey* — порода гусей; *English Hymnal* — сборник гимнов англиканской церкви; *Englishry* — английское гражданство, национальность; в юриспруденции доказательство того, что данное лицо является англичанином или англичанкой; историзм английское меньшинство населения, особенно в Ирлан-

дии; *English Speaking Union* — Союз говорящих на английском языке; *Standard English* — нормативный/литературный английский язык; *Old English* — древнеанглийский язык; *English wine* — вино, изготовленное из местных продуктов в Великобритании; *BBC English* — речь дикторов Би-би-си, безукоризненно правильный английский и мн. др. Идиома *in plain English* — без обиняков — напоминает по значению русский фразеологизм с эндоэтнонимом *говорить (сказать) русским языком*. Фразеологизм *уйти по-английски* соответствует в английском языке словосочетанию с экзоэтнонимом *французский* — *take French leave*. Пейоративный этноним-сокращение *Anglo* используется в австралийском варианте английского языка для обозначения австралийца англосаксонского или англо-кельтского происхождения наряду со сленгизмами *Pommy*, *Pom* [Macquarie Book of Slang 1999]. Обобщающее существительное *Englishness* — «английскость» обозначает свойственные англичанам особенности.

Слова и словосочетания с экзоэтнонимом *американский* в русском языке представлены нейтральными по значению устойчивыми словосочетаниями: *американские горки* — аттракцион, который в американском варианте английского языка принято называть *русскими* горками; *американская мечта* и мн. др. К пейоративным экзоэтнонимам относятся разговорные *америкос*, *америкашка*, *американ*. В словарях английского языка представлены многочисленные нейтральные по значению словосочетания с эндоэтнонимом *American*: *American studies* — американистика, *American Express* — туристическое агентство, кредитные карты которого принимаются во многих странах; *American cheese* — слабо-острый американский плавленый сыр; *American Civil War* — Гражданская война 1861—1865 годов; *American dogwood* — американский кизил, символ штата Виргиния; *American elm* — американский вяз, дерево — символ штатов Массачусетс и Северная Дакота; *American foxhound* — американская гончая, животное — символ штата Виргиния; *American holly* — американский остролист, символ штата Делавэр; *American robin* — малиновка американская, символ штата Коннектикут; *American Revolution* — американская революция 1775—1781, Война за независимость; *American West* — американский Запад,

Дикий Запад; *American Stock Exchange* — Американская фондовая биржа; *Native American, American Indian* и синонимичный политкорректный бленд *Amerind* — американский индеец; бленд *Amerasian* — политкорректная номинация американца азиатского происхождения и многие другие примеры. Производными от эндоэтнонима *American* являются слова *Americana* — нечто, составляющее образ Америки (часто устаревшие стереотипы); *Americanism* — слова и выражения английского языка в том варианте, в котором они употребляются в США; *Americanize* — американизировать, делать что-либо американским по сути и форме, *Americano* — название коктейля и кофе. Прецедентное словосочетание *American Beauty* — красота по-американски — используется не только как название известного фильма, но и как название коктейля из четырех составляющих. Эндоэтнонимы: *American Dream* — «американская мечта», представление о США как о стране, где каждый может разбогатеть; *American way, American Style of life* — американский образ жизни — реализуют стереотипное представление американцев о собственном превосходстве [Томахин 2000].

Синонимы эндоэтнонима *American* насчитывают несколько десятков слов и словосочетаний различной стилистической окраски, что передает любовь американцев и других англоговорящих народов к словотворчеству, свидетельствует о неоднозначном отношении к себе самих американцев. Нейтрально окрашенными и обобщающими синонимами анализируемого этнонима являются *American ASP, Wasp, Public, Uncle Sam*, примеры *hundred percent, soul, ami, apple* — иронично-образными синонимами. Синонимы с отрицательной коннотацией передают пренебрежительное отношение к американцам мексиканского и славянского происхождения: *bean, cheskey*. Напористость, упрямство и некоторые отталкивающие внешние характеристики американцев реализованы в синонимичных экзоэтнонимам прозвищных кличках (термин Е. Л. Березович [Березович 2002]): *damn yankee, greaser, septic, Yankeedom, spik, Sherman tank, board and plank, septic tank* [См.: Прошин 2011: 59–60].

Сопоставительный анализ этнонимов позволяет сделать вывод о наличии большего количества этнонимов как в рус-

ском языке, так и в американском и британском вариантах английского языка. Нейтральные значения и значения с положительными коннотациями характерны для эндоэтнонимов в анализируемых языках. Экзоэтнонимы с отрицательными оттенками значения преобладают в разговорной речи и сленге, реализуя гетеростереотипное представление о русских, американцах и англичанах.

3.4. Английские и русские названия растений

Многообразие признаков и свойств растительного мира обуславливает, с одной стороны, разнообразие его интерпретаций, с другой стороны, позволяет систематизировать его признаки и свойства на основе общих номинативных характеристик и национально-культурной специфики.

В качестве эмпирического материала в данном разделе представлен разнообразный, примерно одинаковый в количественном плане и интересный с точки зрения номинации растительный мир американской заповедной территории Ред-Рок-Каньон и растения отечественного национального парка «Таганай». Выбор материала продиктован не только особым статусом территорий, но и местом проживания автора и неоднократными поездками в национальные парки Невады, позволяющими описать богатый растительный мир заповедных территорий Южного Урала и Сьерра-Невады.

Из трехсот горных хребтов американского штата Невада *Ред-Рок-Каньон* (Red Rock Canyon — каньон Красных гор), расположенный в районе хребта Спринг-Маунтин (Spring Mountain Range — «хребет Весенней горы»), обладает самой богатой флорой. В нем обнаружено и описано более шестисот растений, включая пятнадцать исчезающих видов. Растения каньона представлены шестью разнородными группами: травы, кактусы, деревья, кустарники, цветы, мхи и лишайники.

Более семисот растений национального парка «Таганай» («подставка луны» в пер. с башк. яз.) включают в себя пять групп из перечисленных выше: травы, деревья, кустарники,

цветы, мхи и лишайники; шестая группа растений широко представлена группой кустарничков тундровой зоны парка.

Общим в названиях растений является указание на особенности ландшафта, в основном пустынного: *desert almond*, *desert aster*, *desert baileya*, *desert chicory*, *desert dandelion*, *desert four o'clock*, *desert gold poppy*, *desert marigold*, *desert peach*, *desert wallflower*, *desert willow*; горного: *cliff rose*, *mountain balm* и песчаного: *dune primrose* [Red Rock Canyon Plants 2001] в американской заповедной территории и преимущественного лесного: *дудник лесной*, *чистец лесной*, *хвощ лесной*; горного: *вяз горный*, *горец альпийский*, *осока скальная*; и лугового: *лисохвост луговой* [Растительный мир Таганая URL] в отечественном парке. В отличие от английских ландшафтных названий в русских номинациях растений прилагательному, уточняющему ландшафт, предшествует существительное.

Стороны света, континенты и крупные географические территории уточняют названия растений парка «Таганай»: *линия северная*, *копытень европейский*, *седмичник европейский*, *ель сибирская*, *ель европейская*, *пихта сибирская*, *пихта европейская*, *лиственница сибирская*, *можжевельник сибирский*, *зигаденус сибирский*, *ожига сибирская*, *скерда сибирская*, *рябина сибирская*, *герань ложносибирская*, *астрогон уральский*, *качим уральский*, *манжетка рифейская*, *овсяница южноуральская*, *ветреница пермская*, *ветреница алтайская*, *арктоус альпийский*, *дифазиаструм альпийский*. В русских названиях растений данной группы наиболее частотными являются номинации с прилагательными *сибирский*, *европейский*, представляющие крупные природные территории. Лишь пять названий растений образованы при помощи конкретизирующих локальное пространство прилагательных: *алтайский*, *уральский*, *рифейский*, *южноуральский* и *пермский*, хотя Пермская область и Алтайский край не являются частью Южного Урала, а уточнение *рифейский* ассоциируется с древним названием Уральских гор. Названия растений с этнонимами ограничены *ракетником русским*, *росянкой английской*, *вейником лапландским*, *ивой лапландской*. В двух последних примерах конкретизируется не только старое название народа саами, но и природная территория на севере Европы.

Прилагательное *western* — западный — является единственной стороной света, отраженной в названиях рассматриваемых американских растений западного штата: *western juniper*, *western redbud*, *western wallflower*, *western yellow pine*. В Ред-Рок-Каньоне номинации растений в основном более конкретные, представленные названиями штатов: *California buckthorn*, *California redbud*, *Utah juniper*, *Utah pestemon*, *Utah serviceberry*, пустыни, где расположен каньон: *Mojave goldenbush*, *Mojave aster*, *Mojave rubberbrush*, *Mojave sage*, *Mojave yucca*. Названия американских растений с этнонимами представлены прилагательными *Indian* и *Mexican*: *Indian paintbrush*, *Indian ricegrass*, *Indian tea*, *Mexican manzanita*.

Растения принято классифицировать по цвету, размеру, форме, типу листьев. Самая многочисленная группа включает в себя названия растений, содержащие качественные характеристики: вкусовые, цветковые, метрические, зооморфные, антропоморфные, а также особенности поверхности цветка [См. подробнее: Котова 2007].

К универсальным характеристикам рассматриваемых лексических систем относится использование метафор, однако метафорический перенос является наиболее частотным способом номинации анализируемых американских растений (более 40% всех названий). Антропоморфные метафоры учитывают особенности характера, внешности, возраста: *blue-eyed grass*, *yellow-eyed lupine*, *sore-eyed poppy*, *Charleston bear tongue*, *curly dock*, *skeleton weed*, *old man cactus*, *jaeger draba*, *death camas*. Аналогичные русские названия растений немногочисленны: *наперстянка крупноцветковая*, *осока пальчатая*, *ветреница пермская*, *прострел раскрытый*, *береза приземистая* и *береза кривая*. Однако в картотеке примеров присутствуют гендерно маркированные названия: *кочедыжник женский*, *щитовник мужской*.

Предметные метафоры представлены следующими метафорическими словосочетаниями и композитами *fishhook cactus*, *blue bonnet*, *pincushion*, *matchweed*, *paperbag bush*, *paper flower*, *pencil chollacactus*, *desert trumpet*, *desert paintbrush*, *desert needlegrass*, *compass cactus*, *pinyon aster*, *pinyon pine*. Нередко в американских метафорических названиях растений встречаются напитки: *mountain balm*, *mormon tea*, *Indian tea*,

coffeeberry, lemonadeberry, milkvetch, Brigham tea. Иван-чай узколистный — единственное встретившееся русское название, в котором упоминается напиток. Метафоры уточняют цвет, форму, характеристику поверхности растения: *smooth ash, smooth scouring-rush, velvet ash, wooly daisy, wooly marigold, fluffgrass, silktassel bush*. Многочисленные уточняющие метафоры в русском языке представлены следующими примерами: *лилия кудреватая, гвоздика пышная, василистник вонючий, ожика волосистая, гудайера ползучая, фиалка удивительная, звездчатка жестколистная, медуница мягенькая*.

В русских названиях растений нередко встречаются просторечные слова и диалектизмы: *володушка, зимолобка, золотарник, мягенькая, недоспелка, долгомошник, поручейник, подмаренник, седмичник*.

Многочисленные зооморфные метафоры каньона передают наименование, окраску, форму животного, характеристику поверхности тела: *hedgheg cactus, monkeyflower, thorny horse-brush, buckbrush, buckwheat, broom snake-weed, grizzly bear cactus, golden rabbitbrush, rubber rabbitbrush, strawberry hedgheg cactus*. Нередко в метафорическом словосочетании-названии всего растения участвуют зооним и та часть животного, которая обусловила сходство формы и метафорический перенос значения: *клюв — heron's bill, stork's bill, коготь — cat's claw, Charleston pussytoes, хвост — horsetail, beavertail cactus, foxtail brome, Charleston kittentails, шпора — larkspur, рог — buckhorn cholla, staghorn cholla*. Аналогичные примеры встречаются в названиях растений отечественного парка: *лисохвост, вороний глаз четырехлистный, копытень европейский, змееголовник Рюйша*. Зооморфные метафоры менее частотны в анализируемом русском материале: *кукушкин лен, гусиный лук, ива козья, орляк обыкновенный, баранец обыкновенный*.

Наиболее частотная характеристика растения в русском языке представлена прилагательным *обыкновенный*: *сосна обыкновенная, золотарник обыкновенный, орляк обыкновенный, баранец обыкновенный*.

Колоронимы в названиях анализируемых отечественных растений встречаются редко, они реализуются при помощи прилагательных *серый, сизый, золотистый*: *ольха серая,*

лисохвост сизый, володушка золотистая. Колоронимы в названиях американских растений представлены всей цветовой палитрой: *scarlet beeblossom, scarlet gaura, white sand verberna, western yellow pine, yellow-eyed lupine, red brome, purple sage, purplemat, indigobush.*

В американских названиях растений нередко встречаются испанизмы: *chaparral* — заросли кустарникового дуба, *chamiza* — шалфей испанский, *cholla* — кактус, *yerba* — мате, трава. В американском названии *cholla cactus* наблюдается тавтология.

В названиях растений в рассмотренных примерах, принадлежащих отечественной и американской лингвокультурам, реализуются универсальные способы и модели репрезентации знания о когнитивной области «растительный мир».

Метафоризация доминирует как универсальный продуктивный способ номинации американских и русских растений заповедных территорий. Продуктивными словообразовательными моделями являются лексемы и словосочетания, состоящие либо из существительного, либо из существительного и прилагательного для русского языка и прилагательного плюс существительного для английского.

Уникальны результаты вербализации концептосферы «растительный мир», представленные реалиями, топонимами, антропонимами и этнонимами в сравниваемых названиях растений в английском и русском языках и обуславливающими национально-культурную специфику анализируемых лексических систем.

3.5. Английские и русские топонимы

Топонимы и микротопонимы являются сложными в разной степени открытыми лексическими системами, подверженными влиянию языковой моды и отражающими сложившиеся и складывающиеся в конкретном языке тенденции образования. Если в структурном и функционально-семантическом аспектах топонимы исследованы подробно, составлены в основном совпадающие в отечественной и англоязычной топонимии классификации топонимов (ср. совпадающее структурное деление

топонимов на простые и сложные — simple, complex — и функциональную классификацию топонимов в двух языках: топонимы-этнонимы, ландшафтные топонимы, ойконимы — folk place names, topographical place names, habitative place names), то когнитивная топонимика начала развиваться относительно недавно. Когнитивная топонимика рассматривает топонимы как одну из наиболее ранних форм отражения действительности в сознании человека, как сложную, относительно специфичную и независимую и одновременно органически связанную с общеязыковыми отношениями и процессами систему, актуализирующую топонимическую картину мира. «Ментальное бытие системы определяется через топонимические концепты, представленные в семантической структуре названий и репрезентированные в топонимических контекстах, фиксирующих результаты коммуникативной деятельности носителей языка» [Голев 2008: 7].

Т. В. Федотова справедливо считает, что «основные пути становления топонимической системы любого региона во многом аналогичны, поскольку имя собственное — явление в большей мере социальное и, следовательно, включает в свой состав закономерности формирования как лингвистического, так и экстралингвистического характера» [Федотова 2012: 3]. Однако в каждой конкретной лингвокультурной ситуации топонимическая система является уникальной, поскольку отражает конкретные исторические и социокультурные особенности ее становления и развития.

Топонимическая система является одной из наиболее устойчивых лексических систем, однако в ряде случаев топонимическая устойчивость может нарушаться в результате языковых контактов, социально-политических изменений, словотворчества и языковой экономии. В первых двух случаях происходят изменения в официальных топонимах, в третьем и четвертом официальные названия населенных пунктов не меняются, однако новые названия прочно закрепляются в языковом сознании жителей. Первые две причины можно считать универсальными характеристиками топонимики, остальные факторы, определяющие трансформацию топонимов, относятся к национально-культурным особенностям исследуемой лексики. Среди многочисленных памятных ойконимов-заимствований

и повторяющихся мемориальных топонимов Челябинской области в честь побед в войнах 1799 и 1813—1814 годов, в которых сражались уральские казаки и нагайбаки, только четыре получили упрощенные, понятные жителям небольших населенных пунктов, названия в официальной топонимике: *Варшавка*, *Бородиновка*, *Арсинский*, *Кассельский* вместо *Варшава*, *Бородино*, *Арсин-сюр-Обе*, *Кассель*. Простые в произношении двусложные ойконимы *Берлин*, *Париж*, *Варна*, *Лейпциг*, *Чесма* и памятный ойконим-композит позднего происхождения *Порт-Артур* не подверглись трансформациям [Питина 2014: 93].

Микротопонимика как часть топонимической системы не является в этом плане исключением, причем в микротопонимах роль экстралингвистических факторов можно считать преобладающей, поскольку микротопонимы в большей степени подвержены влиянию не только языковой моды, но и разнообразных политических и социальных тенденций. Показательным в этом отношении является переименование не только городов, но и улиц, районов во многих отечественных регионах в конце прошлого века, а также в странах бывшего Советского Союза.

Следует отметить, что топонимика и микротопонимика США более устойчивы и традиционно консервативны по сравнению с отечественной топонимической системой и топонимическими системами бывших республик Советского Союза, а урбанонимы США, прежде всего ойкодомонимы, подвергаются переименованию в результате смены владельца, замены на более благозвучное название для привлечения новых клиентов, как это происходит с названиями казино Лас-Вегаса [Питина 2013], но очень редко по политико-идеологическим мотивам. Лишь несколько американских городов подверглись переименованию: *Цинциннати* (*Лосантсвилль*) (в честь общества бывших офицеров, получившего название от имени римского полководца), *Атланта* (*Мартаксвилль*), *Нью-Йорк* (*Новый Амстердам*, *Нью-Оранж*) и ряд других.

Переименование топонимов — искусственный процесс, реализующий желание людей изменить или уточнить сформировавшийся образ топонимического концепта, добавить значимости географическому объекту при повторной номинации,

отразить новую систему ценностей и связь с исторической родиной.

Когнитивные механизмы образования топонимов одинаковы в анализируемых лингвокультурах. Формирование концепта в топонимическом пространстве происходит через восприятие действительности, выделение индивидуализирующих признаков через соотнесение с определенным физическим стандартом, временем, человеком и его участием, связанным с данным объектом, формирование образа с последующей вербализацией признаков объекта через имя собственное (топоним). Этапы формирования концепта:

- 1) уровни восприятия человеком окружающей действительности;
- 2) индивидуализирующие признаки объектов;
- 3) объединение сходных признаков;
- 4) сформированные образы;
- 5) номинативные средства языка для репрезентации концептов [Федотова 2012: 13].

Перечисленные этапы формирования топонимического концепта характерны в основном для коренной (субстратной) топонимики, которая довольно точно и подробно описывает природные особенности территории. Образование первичных топонимов происходит посредством простого и сложного ассоциирования, в результате которого пространственный концепт вербализуется в соответствии со стереотипами регионального мышления.

Так, названия ландшафтных топонимов индейского происхождения в США конкретизируют их природные особенности или обобщенно номинируют объект: *Миссисипи* — большая вода, *Миссури* — мутная вода, *Ниагара* — земля пополам, гремящая вода, *Юкон* — большая река, *Виннипег* — илистая вода, *Мичиган* — большое озеро, *Огайо* — красивая река, *Айова* — спокойная река, *Теннесси* — река. Индейские названия характерны в основном для гидронимов и 23 штатов США из 50, которые получили свои названия от племен или гидронимов: *Коннектикут* — длинная река, *Массачусетс* — люди высокого холма, *Кентукки* — равнина, *Юта* — живущие высоко, *Алабама* — расчищающие заросли, *Милуоки* — красивое место, *Чикаго* — вонючая вода, *Майами* — жители полуострова [См.: Басик 2006].

Аналогичные процессы прослеживаются в отечественной топонимике. Анализ ландшафтных топонимов Челябинской области показал, что значительный пласт южноуральской топонимической системы представлен тюркскими, преимущественно башкирскими по происхождению, описательными, конкретизирующими названиями: река *Кайны-Елга* — кипящая, бурлящая речка; озеро *Калды* — покинутое озеро; река *Бурля* — волчья, гора *Бурлетау* — волчья гора; русифицированные трансформации топонима: деревня *Бурино*, село *Новобурино*. В топонимах нередко встречаются тотемы и маркеры языческой веры коренных народов Урала: башкирский орнитоним *беркөт* — беркут — прослеживается в русифицированных названиях горы и речки *Беркут*; *буга* — бык — в названии озера *Бугодак*; *болан* — олень — в русифицированном названии горы *Буландиха* и деревни *Булансы*; *кама* — выдра — в топониме *Каманкуль*. Многочисленные тюркские названия характеризуют основные занятия коренных народов Урала: река *Сак-Елга* — река, где копали; река и поселок с одноименным названием *Ташказган* — место, где добывали камень. Топонимы уточняют масть и возраст лошадей: *туры* — гнедой, *ат* — лошадь — встречается в названии озер, *Турати Чубарат* — пестрая лошадь; *айгыр* — жеребец, речка *Чубарайгыр* — пестрый жеребец; *тай* — жеребенок, озеро *Каратай* — черный жеребенок; *кола* — буланый, озеро *Кула*. В названиях уральских озер конкретизируется вид и цвет рыбы: *балык* — рыба, озеро *Сарыбалык* — желтая рыба; *табан* — карась, озеро *Сартабан* — желтый карась; *суртан* — щука, озеро *Суртаныш*. Названия-мифологемы озер: *Джаныкуль* — озеро духов, *Тирикуль* — озеро с живой водой; возможно, горы *Юрма* — не ходи — отражают языческие верования башкир [См.: Давлеткулова 2014]. Конкретизация пространства при помощи топонимов не противоречит сакральной модели пространства. *Уральские горы* — каменный пояс, где располагается «океан горных вод», который является истоком нескольких рек, включая реку *Миасс* — мозг вод. *Урал* — башк. *Урау* — обматывать, окружать, что в интерпретации башкир являлось основой мира, поэтому неудивительно, что для тюрков многоводный хребет имеет второе название *Ер Кендеге* — пуп земли [Голованов 2009:

92–93]. Озеро *Суникуль* — последнее озеро — номинирует границы освоенной территории.

В первичных географических названиях нередко представлено незначительное, на взгляд современного человека, событие: озеро *Акушаткан* — место, где застрелили лебедя; гора *Арба-Суккан-Тау* — гора, разбившая телегу; хребет *Казан-Салган* — место, где положили (оставили) котел.

Британские исследователи Ф. МакДональд и Дж. Кресвелл подчеркивают континуальность процесса топообразования: *place-naming does not stop, any more than history does. Just as early place names tell us about waves of migration, conquest and settlement, so later place names tell us about the development of the country once the last of the invaders become natives* [McDonald 1993: 129]. Европейская топонимика США отражает все этапы колонизации. Она представлена в основном английскими, французскими и испанскими по происхождению топонимами. Ландшафтные топонимы в основном описательные: *Green mountains* — Зеленые горы, *Rocky Mountains* — Скалистые горы, *Pine mountain* — сосновая гора, *Bever Creek* — бобровый ручей, *Rock Springs* — скалистые ручьи, *White River* — белая река. Одна и та же горная цепь может получить разные ассоциативные названия при помощи колоронимов: Аппалачи в штате Виргиния называются *Blue Ridge Mountains*, в Вермонте — *Green Mountains*, в Нью-Гэмпшире — *White Mountains*.

Для ряда американских городов характерны символические названия: *Liberty* — свобода, *Prosperity* — процветание, *Independence* — независимость. Библейские аллюзии прослеживаются в топонимах *Филадельфия*, *Нью-Бетлехем*, *Назарет*, *Иерусалим*, *Голгофа*. Псевдоклассическими названиями являются топонимы *Итака*, *Аркадия*, *Сиракузы*, *Дельфы*. Многие американские ойконимы либо дублируют английское название, либо образованы при помощи присоединения к нему уточняющего форманта *new*: *Нью-Бостон*, *Нью-Глостер*, *Нью-Лондон*, *Нью-Камберленд*, *Нью-Йорк*. «В Новой Англии только среди географических названий населенных пунктов доля топонимов-мигрантов составляет почти 20%. Например, в окрестностях *Бостона (штат Массачусетс)* наряду с этим топонимом имеются *Кембридж*, *Манчестер*, *Нортвуд*, *Портс-*

мут, Глостер, Бедфорд и другие названия, повторяющие топонимы английских городов» [Басик 2006: 167]. Такие топонимы свидетельствуют об устойчивости сформированного образа топонимического концепта в новом географическом пространстве, о стремлении использовать стереотипные модели топообразования, сложившейся в сознании топонимической картины мира при формировании новых топонимов.

Другим доказательством преемственности в топообразовании являются памятные топонимы. В американских мемориальных топонимах отражены имена королей и королев, государственных деятелей, путешественников, первопоселенцев. Примерами могут служить названия штатов: *Северная и Южная Каролина* (по имени короля Карла II), *Джорджия* (в честь Георга II), *Виргиния* (в честь Елизаветы I): *Балтимор* (по имени лорда Балтимора), *Денвер* (в честь губернатора Колорадо), *Вашингтон* (по имени первого президента США), *Сиэтл* (в честь индейского вождя), *Хьюстон* (в честь генерала Хьюстона), *Даллас* (вероятно, по имени президента США). Иногда новые памятные названия не вытесняют оригинальные топонимы: самая высокая гора Северной Америки *Мак-Кинли* в честь президента страны сосуществует с североамериканским по происхождению названием *Денали* — обитель солнца.

Испанские по происхождению топонимы характерны для юго-запада США. В основном они представлены именами святых, в честь которых получили названия миссии, а впоследствии калифорнийские города на побережье океана: *Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Санта-Барбара, Санта-Ана, Санта-Моника, Сан-Диего, Сан-Антонио*; и природными топонимами: *Лас-Вегас* — луга, *Невада* — покрытая снегами, *Колорадо* — красная, *Рио-Гранде* — большая река, *Салинас* — соленая.

Французские по происхождению топонимы широко распространены на юге США: *Вермонт, Новый Орлеан*. Зачастую французский топоформант-суффиксоид *-ville* — город — присоединяется к английской топооснове: *Pineville* — сосна, *Poplarville* — тополь, *Woodville* — лес, *Greenville* — зеленый. Из нескольких десятков топонимов с французским топоформантом *-ville* в штате Миссисипи более половины являются контаминированными образованиями с посессивной,

английской по происхождению топоосновой: *Mayersville, Taylorsville, Huntsville* (названы в честь основателей), либо представлены топоосновами с конкретизированной семантикой: *Coffeetown, Centreville, Smithville, Burnsville*. Следует отметить частотность контаминированного американского топонима *Taylorsville* (в нашей картотеке насчитывается более десяти Тейлорсвиллей в разных штатах США). Немногие французские по происхождению топонимы сохраняет оригинальную орфографию: *Louisville, Belmont, Beaumont*.

Немногочисленные русские по происхождению топонимы встречаются в названиях островов: *Семисопочный, Бабы, Долгий*, поселений: *Белуга, Бараново*. Заимствованные из русского языка памятные топонимы *Одесса, Бородино*, несколько *Севастополей*, более 20 населенных пунктов, названных в честь *Москвы*, 10 тезок *Санкт-Петербурга* (варианты включают *Сент-Питерсберг, Санкт-Питер, Восточный Петербург*) характерны для небольших населенных пунктов в отличие от заимствованных из британского варианта английского языка ойконимов. Заимствованными из русского языка являются названия городков *Волга* и *Толстой* в Северной Дакоте, *Кремль* в Оклахоме и *Россия* в Огайо. Трансформированные названия с сокращениями: *Форт-Росс*, или упрощенной транслитерацией: *Шаста* — редко встречаются в американской топонимике. Русские топонимы на территории США являются в основном либо памятными, либо природными, конкретизирующими ландшафт.

В англоязычной и отечественной топонимических системах представлены как более устойчивые (первичные), так и менее устойчивые (вторичные) топонимы, отражающие периоды освоения и колонизации территорий, участие в этих процессах многочисленных народов в Великобритании и США и в основном русских на Урале.

Сложный процесс искусственного переименования характерен для русской топонимической системы, обусловлен политико-идеологическими факторами, сопровождается частичным или полным разрушением стереотипного восприятия топонима в сознании населения и сохранением старого официального названий в разговорной речи: *Ленинград — Санкт-Петербург, Свердловск — Екатеринбург*.

Таким образом, анализ английских и русских топонимов и микротопонимов показал наличие как универсалий в изучаемых топонимических системах, обусловленных сходными механизмами топообразования, так и уникалий, реализующих особенности регионального менталитета.

3.6. Английские и русские микротопонимы

Микротопонимия — особая ономастическая лексика, выделяемая на основании величины именуемого объекта и наличия в его семантике локативного компонента значения; при этом степень известности объекта варьируется. Номинации городских объектов образуют важную составляющую лингвистического ландшафта. В российской лингвокультуре городской ономастикон представлен открытой системой топонимов и микротопонимов. Урбанонимы — названия городских объектов как часть топонимического пространства и система микротопонимов — отражают современное состояние языка и его носителей. Урбанонимы включают устойчивые и меняющиеся наименования городского пространства, реализуя потребности общества в адекватном для восприятия большинством его жителей ономастиконе. Урбанонимы, искусственно созданные наименования городских объектов, образуют социально и исторически обусловленную часть лексики, открытую лексическую систему, устойчивость и изменчивость которой зависит от ряда взаимосвязанных внешних и внутренних факторов. Выбор урбанонимов отражает особенности городской языковой политики, влияние языковой моды и отдельных языков, локальные особенности городского ономастикона.

А. Ю. Лозовой и И. А. Названова считают влияние экстралингвистических факторов решающим механизмом в процессе номинации эргонимов [Лозовой 2013: 25].

Н. А. Прокуровская оправданно полагает, что городское ономастическое пространство является совокупностью и системой «ономатем, или микротопонимов, именующих городские объекты с учетом их пространственных характеристик, устройства и статуса» [Прокуровская 1996: 23]. При этом автор

расширяет трактовку микротопонима, выделяет плоскостные, или планарные (названия микрорайонов, городских поселков и других условно вычленяемых участков города); линейные (наименования улиц, переулков и т. д.); точечные (наименования различных функциональных объектов). К точечным микротопонимам следует относить эргонимы.

В «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольская приводит подробное определение эргонима: «собственное имя делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка» [Подольская 1988: 151].

Н. В. Шимкевич выделяет прагматические эргонимы, непосредственно воздействующие на адресата, и эргонимы без прямого воздействия на клиента. Прагматические названия подразделяются на информативные (содержащие сведения об организации) и ассоциативные (вызывающие положительные ассоциации у реципиентов) эргонимы [Шимкевич 2002]. Полагаем, что все эргонимы являются в той или иной степени информативными, иначе пропадает необходимость в их создании. И. А. Коновалова и Т. А. Лупачева также приводят классификации локальных русских эргонимов и способы их перевода на английский язык [Коновалова 2013].

М. В. Голомидова рассматривает проблемы современной локальной урбанонимической номинации, предлагает новую стратегию создания урбанонимов, основанную на корреляции с целостной имиджевой концепцией города [Голомидова 2017]. Считаем такой подход оправданным для создания привлекательного имиджа города, исключения возможности появления неблагозвучных и повторяющихся названий городских объектов, систематизации языковой политики в области номинации появляющихся в городе коммерческих организаций.

Е. А. Сизова успешно применяет лингвокультурологический подход к анализу английских, русских и французских урбанонимов, доказывая, что в эргонимах как составляющей урбанонимов отражены ценностные культурные представления этносоциумов, обусловленные не только особенностями языковых систем, но и спецификой культуры [Сизова 2004].

Актуальным представляется интегративный подход к анализу локального городского пространства как части мно-

гослойдной пространственной картины мира. Комплексный подход к исследованию закономерностей номинации объектов городского пространства предполагает использование аппарата когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и социолингвистики как для анализа языка города в целом, так и для рассмотрения отдельных составляющих городской среды, к которым относится городской ономастикон. Считаем, что городской ономастикон и его составляющие целесообразно изучать в когнитивно-лингвокультурологическом аспекте, поскольку при когнитивном подходе реализуются представления о городе, существующие в сознании людей, а при лингвокультурологическом подходе актуализируются общие и национально-культурные или локальные особенности пространственной картины мира конкретного города.

В урбанонимической микротопонимике процессы номинации сочетают тенденции как локальных, так и глобальных лингвокультурных и социолингвистических процессов. Рассмотрим особенности топонимов на примере названий улиц городов Челябинска и Лас-Вегаса.

Топонимическая лексика двух неблизкородственных языков отражает общие когнитивные процессы при номинации городских объектов: сохранение исторической памяти (вторичная мотивация) и использование первичной мотивации при фиксации городского объекта.

В Челябинске много улиц названо в честь революционеров, героев войн, писателей, ученых, исторических событий. Одинаковые названия улиц, отражающие революционную и военную символику (*Коммунистическая, Коммуны, Победы, Героев Танкограда*), имена государственных деятелей и революционеров (*Ленина, Калинина, Свердлова*) можно встретить в любом городе России.

Американские «исторические» топонимы включают в себя имена президентов, общественных деятелей и даже малоизвестных личностей. В центре Лас-Вегаса улицы по вертикали названы в честь пионеров-основателей Невады: Кларка, Фремонта, Карсона, а горизонтально расположенные улицы просто перечисляются: *First Street, Second, Third...* В Лас-Вегасе увековечены имена местных и национальных знаменитостей: *Joe W. Brown Drive, Frank Sinatra Drive, Dean Martin*

Drive, Wynn Road, Elvis Presley Street, уменьшительное имя в годониме *Bugsy Siegal Court*.

Промышленные названия характерны как для русских, так и для американских годонимов, только в американских отражены названия местных компаний: *Henderson, Basic*, тогда как в русских тип производства или гипероним *промышленность*: *Ферросплавная, Автозаводцев, Индустриальная, Кожзаводская*.

Местные месторождения полезных ископаемых *Lead, Silver, Perlite* логично представлены в названиях американских улиц, однако метафоричные звездные наименования, возникшие в Лас-Вегасе в период промышленного подъема и интенсивного жилищного строительства, являются более привлекательными: *Polaris, Procyon, Regulus, Capella, Sirius, Rigel, Pollux, Aldebaran*. Если в американском городе улицы *Nike Street, Adidas Lane* расположены неподалеку, то в Челябинске их существование маловероятно.

Универсальными в рассматриваемых языках являются конкретизирующие, ориентирующие и географические годонимы. Одинаковые по смыслу *Главная улица* и *Main Street* отличаются неприметностью и удаленностью от центра челябинской улицы и прямым указанием на центральное место расположения в Лас-Вегасе. Антонимичные прилагательные *upper/lower, old/new, major/minor* в американских годонимах и аналогичные прилагательные *Низинная, Низкая* улицы, *Новый* переулок — в русских. Вместо ориентирующего уточнения «высокий» в Челябинске существуют *Нагорная, Горная 1-я* и *Горная 2-я* улицы. В Челябинске преобладают названия русских городов, бывших республик Советского Союза: *Белорусская, Эстонская*, в Лас-Вегасе — названия штатов, океанов: *Atlantic, Pacific*.

Другой универсальной особенностью является годонимическая креативность. Улицы получают название без реально существующих доказательств их правомерности. *Переулок Акаций* в Челябинске не может похвастать ни одним растущим на его территории деревом или кустом, а в городе пальм и кактусов Лас-Вегасе можно встретить необъяснимые дубовые, сосновые и даже березовые квалификаторы в годонимах.

Следует отметить, что официально существующих нелепо звучащих американских годонимов гораздо больше, чем аналогичных русских. Улица Веселого Января (*Jolly January Street*), Звездных Войн (*Star Wars*), Скромного Дерева (*Shy Tree*), Здоровой Липы (*Solid Lime*), Идеальной Петрушки (*Perfect Parsley Street*), Возможности (*Ability Point*) Ценности (*Value Ridge*), Уважения (*Respectful Ridge*), Позитива (*Positive Point*), Одиночества (*Solitude*), Здоровья (*Wholesome Terrace*), Надежды (*Hopeful Ridge Court*), Разума (*Intellectual*), Волшебства (*Magical*), Оптимизма (*Optimistic*), Дружбы (*Friendly*), Родственных Душ (*Kindred Point*) и даже Зубной Пасты (*Toothpaste Street*). Данный факт можно объяснить сближением народной и официальной микротопонимики в английском языке и доминированием официальной номинации в отечественной урбанонимической политике, хотя в последнее время наблюдается увеличение образных годонимов на карте Челябинска. Следует также указать на концентрацию необычных годонимов в одной и той же части американского города.

В отечественных годонимах нередки повторы названий (автор живет на одной из трех *Западных* улиц в Челябинске), использование нумерации для дифференциации улиц с одинаковым названием (в Челябинске зарегистрировано шесть *Свинцовых* и восемь *Фабрично-Заводских* переулков!). Повторяющихся годонимов в Лас-Вегасе нами не обнаружено.

Годонимы как устойчивый пласт урбанонимов отражают в целом универсальные тенденции развития урбанонимической лексики, сохраняя при этом уникальные особенности номинации в рассматриваемых неблизкородственных языках, реализуя явление глокализации (объединения общего и частного).

3.7. Гибридизация в эргонимах

Проанализируем механизмы создания менее устойчивых по сравнению с годонимами (названиями улиц) и агоронимами (названиями площадей) наименований коммерческих организаций (эргонимов). Эргонимы (от греч. *tergon* — работа, и *гонута* — имя) — особая группа имен

собственных, коммерческих названий, обозначающих организации, общества, клубы, по мнению А. В. Суперанской, делятся на реально существующие названия предприятий или производимой ими продукции и символические, содержащие не прямое указание на их деятельность [Суперанская 1973: 151].

В эргонимах отражены ценностные культурные представления этносоциумов, обусловленные особенностями языковых систем и спецификой культуры, поэтому их социолингвистический и лингвокультурологический анализ и систематизация представляются актуальными как для понимания общих механизмов топообразования, так и для выявления особенностей регионального сознания. Особый интерес для исследования с точки зрения социолингвистического и лингвокультурологического направлений современной лингвистики представляют гибридные эргонимы, отражающие общие и национально-специфические тенденции нейминга в конкретной лингвокультурной ситуации.

Эргонимы составляют значительный пласт урбанонимов, репрезентирующий тенденции номинации коммерческих организаций, креативность, свободу творчества их создателей.

3.7.1. Гибридизация в названиях кафе и ресторанов

Мы проанализировали более тысячи наименований объектов общественного питания разного статуса городов Москвы, Санкт-Петербурга и Челябинска, из которых отобрано около трехсот гибридных названий. Под гибридными эргонимами понимаем структурно и семантически контаминированные названия коммерческих организаций, которые отражают когнитивные механизмы топообразования, влияние языковой моды, лингвокреативность, с одной стороны, и стереотипность нейминга в эргонимах — с другой.

Выбор данного материала можно объяснить целым рядом причин и особенностей эргонимов:

1. Эргонимы являются более открытой к изменениям и менее устойчивой составляющей городского ономастикона по сравнению с другими урбанонимами.

2. Эргонимы в сфере общественного питания подвержены иноязычному влиянию, отражая особенности предлагаемой кухни в своих названиях.
3. Большое количество кафе и ресторанов порождает конкуренцию даже в большом городе и вызывает потребность в названиях, привлекающих как можно больше посетителей.
4. Стремление к оригинальности и новому соответствует специфике профессиональной деятельности рестораторов и нередко реализуется в креативных эргонимах.

Рассмотрим каждую из перечисленных особенностей на конкретных примерах. Открытый характер анализируемой лексической системы проявляется в возможности создавать и изменять названия коммерческих организаций, поскольку в сфере общественного питания существует постоянная конкуренция, владельцам кафе и ресторанов несложно зарегистрировать практически любое название и при желании изменить его. Так, безымянная кулинария на улице Коммуны в Челябинске получила название *Патриот*. Нередко в эргонимах используется устаревшее дореформенное написание: *Старый Градъ, Пушкинъ*. Столовые и пельменные советского периода превратились в кафе и рестораны, имеющие новые, более привлекательные производные от старых эргонимов наименования, как в разговорной форме существительного *Пельмешка*. Ностальгия по недавнему прошлому реализуется в неймах СССР, *Советская, Советская пельменная, Пельменная № 12, Спецбуфет № 1, Столовая № 14*. В настоящее время кафе и рестораны возникают повсюду, открываются в бывших подвалах: *Журавлина*, даже в общественных туалетах: *Титаник 2000*, — если помещение находится в центре города. Закрытый ресторан *Титаник 2000* (современное название *Манана мама*) — яркий пример неоднозначно воспринимаемого горожанами эргонима.

Эргоним *Советский дайнер* является гибридным названием, объединяющим прилагательное *советский* и транслитерацию английского существительного *diner* — «обедающий, ужинающий», в данном контексте «посетитель заведения общественного питания», а знак качества между составляющими названия, вероятно, предполагает хорошее качество

предлагаемых посетителям блюд. Гибридное название нередко отражает неопределенно-переходное мировосприятие современного отечественного городского пространства его жителями.

Потребность в оригинальных эргонимах привела в настоящее время к появлению многочисленных платных услуг по неймингу кафе и ресторанов, сайтов, обобщающих основные требования к названиям, списков существующих и удачных, как, вероятно, считают их создатели, наименований, которые в действительности повторяют уже существующие многочисленные *Уютные дворики*, *Княжие дворики* и *Тройки*.

Заемствования в названиях кафе и ресторанов представлены целым рядом языков, однако гибридизация наблюдается в основном в английских, французских и итальянских эргонимах. Заемствования в рассматриваемых названиях могут быть неассимилированными, слитно представленными и из-за этого приобретающими оригинальную форму композитов словосочетаниями: *MadFlatBar*, *NightpartyBus*, контаминированными названиями: *Beerloga*, *Barxam*, *MeetPoit на Тополинке*, *Stylish на Красной*, *Коктейль Pro*, *Beef Бар*, *LiveBar Дружба*. Под влиянием иностранного языка «происходит смешение формы и содержания репрезентированного в эргониме микротопонимического концепта» [Питина 2017: 695]. Эргонимы с заимствованиями могут быть как идентифицирующими (*Коктейль Pro*, *Beef Бар*), так и неидентифицирующими (*MeetPoit на Тополинке*, *Stylish на Красной*) неймами, согласно терминологии О. И. Иссерс [Иссерс 2004, 2017].

Словотворчество в коммерческих названиях кафе и ресторанов реализуется различными способами:

1. Словосложение, суффиксация и блендинг: *Сытольянс* — композит, образованный при помощи соединительного гласного от прилагательного *сытый* и усеченного существительного *альянс*. Эргоним *Пищбург*, в котором топонимический суффикс присоединен к усеченному конкретизированному названию кафе, ассоциируется с топонимом *Петербург*.
2. Словосложение, транскрибирование и неассимилированный варваризм: *Kolbasking*, *ХЛЕБОСОUL*.
3. Латинский алфавит в русских эргонимах: *Polanka-hall*, *Spilka*, *Café Zvezda*, *GustoMesto*, *Gosti*, *Medok*, *Kotleta*,

- Dolina Solnca, Zebra, Vinograd, Qluqva, Café Putin, Papa Karlo, Eshak.* В первом и двух последних примерах допущены ошибки в транслитерации, а понятие последнее название практически невозможно из-за ошибочного транслитерирования начала существительного *uшak*. Транскрибирование иностранных, в основном английских слов: *Мастер-Фуд, ГудБиф, Дрим.*
4. Иностранные слова в названиях: *Born to Burn, Coffee to go, Chicken Point, Pit Stop.* В названии *Two Tea* отсутствует окончание множественного числа *-s*. В названии кафе с сокращенным этнонимом *Russ-House* отсутствует суффикс *-ian*. О гибридизации, вероятно, следует говорить только в случае уточнения типа заведения общественного питания.
 5. Гибридные русско-английские слова и словосочетания: *The Бочка, Свадьба love, The Телки, Мирный Meat House, НАШВАР, Суши Step, Блин Street, Event Moskva, Крыша openair, Торка Reborn, Pizza Дня, Club Kino, О'Блин, О'Хулиганс.* В последнем примере гибридный эргоним представлен ирландским началом и транслитерированным на русский язык английским окончанием множественного числа существительного.
 6. Смешанный алфавит в одном слове: *БАРАШКА, Kot Шредингера, Вкусноff, Зажигалка, Зайцеff, Angela, Café Maska, Cafешенкъ.*
 7. Полностью или частично англоязычное просторечие: *Pret, ShuryMury, The Шти, Бухен хауз.* Псевдоиностранные названия со сниженной разговорной лексикой запоминаются, но вряд ли будут долговечными и не рассчитаны на массового посетителя.
 8. Смешанный алфавит и цифры в написании: *100Loveая.* Гибридный эргоним образован при помощи английского существительного, русского окончания и числительного.
 9. Неоднозначные эргонимы, игра слов: *Freedom* (композит-омоним, состоящий из английского прилагательного *free* — свободный и русского существительного «дом» или частично транслитерированное английское существительное в значении «свобода»), *ТоннЭль гриль паб* (первый компонент словосочетания можно

интерпретировать как существительное тоннель или как бленд, состоящий из начала существительного «тонна» и названия напитка «эль», второй вариант больше соответствует профилю заведения). Полный вариант эргонима-сокращения *D. Fly (Стрекоза) – dragonfly*. Эргоним *Dostaevsky* обозначает службу доставки еды и кафе, однако название запоминается, поскольку омонимично фамилии писателя. В неоднозначно воспринимаемом неудачном названии кафе *Ночной дозор* просторечное существительное меняет смысл прецедентного словосочетания *Ночной дозор* в результате стилистической гибридизации. Аналогичный пример стилистической гибридизации наблюдается в названии *Вкусно Блин*. Эргонимы *Невинный садовник, Кофе с любовью, Харакири, Семь тараканов, Первая Раковая, Дети мангала* привлекательны лишь для узкого круга посетителей.

10. Оксюмороны в эргонимах: *Суп-вино, Баран кафе, Лось-Вегас, Кафе как компания, Сладкое чудо пиво разливное*.

Учет интересов посетителей кафе и ресторанов на уровне нейминга помогает им идентифицировать заведение как адекватное своим вкусовым и интеллектуальным предпочтениям. Необычные креативные названия представлены эргонимами – прецедентными высказываниями в форме графических гибридов: *МыЖеНаТы, Ларисуваннухочу, Sorry, МАМА!*. Согласимся с рестораторами и маркетологами, которые справедливо считают, что креативные названия могут не соответствовать профилю заведения, а в ряде случаев ожидания клиентов могут идти вразрез с выбранной концепцией заведения. Неприятные ассоциации вызывают у многих клиентов неоднозначно воспринимаемые гибридные креативные эргонимы *Блин Street, The Телки, КРЫША OpenAir* и другие из-за наличия частотных омонимичных сленгизмов с отрицательными коннотациями.

Гибридизация в коммерческих названиях кафе и ресторанов реализуется при помощи частичных заимствований, блендинга и суффиксации, использования нескольких алфавитов, способствует созданию креативных эргонимов, не всегда идентифицирующих обозначаемый ими объект.

В системе рассматриваемых урбанонимов англизированные эргонимы — commercial place names, искусственно созданные названия городских коммерческих объектов общественного питания, представлены большим количеством неоднородных по структуре и семантике наименований. Эргонимы как часть сложной локальной микротопонимической системы являются открытой неустойчивой лексической системой, подверженной влиянию языковой моды и отражающей сложившиеся в конкретной лингвокультуре тенденции реализации концептов пространства, места и объекта в топонимической картине мира и языковом сознании жителей города в целом. По сравнению с недавним прошлым современные названия кафе и ресторанов в русском языке претерпели значительные изменения, основные из которых включают в себя:

1. Отход от обобщенно-безликих и нейтральных неэмотивных названий, таких как *столовая, молочное кафе, пельменная*, и переход к конкретным, образным номинациям.
2. Антропонимизация эргонимов, заключающаяся в появлении эргонимов-антропонимов или эргонимов с антропонимами, обозначающими имя владельца, родственника или знакомого.
3. Использование прецедентных имен и феноменов в названиях.
4. Использование языковой игры и словотворчества в эргонимах.
5. Наличие многочисленных заимствований преимущественно из английского языка, которые полностью или частично ассимилировались в русских названиях, употреблены правильно или с намеренными или непреднамеренными ошибками. Следование языковой моде.
6. Употребление контаминированных названий, русско-английских блендов в рассматриваемых эргонимах.

Изучение пятисот частично или полностью англизированных названий кафе и ресторанов Челябинска, полученных методом сплошной выборки из официальных сайтов, показало, что английские названия в эргонимах заимствуются:

- 1) с сохранением орфографии языка оригинала: *Park City, Las Vegas, Liverpool, Fox & Goose, Goddess, Abyss, Sugar Free, Mirage, Only, Easy Shop, Power Plate*;

- 2) с ошибками в английских словах: *Impuls, Mejor Placer, Dbarcadr, Russ-House, Steakman*. Ошибки можно объяснить не только незнанием английской орфографии, но и стремлением авторов эргонимов к оригинальности, языковой игре и словотворчеству для привлечения внимания, как в слитном написании эргонимов *MadFlatBar, NightpartyBus*;
- 3) с употреблением английских служебных слов, в основном артиклей, в слитном написании в русских названиях: *TheБочка*;
- 4) в контаминированных русско-английских и англо-русских эргонимах в начале и конце названия: *Beerлога, Barxam, MeetPoit на Тополинке, Stylish на Красной, Коктейль Pro, Блин Street, Beef Бар, LiveBar Дружба, NeBar*. В последнем примере использован латинский алфавит для передачи русского отрицания в неологизме-компоните, в котором второй компонент состоит из английского существительного. *Bounty School. Северок* — использован известный бренд кондитерских изделий и локализм *Северок* для обозначения спального района на северо-западе города. *КРЫША Open Air* представляется, на наш взгляд, неблагозвучным эргонимом из-за многозначности существительного *крыша*;
- 5) с использованием английских прецедентных имен и реаллий, как на русском, так и на английском языке: *Айвенго, Тутаник, Elvis, Newton, PitStop, 007*.

В локальных эргонимах с названиями кафе и ресторанов широко используются правильно или с ошибками транслитерированные на английский язык русские слова и словосочетания: *SHPIЛKA, Fabrica, Moskva, ShuryMury, Belochka, Tishina, PRAVDA, TopkaBar*. При транслитерации может использоваться начало топонима Челябинск: *Che, CHE*. Влияние английского языка заметно в эргонимах *Смолино парк, Гагарин парк*, в котором изменен традиционный порядок слов в названии парка культуры и отдыха имени Юрия Гагарина, где расположен ресторан. Контаминированное название *Sorry, МАМА!* апеллирует к фоновым знаниям жителей и гостей города, поскольку в нем обыграно начало песни из кинокомедии «Операция Ы».

Нередки среди изучаемых эргонимов англизированные эргонимы с антропонимами: *Kriss* (сокращение женского имени хозяйки кафе Кристина), *Johnny's Pub*, *Jackson's*, *Zaytseff*, *Angela*. Последний пример можно считать креативным подходом к написанию женского имени Анжела, при котором акцентируется этимология имени.

Анализ локальных отечественных эргонимов показал, что они подвержены языковой моде, под влиянием английского языка происходит смешение формы и содержания репрезентированного в эргониме микропонимического концепта.

Таким образом, анализ англизированных эргонимов в сфере общественного питания в локальной отечественной топосистеме свидетельствует о наличии общих тенденций топообразования и реализации особенностей регионального сознания.

3.7.2. Англизация и гибридизация в локальных названиях образовательных центров, туристических фирм и книжных магазинов

Коммерческие названия отражают качественные изменения в языковом сознании у представителей русской лингвокультуры, заключающиеся в проявлении индивидуализации мышления, лингвокреативности, вариативности и языковой игры.

Общие тенденции развития отечественной эргономимики представлены:

- 1) гиперболизацией, проявляющейся в стремлении увеличить значимость организации (вспомним обилие всевозможных миров, планет и галерей в названиях небольших магазинов и фирм);
- 2) конкретизацией, заключающейся в использовании антропонимов в коммерческих названиях;
- 3) гибридизацией, реализующейся в оригинальном употреблении смешанных по происхождению и структуре эргонимов;
- 4) сокращениями и блендингом;
- 5) частично ассимилированными и неассимилированными заимствованиями и варваризмами.

Анализ локальных эргонимов показал заметное влияние английского языка на русские коммерческие названия, а в названиях туристических фирм и образовательных центров наблюдается доминирование английских эргонимов.

В языке современного города реализуются как универсальные, так и национально-культурные и локальные особенности репрезентации городского пространства. Одной из универсальных тенденций можно считать урбанонимическую глобализацию, выражающуюся во влиянии английского языка на язык крупного современного города в общем и городской ономастикон в частности. Англизация эргонимов является составляющей и результатом процесса глокализации. Под термином-блендом «глокализация» понимаем сосуществование универсальных и локальных характеристик в урбанонимах. Понятие «глокализация» введено английским социологом Р. Робертсоном для обозначения взаимопроникающих глобальных и локальных процессов в обществе). В широком смысле глокализация понимается как региональный локализм, «региональный отклик на процессы глобализации», «сочетание локальных и глобальных интересов и ориентаций», когда глобальность «оказывается не каким-то одномерным пространством, но транслокальностью, становится мерой растущего сближения полюсов глобальности и локальности» [Кожевников 2005: 111].

Материалом для изучения послужили около тысячи частично или полностью англизированных названий образовательных центров, туристических фирм и книжных магазинов Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и Челябинска, полученных методом сплошной выборки из официальных сайтов коммерческих организаций рассматриваемых городов. В количественном отношении преобладают англизированные заимствования в анализируемых эргонимах Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, что можно объяснить как большей площадью городского пространства этих городов, так и их статусом культурных центров страны по сравнению с Челябинском. Наименьшее количество англизированных эргонимов обнаружено в названиях книжных магазинов всех трех городов, поскольку невелико, к сожалению, число самих книжных магазинов по сравнению с языковыми центрами и туристическими агентствами.

Большая креативность при англизации неймов также присуща эргонимам Екатеринбургa и Санкт-Петербургa. В то же время тенденции и механизмы англизации в анализируемых примерах в основном совпадают во всех трех рассматриваемых крупных городах России.

Выбор в качестве материала исследования эргонимов указанных городов обусловлен их существенной ролью в экономической (все три города) и культурной (Санкт-Петербург, Екатеринбург) жизни России, своеобразием, с одной стороны, локального городского пространства и, соответственно, локальной системы эргонимов и общими тенденциями ее номинации, с другой стороны.

Наименьшее количество англизированных эргонимов обнаружено в названиях книжных магазинов, поскольку в количественном отношении книжные магазины уступают другим коммерческим организациям, отражая снижение интереса жителей страны к печатной продукции в целом. Однако тенденции и механизмы англизации в анализируемых примерах названий книжных магазинов и туристических агентств в основном совпадают.

Зайствованные из английского языка эргонимы (экзоэргонимы) ассимилируются полностью или частично, транслитерируются на русский язык или используются на языке оригинала, включаются в эндоэргонимы в виде блендов и гибридных лексических единиц. Английская составляющая может употребляться перед или после русской составляющей эргонима.

В эргонимах иногда ошибочно используются английские, англо-русские бленды, английские слова и словосочетания, зарегистрированные с орфографическими и синтаксическими ошибками: *Brend*, *Befree*. При этом как повышается привлекательность заведения, вызванная необычным названием, так и возникают коммуникативные помехи при частотном и ошибочном употреблении англицизмов в эргонимах. Для названий книжных магазинов характерно использование повторяющихся и однообразных англизированных эргонимов: *Yesbook*, *Yes Книга*. Креативность в таких эргонимах реализуется в блендах, композитах, не всегда понятных даже носителям английского языка неологизмах: *Booksandyou.ru*, *Inbookshop.ru*.

Для гибридных названий туристических фирм характерна большая степень креативности, проявляющаяся в обилии уточняющих транслитерированных номинаций: *Форвард-Тур, Лингва, Смайл, Энджой, Лайк, Голден, Даймонд...* Примером обратной транслитерации с русского языка на английский является конкретизирующий локальный эргоним *СHEmodan*, представленный омофоном и блендом (Челябинск плюс чемодан).

В рассматриваемых эргонимах выявлено использование русских и английских слов в одном названии в полной или сокращенной форме: *Матрешка travel, IZYOM travel, Русь-trav, БуквоедOff, Babykniga*. В контаминированных названиях употребляются английские сокращения, служебные и знаменательные слова. Обобщающие существительные *travel* и *tour* являются самыми частотными в названиях туристических агентств, существительные *book, press* характерны для названий книжных магазинов. Частотными английскими уточняющими компонентами эргонимов- словосочетаний являются *tu, new, VIP* для названий книжных магазинов и *Чинтруп, Charm, Gold, Green* для туристических фирм.

Локальные гиперболизированные эргонимы Екатеринбурга *Книгабург и Прессбург* содержат заимствованный топонимический суффикс и уточняющие сферу деятельности коммерческой организации начальные компоненты.

Анализ эргонимов показал, что гибридизация осуществляется при использовании смешанной орфографии в контаминированных русско-английских и англо-русских эргонимах в начале и конце названия: *Vip Лента, БуквоедOff*, при употреблении английских артиклей, предлогов, союзов в слитном или раздельном написании с английскими или русскими словами: *Onbooks, Каляка&Маляка*, при использовании сокращений.

Изучение лингвистического ландшафта на примере русских эргонимов показал, что они подвержены языковой моде, под влиянием английского языка нередко наблюдается намеренное и произвольное смешение формы и содержания репрезентированного в эргониме микротопонимического концепта. Гибридные эргонимы реализуют в лингвистическом ландшафте креативность и языковое творчество владельцев коммерческих организаций. Анализ англизированных эргонимов на материале названий книжных магазинов и туристических агентств

крупных отечественных городов свидетельствует о наличии общих тенденций образования эргонимов-урбанонимов и о реализации особенностей регионального сознания в локальном городском пространстве.

Заимствованные из английского языка эргонимы (экзоэргонимы) ассимилируются в пространственной картине города полностью или частично: *Форвард-Тур, Лингва Тревел*. Названия коммерческих организаций либо транслитерируются на русский язык: *Смайл тур, Энджой Тревел, Лайк Тревел, Голден Тур, Даймонд Тур, Санрайз, ДИСКАВЕРИ, Альба TRAVEL*, либо используются на языке оригинала: *Happy Trip, Story&Travel, Wings, Fun Holidays, Sunny Holiday, Travel Logic, All Travels, Paradise, Love Travel, Major-tour*, включаются в эндоэргонимы в виде блендов: *ЧелСити (Челябинск плюс сити)* и гибридных лексических единиц: *ИЗИУМ travel*. Английская оригинальная или транслитерированная составляющая может быть в пре- или постпозиции русской составляющей эргонима: *Рус-Тревел, Урал-Ресорт, Артемий Тур, Меганполис-Тур, Форм Курорт, Холидей-тур, Энджой Трэвел, БуквөөдOff, VIP Лента*.

В эргонимах иногда ошибочно используются английские слова, англо-русские бленды, английские словосочетания, зарегистрированные с ошибками: *Brend, Befree, LikeTravel...* При англизации названия коммерческой организации происходит расширение локальных рамок городского пространства. Англизированные эргонимы часто создаются для повышения привлекательности заведения для клиентов. При частотном и ошибочном употреблении англицизмов в эргонимах могут возникать коммуникативные помехи. Ошибки в транслитерации английских слов и словосочетаний на русский язык, намеренно ошибочное использование латинского алфавита и русифицированных производных от английского существительного *land*, как в эргониме *ОSorляндия*, в рассматриваемых коммерческих названиях встречаются относительно редко, ошибочная англизация характерна в основном для гибридных названий магазинов одежды, кафе и ресторанов.

Книжными магазинами, языковыми центрами и туристическими агентствами нередко руководят выпускники факультетов иностранных языков, поэтому количество эргонимов

с ошибочным написанием английских слов и словосочетаний в рассматриваемых названиях минимально, однако для названий книжных магазинов и языковых центров в трех городах характерно использование повторяющихся и однообразных англоязычных эргонимов (*Yesbook, Yes Book, Onbooks, Bookshop* для названий книжных магазинов; *My English, Study English, English Club, Language study*) и гиперболизации (*Planet English, World of English* для языковых центров; *Coral Travel, World Travel, Euro Travel* для туристических агентств).

Креативность в таких эргонимах реализуется в блендах, композитах, не всегда понятных даже носителям английского языка неологизмах: *Studyland, Englishup, FusTrackEnglish, Booksandyou.ru, TouriStar, Inbookshop.ru*. Семантические сдвиги наблюдаются в локальном акрониме языкового центра *DIY* («сделай сам»), что, вероятно, предполагает самостоятельное изучение английского языка, хотя является названием языкового центра, а также в эргонимах *Native Language, Robin Good Consulting, Diplomat, Only you, Мup Граля* (вместо Грааля), *Заводной Анельсин*. Эргоним *Native Language* также предполагает несколько трактовок: либо безукоризненное владение английским языком в результате обучения, либо в языковом центре работают преподаватели, для которых английский язык является родным. Образовательный эргоним *Diplomat*, вероятно, должен предполагать обучение не только английскому языку, но и другим языкам международного общения и соответствующему названию языкового центра поведению. Прецедентные имена в эргонимах, включающие в себя названия известных книг, песен, героев фольклора, зачастую не соответствуют направлению деятельности коммерческой организации.

В названии туристического клуба экстремальных путешествий *GoX3m* оригинально используется буквенно-цифровая аббревиатура *X3m*, заменяющая прилагательное *extreme*, в слитно представленном предложении *Go extreme*.

В рассматриваемых эргонимах выявлено использование русских и английских слов в одном названии: *Mope Travel, БуквоедоедOff, Каляка&Маляка, Орел & Решк@, VIP Лента, Babykniga*. В приведенных контаминированных названиях коммерческих организаций употребляются английские

сокращения, служебные и знаменательные слова, рифмованные словосочетания, прецедентные имена и феномены. Гибридные эргонимы встречаются в основном в локальном городском пространстве как результат креативности и языкового творчества владельцев коммерческих организаций. Они нередко затрудняют восприятие названия коммерческой организации, не привлекают, а отталкивают потенциального покупателя предлагаемых фирмой услуг.

Обобщающие существительные *travel* и *tour* являются самыми частотными в «туристических» эргонимах, *book, press* — в книжных, *study, club, school* — в образовательных. К частотным уточняющим компонентам образовательных эргонимов-словосочетаний относятся *English, excellent, perfect, elite, lucky; education, my, new, VIP* — для названий книжных магазинов, и *Coral, Diamond, Charm, Gold, Green* — для туристических фирм.

Конкретизирующий локальный эргоним *СHEmodan* является омофоном и блендом, который составлен из первого слога, написанного при помощи латинского алфавита топонима Челябинск (распространенного среди жителей, особенно молодежи, названия столицы Южного Урала), и существительного *чемодан* без первого слога. Локальные эргонимы Екатеринбурга *Книгабург* и *Прессбург* содержат заимствованный топонимический суффикс с четко выраженной локальной атрибуцией (распространенное разговорное название Екатеринбурга — Ебург), иллюстрирующие гиперболизацию и глокализацию.

Распространение контаминированных названий, смешанных русско-английских блендов в рассматриваемых эргонимах отражает стремление их владельцев к оригинальности в названиях, с одной стороны, и творчеству в словообразовании — с другой.

Ряд коммерческих названий образуют смесь из противоречащего правилам английской грамматики сочетания повелительного предложения и прилагательного: *Go! Touristic*, эллиптических предложений: *Like travel*.

Основными словообразовательными способами при создании англизированных эргонимов являются словосложение, сокращение и блендинг.

Анализ рассматриваемых групп эргонимов показал, что английские слова и словосочетания в них заимствуются:

- 1) с сохранением орфографии языка оригинала: *Family hobby bookshop, New Wallet, Happy Studies, Language Master, Teacher's Lab, Dorothy's, English Dog*; для привлечения клиентов в английских словосочетаниях-эргонимах используются рифмованные словосочетания *Say and Play, Smart Start, Fine Line*; с использованием латинского алфавита при написании русских слов в контаминированных русско-английских и англо-русских эргонимах в начале и конце названия: *Vip Лента, Языкoff, UchuEnglish.com*;
- 2) употреблением английских прецедентных имен и реалий как на русском, так и на английском языке: *Robin Good Consulting, Greenwich, Мир Граля, Заводной Апельсин, 007, Камелот, Лондон стрит, Биг Бен, Шалтай-Болтай, Колумб, Брайтон, Маленькая Британия, Робинзон*;
- 3) полной или частичной транслитерацией английских слов и словосочетаний на русский язык: *Хеллоу, Интеллиджент, Спикинг и Спикин, Бэбибум, Литл Лили, Спик энд го, Инджой, Глори Скул, Лингва Тревел, Даймонд Тур, Дримтур, Ривертур, Бикстар плюс, Минибук, Грандбук, Бук Пресс, Реал Рашин Экспедишн, Офисмаг, Лимитед Смайл, Футура Медиа Бук, Бенедикт Скул, АВС плюс, Читтрип*. Транслитерированные антропонимы и топонимы также популярны в эргонимах: *Алис-альянс, Дейзи, Дядюшка Ник, Лондон Стрит*. Английские антропонимы могут быть как прецедентными именами (*Робин Гуд*), так и распространенными полными и сокращенными именами: *Ник, Дороти, Дейзи* и др. В качестве эргонимов-топонимов, как правило, выбираются широко известные названия стран, городов и городских объектов: *Британия, Лондон, Оксфорд, Кембридж, Биг-Бен* и т. д.;
- 4) сохранением английских артиклей, предлогов, союзов в слитном или раздельном написании с английскими или русскими словами и словосочетаниями: *Onbooks, Каляка&Маляка, Эйн&Штейн, Орел&Решк@*;

5) использованием разнообразных сокращений: *E-перевод, ABC, EnglishPro, BisEnglish, PMStudy, DIY, LuckyU*.

Бленды-неологизмы *Labridge School, Kinglish, Фолэнг*, композиты *Studyland, Англосип*, псевдоанглицизмы *Bezzarpinki, Perevodim.Pro, OSopляндия* являются примерами оригинальных и не всегда привлекательных названий коммерческих организаций.

Анализ локальных российских эргонимов Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и Челябинска показал, что они подвержены языковой моде, глокализации, выражающейся в англизации. Под влиянием английского языка нередко наблюдается смешение формы и содержания репрезентированного в эргониме микротопонимического концепта. Номинация эргонимов является во многом нерегулируемым, стихийным процессом, приводящим зачастую к созданию как повторяющегося в локальном городском пространстве образа города, так и к появлению в образе города оригинальной эргонимии. Игра слов, ирония, смешение стилей, осознанное игнорирование норм английского языка довольно часто сопровождают вербализацию микротопонимических концептов в анализируемых эргонимах.

3.8. Межкультурный коммуникативный диссонанс в эргонимах

Рассмотрим с позиций лингвокультурологии два типа межкультурного коммуникативного диссонанса, непреднамеренного дисгармоничного дискурса, на примере эргонимов. Первый тип представлен гибридными и ошибочно употребляемыми английскими эргонимами, второй тип межкультурного коммуникативного диссонанса реализуется в русских эргонимах-словосочетаниях.

Коммуникативный диссонанс является помехой в общении жителей современного города, сложного поликультурного пространства. Межкультурный коммуникативный диссонанс, таким образом, будем считать особым проявлением коммуникативного диссонанса. Межкультурный коммуникативный диссонанс как результат непреднамеренного дисгармоничного дискурса занимает, на наш взгляд, промежуточное положение

между речевой агрессией и коммуникативной неудачей по степени интенсивности негативного воздействия на получателя информации. Можно условно выделить два типа межкультурного коммуникативного диссонанса, поскольку он понимается автором работы как результат речевого воздействия адресанта и на адресатов как разных лингвокультур, и на адресатов одной лингвокультуры, но представляющих различные социальные группы.

Ярким примером межкультурного коммуникативного диссонанса первого типа в русском языке могут служить многочисленные сложные эргонимы, в их составе нередко используются русские и английские или псевдоанглийские слова. Из-за использования в составе эргонимов англицизмов и псевдоанглицизмов происходит расширение локальных пространственных рамок нейма путем создания гибридного оригинального названия коммерческого заведения, с одной стороны, и реализация коммуникативного диссонанса при излишне частотном и ошибочном употреблении англицизмов в таких эргонимах — с другой.

Межкультурный коммуникативный диссонанс при восприятии гибридных эргонимов возникает из-за того, что большая часть населения даже крупных российских городов не знает иностранные языки в достаточной степени, чтобы понять игру слов и креативность создателей эргонимов.

Непонимание эргонимов возникает и в результате ошибок в написании английских слов и словосочетаний. Орфографические ошибки наблюдается в основном в названиях магазинов. В примерах *Brend*, *Brender* использована ошибочная транслитерация существительных *brand*, *brander*, причем во втором случае коммуникативный диссонанс даже усиливается, поскольку происходит сужение лексического значения слова. Существительное *brander* означает клеймовщика, маркировщика, аппарат для маркировки мяса, рашпер, бренд-менеджера [Словари и энциклопедии на Академике URL]. Слитное написание слов в эргониме *Befree* противоречит правилам английской грамматики, а замена компонента *Hood* в прецедентном имени *Robin Good* на прилагательное *Good* — хороший — также свидетельствует об ошибочной транслитерации. Примеры названий языковых центров *Englishup*,

FusTrackEnglish не сразу понятны даже носителям английского языка. Вероятно, использование блендов, композитов и неологизмов должно привлечь клиентов в языковые центры, но в результате возникающий при знакомстве с эргонимом коммуникативный диссонанс может вызвать негативную реакцию у потенциальных клиентов.

В примере эргонима *Ну, че? Artclub* межкультурный коммуникативный диссонанс возникает не только в результате использования английского и русского языков в названии, но и в наблюдающемся смешении стилей: разговорный челябинский локализм *че* вместо *что* в сочетании с побудительной частицей *ну* дополняется стилистически нейтральным уточняющим названием коммерческого заведения *Artclub*.

Гибридный эргоним с неоднозначным названием *Мамрешка travel* вряд ли привлечет русскоязычных путешественников, поскольку существительное *мамрешка* может обозначать деревянную игрушку, формат контейнера мультимедийных файлов, травянистое растение, имя собственное с уменьшительным суффиксом, кличку, даже разновидность бриллианта и мн. др.

Использование английских эргонимов в русском языке отражает универсальное явления глобализации, глокализации (смешение глобальных и локальных особенностей номинации), языковую моду. Следует отметить, что причиной межкультурного коммуникативного диссонанса могут быть не только чисто английские и смешанные русско-английские и англо-русские эргонимы.

Межкультурный коммуникативный диссонанс второго типа возникает при знакомстве с эргонимами без иноязычных включений. Причинами диссонанса могут быть многозначные слова иностранного происхождения, переосмысление значения которых приводит к возникновению нелепых названий. Существительное *будуар* встречается в многочисленных российских эргонимах: в названии мебельного магазина в Евпатории, интернет-магазина одежды в Усурийске и Нижнем Тагиле, магазинов женской одежды, нижнего белья для всей семьи, женского нижнего белья, салона красоты в Челябинске, магазина штор в Брянске.

В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова данное существительное трактуется как устаревшее: (фр. *boudoir*) (устар.) Туалетная, она же приемная дамская

комната в богатом доме. Обстановка, мебель такой комнаты. Продается будуар красного дерева. В Словаре русского языка С. И. Ожегова и современном онлайн-словаре Т. Ф. Ефремовой приводятся аналогичные значения существительного *будуар*: Гостиная хозяйки в богатом доме для неофициальных приемов, а также обстановка такой гостиной; 1. Небольшая комната богатой женщины, служившая для отдыха, косметического туалета и приема наиболее близких людей. 2. Мебель для такой комнаты. В Словаре-гlossарии В. И. Плужникова «Термины российского архитектурного наследия» обнаружено лишь одно значение слова: изысканно убранная комната светской дамы, предназначенная для отдыха, туалета, а также приема близких и знакомых. Уточненное значение существительного *будуар* представлено в Словаре забытых и трудных слов XVIII—XIX веков: маленькая комната хозяйки барского дома для приема наиболее близких людей. Подробное описание истории анализируемого заимствования приводится в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона: слово это перешло к нам от фр. *boudoir*, французы же производят его от глагола *bouder* — сердиться, хмуриться, дуться, и этим глаголом принято обозначать капризы и причуды молодой светской женщины. Будуаром называется изящно убранная дамская комната. Впервые будуары появились во Франции во времена Регентства и введены во всеобщее употребление госпожами Помпадур и Дюбарри, которые в этих уединенных и с изумительную роскошью украшенных кабинетах принимали своих поклонников [Значение слова «будуар» в 6 словарях URL].

Проанализировав статьи в шести толковых словарях и обнаруженные эргонимы с существительным *будуар*, приходим к выводу о том, что только в названии мебельного магазина Евпатории существительное *будуар* не вызывает межкультурный коммуникативный диссонанс.

Сеть центров по продаже мясной продукции южноуральского агропромышленного холдинга *Ариант* называется *Магазин первой свежести*. Название эргонима может вызвать не только иронию, но и сомнение в качестве предлагаемой продукция, поскольку словосочетание ассоциируется с прецедентным высказыванием из романа «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова «осетрина второй свежести».

В конкретной лингвокультурной ситуации креативность или неграмотность авторов зарегистрированных эргонимов довольно часто приводит к межкультурному коммуникативному диссонансу.

Таким образом, в данном разделе реализована попытка проанализировать относительность гетеростереотипного восприятия конкретной лингвокультуры в лингвистике повседневности, репрезентированной в основном на лексическом уровне. Рассмотрев значительный, но далеко не полный пласт английской и русской лексики с позиций сопоставительной лингвокультурологии, констатируем наличие универсалий и уникалий в проанализированных лексических системах топонимов, микротопонимов, представленных в локальном лингвистическом пространстве современного города. Многочисленные недостаточно изученные в контрастивном аспекте подсистемы ономаσιологической лексики в неблизкородственных языках, к которым относятся английский и русский языки, открывают перспективу дальнейшего изучения сравниваемых лингвокультур.

Список литературы

1. Антипьева, И. А. К проблеме значения этнонимических единиц вторичной номинации / И. А. Антипьева // Известия Байкальского государственного университета. 2014. № 1. С. 145–149.
2. Басик, С. Н. Общая топонимика / С. Н. Басик. Минск: Изд-во БГУ, 2006. 200 с.
3. Березович, Е. Л. Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации / Е. Л. Березович, Д. П. Гулик // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: Наука, 2002. С. 232–253.
4. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 440 с.
5. Голев, Н. Д. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) / Н. Д. Голев, Л. М. Дмитриева // Вопросы ономастики. 2008. № 5. С. 5–18.
6. Голованов, И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX–XXI вв.) / И. А. Голованов. Челябинск: Энциклопедия, 2009.

7. Голомидова, М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. 2017. № 14 (3). С. 185–203.

8. Гриценко, И. П. Отражение этнокультурных стереотипов в коннотациях этнонимов английского языка / И. П. Гриценко. Симферополь: Крым. 2007. № 4. С. 103–106.

9. Давлеткулова, Л. Н. Топонимы в лингвокультурологическом аспекте (на примере графства Оксфордшир и Челябинской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Н. Давлеткулова. Челябинск, 2014. 22 с.

10. Иссерс, О. С. Нейминг как объект лексикографического описания / О. С. Иссерс // Проблемы русской лексикографии: тез. докл. межд. науч. конф. «Шестые Шмелевские чтения». М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2004. С. 38–40.

11. Иссерс, О. С. Лингвокогнитивные основания креативных решений в нейминге / О. С. Иссерс // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 821–824.

12. Кожевников, Н. Н. Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты / Н. Н. Кожевников, Н. Г. Пашкевич // Вестник Якутского государственного университета. 2005. № 2 (3). С. 111–115.

13. Кондакова, И. А. К вопросу переносного значения этнонима / И. А. Кондакова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. Вып. 15. С. 76–81.

14. Коновалова, И. А. Проблемы перевода эргонимов Приморского края в электронных СМИ / И. А. Коновалова, Т. А. Лупачева // Известия Восточного института. 2013. № 2 (22). С. 118–125.

15. Котова, Н. С. Лингвокультурологический анализ концептосферы «цветы»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Котова. Челябинск, 2007. 22 с.

16. Лозовой А. Ю. К проблеме номинации. Особенности современной эргонимии / А. Ю. Лозовой, И. А. Названова // Известия Южного федерального университета. 2013. № 10 (147). С. 25–30.

17. Панасенко, Л. А. Интерпретирующие форматы знания лексических категорий: формат наблюдения / Л. А. Панасенко // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 78–81.

18. Питина, С. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на примере названий казино Лас Вегаса) / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. № 4. 2013. С. 86–90.

19. Питина, С. А. Топонимы и народные топонимы Челябинской области / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26. С. 92–95.
20. Питина, С. А. Влияние английского языка на русские локальные эргонимы / С. А. Питина // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 693–695.
21. Прокуровская, Н. А. Город в зеркале своего языка (на языковом материале г. Ижевска) / Н. А. Прокуровская. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1996. 224 с.
22. Растительный мир Таганая. URL: <http://www.taganay.org/vegetation> (дата обращения 28.07.2020).
23. Садохин, А. П. Этнология / А. П. Садохин. М.: Гардарики, 2001. 287 с.
24. Самсонова, Е. С. Функционирование иноязычных средств в эргонимии / Е. С. Самсонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 6 (96). С. 16–20.
25. Сизова, Е. А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов: (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Сизова. Пятигорск, 2004. 16 с.
26. Сироткина, Т. А. Актуальные проблемы современной этнонимии / Т. А. Сироткина // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 4. С. 53–59.
27. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. М.: Наука, 1973. 366 с.
28. Федотова, Т. В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Федотова. Улан-Удэ, 2012. 47 с.
29. Цебровская, Т. А. Структурно-семантические и этнолингвистические характеристики дерогативно маркированных этнонимов современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Цебровская. Симферополь, 2016. 206 с.
30. Шимкевич, Н. В. Русская коммерческая эргонимия: Прагматический и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шимкевич. Екатеринбург, 2002. 178 с.
31. Flavell, L. The Chronology of Words and Phrases / L. Flavell, R. Flavell. Leicester: Silverdale Books, 1999. 269 p.
32. Flexner, S. T. Speaking Freely: a Guided Tour of American English from Plymouth Rock to Silicon Valley / S. T. Flexner, A. H. Souhkanov. NY, Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. 472 p.

33. Fox, K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour* / K. Fox. London: Hodder and Stoughton, 2005. 424 p.
34. Herbst, Sh. T. *The Ultimate A – to Z Bar Guide* / Sh. T. Herbst, R. Herbst. New York: Broadway Books, 1998. 390 p.
35. McDonald, F. *The Guinness Book of British Place Names* / F. McDonald, J. Cresswell. London: Guinness Publ., 1993. 192 p.
36. Pitina, S. *English Language Influence on Russian Commercial Terms* / S. Pitina // *US-China Foreign Language*. 2015. Vol. 13, № 12. David Publ. Company. P. 869–874.
37. Paxman, J. *The English. A Portrait of a People* / J. Paxman. London: Penguin Books, 1999. 308 p.
38. *Red Rock Canyon Plants*. Las Vegas: Red Rock Canyon Interpretative Association, 2001. 112 p.

Словари

39. Даль, В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка* / В. И. Даль. Т. 1–4. М.: Рус. яз., 1978–1980.
40. Подольская Н. В. *Словарь русской ономастической терминологии* / Н. В. Подольская. М.: Наука, 1988. 187 с.
41. Прошин А. В. *Словарь функциональных синонимов английского языка* / А. В. Прошин. Челябинск: Энциклопедия, 2011. 692 с.
42. Томахин, Г. Д. *США. Лингвострановедческий словарь* / Г. Д. Томахин. М.: Рус. яз., 2000. 567 с.
43. *Macquarie Book of Slang* / gen. ed. J. Lambert. Macquarie Library, 1999. 276 p.
44. *The Oxford Dictionary of English Etymology* / ed. by C. T. Onions. Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. 445 p.

Источники

1. Значение слова «будуар» в 6 словарях. URL: <https://znachenie-slova.ru/%D0%B1%D1%83%D0%B4%D1%83%D0%B0%D1%80> (дата обращения 07.10.2020).
2. Книжные магазины Екатеринбурга. URL: <http://ekaterinburg.jsprav.ru/knizhnyie-magazinyi/> (дата обращения 30.09.2020).

3. Книжные магазины в Санкт-Петербурге. URL: <http://sankt-peterburg.kitabi.ru/magaziny/knizhnye-magazinyhttps> (дата обращения 29.09.2020).
4. Книжные магазины Челябинска. URL: <http://chelyabinsk.isprav.ru/knizhnyie-magaziny/> (дата обращения 29.04.2019).
5. От бургера к единорогу: как появляются необычные названия петербургских ресторанов и кафе. URL: https://www.dp.ru/a/2017/01/19/Ot_burdera_k_edinorogu_k.
6. Переименованные города Украины. URL: http://www.ukraina.com/index.php?option=com_content&view=article&id=31:...
7. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://translate.academic.ru/brander/en/ru/> (дата обращения 08.09.2020).
8. Туристические агентства Екатеринбурга. URL: <https://firms.turizm.ru/cities/ekaterinburg/> (дата обращения 28.08.2020).
9. Туристические агентства Санкт-Петербурга. URL: <https://spb.virgeo.ru> (дата обращения 29.07.2020).
10. Туристические агентства Челябинска. URL: <https://firms.turizm.ru/cities/chelyabinsk/> (дата обращения 28.08.2020).
11. Турфирмы Челябинска. URL: <http://www.74.ru.firms.turizm.ru/cities/chelyabinsk/> (дата обращения 28.07.2020).
12. Украинский институт национальной памяти. URL: <http://www.memory.gov.ua/page/dekomunizatsiya/>.
13. Языковые центры Екатеринбурга. URL: <https://www.e1.ru/catalog/language/> (дата обращения 30.07.2020).
14. Языковые центры Санкт-Петербурга. URL: <https://yandex.ru/search/?clid> (дата обращения 30.07.2020).
15. Языковые центры Челябинска. URL: <http://chelyabinsk.spravka.city/shkoly-inostrannyh-yazykov> (дата обращения 28.08.2020).
16. Языковые центры Челябинска. URL: http://www.74.ru.ChelDiplom.ru/firms/yazik_593 (дата обращения 28.08.2020).
17. American Schools, Colleges & University Directory. URL: <http://www.American-Schools.net> (дата обращения 28.08.2020).

ГЛАВА 4

Изучение концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии (с применением автоматизированных методов)

Введение

Целью данной главы являются выявление и оценка методологического потенциала применения концептуального анализа в исследованиях дискурса, например корпуса (свода, подборки) текстов, объединенных по какому-либо основанию, посвященных той или иной тематике, относящихся к определенному моменту времени, принадлежащих определенным авторам и т. п. Концептуальный анализ, в свою очередь, строится на автоматизированных SEO и кластерном анализе и последующем контекстуальном анализе текстов/высказываний с ключевыми словами. SEO-анализ позволяет выявить и анализировать ядерные, вспомогательные и периферийные концепты, актуализируемые в этих текстах, а кластерный анализ — группировать их в тематические/концептуальные поля.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью использования автоматизированных семантических методов для изучения текстов, объединенных временными и пространственными параметрами, однородных в плане содержания или тематически (например, отражающих определенные события и посвященных им), с тем чтобы выявить их концептуальный состав, иерархию концептов, когнитивные особенности восприятия неких предметных ситуаций их авторами. Количественно-качественный метод исследования, выявляющий повторение в ряде текстов определенных лексем и сочетаний лексем с последующей их интерпретацией избирается для исследования

концептуального состава достаточно разнородных, хотя и обладающих референциальным единством текстов. Данный метод позволяет определить психологическое состояние, установки, интересы, ценности индивидов, а также социальных групп и институтов.

Мы опишем методологию концептуального анализа текста в сопровождении одного из вариантов контент-анализа, состоящего из методов автоматизированного семантического анализа (SEO) и кластерного анализа (TextAnalyst). Методологию предваряет сжатое рассмотрение теории концепта (включая художественный концепт), концептосферы и концептуальных полей. Важнейшую, с нашей точки зрения, часть работы составляет анализ концептосфер советской военной поэзии, посвященной Великой Отечественной войне, и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне.

Цели исследования соотносятся с коммуникативными, когнитивными, психологическими и социологическими целями контент-анализа, которые в 1952 году выделил американский исследователь Б. Берлсон: описание тенденций в изменении содержания коммуникативных процессов; описание различий в содержании коммуникации в различных странах; сравнение содержания сообщений СМИ; выявление используемых пропагандистских приемов; определение намерений и иных характеристик участников коммуникации; определение психологического состояния индивидов и/или групп; выявление установок, интересов и ценностей (и, шире, систем убеждений и «моделей мира») различных групп населения и общественных институтов; выявление фокусов внимания индивидов, групп и социальных институтов и др. [Цит. по: Паршин URL]. Особо значимыми для нас являются две последние типичные цели контент-анализа: 1) на основе полученных данных реконструировать концептуальное восприятие советскими и англоязычными поэтами соответствующих событий, перспективу, ракурсы и фокусы видения, детализацию «фона», специфические концепты и прочие компоненты картины мира; 2) проанализировать и сравнить концептосферы поэзии разных стран, посвященной Второй мировой войне; сравнить и сопоставить концептуальный состав и признаки концептов в советской и англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

В соответствии с целями выделим ряд задач: раскрыть содержание понятия «концепт»; произвести отбор поэтических текстов о Второй мировой войне; реализовать семантический

и кластерный анализ корпуса текстов с учетом частотности и семантического веса значимых лексических единиц; интерпретировать полученные результаты с помощью контекстуального анализа в сочетании с биографическими данными об авторах; произвести герменевтико-интерпретационный синтез данных; сравнить и сопоставить полученные лингвокультурологические данные; сделать когнитивно-лингвистические выводы.

Материалом исследования являются готовые подборки русскоязычной и англоязычной поэзии о Второй мировой войне. Существенно, что поэты, творчество которых мы анализировали, были участниками и свидетелями этих событий, а впоследствии отразили в поэзии свои установки, фокусы внимания и ценности.

Подборка «Стихи о войне 1941–1945 годов» редакции портала «Православие и мир» содержит стихи 15 известных и получивших общественное признание поэтов, отразивших события тех лет: А. Т. Твардовского, Р. Г. Гамзатова, К. М. Симонова, Ю. В. Друниной, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака, А. А. Тарковского, А. А. Суркова, Ю. Д. Левитанского, И. С. Забуги, Ю. П. Воронова, Вячеслава Попова, Петра Сидорова, Евгения Иванова, А. В. Пиневича, Б. Ш. Окуджавы, В. С. Высоцкого. В подборке «К 70-летию Победы» представлены 73 автора, из которых мы взяли для анализа произведения таких авторов, как: С. С. Орлов, О. Ф. Берггольц, М. А. Дудин, Е. А. Долматовский, В. М. Гончаров, С. П. Гудзенко, М. И. Алигер, А. В. Софронов, С. С. Смирнов, В. С. Шефнер, И. В. Ганабин, В. С. Волков, И. В. Мартянов, В. А. Рождественский. В подборке «Стихи о Великой Отечественной войне» представлены 86 поэтов, мы подвергли семантическому анализу стихи Э. А. Асадова, М. Джалиля, М. А. Дудина, В. М. Инбер, М. В. Исаковского, И. П. Уткина, А. И. Фатьянова. В общей сложности нами проанализировано около 100 поэтических произведений советских поэтов, посвященных Великой Отечественной войне.

Для отбора англоязычной поэзии мы воспользовались материалами, представленными на репрезентативных сайтах Poetry Foundation и All Poetry. Наша методика селекции материала включала сплошную выборку стихотворений с 1939 по 1960 год. Нами рассмотрены стихи таких британских и американских

поэтов, как: Archibald MacLeish, Brenda Chamberlain, Charles Reznikoff, Denis Devlin, E. L. Mayo, Eve Merriam, Ewart Milne, F. R. Scott, Flora Hendricks, Helen Goldbaum, Henry Reed, Howard Nemerov, Jack Barrack, James E. Schevill, James L. Dickey, James Tate, Jeremy Ingalls, John Berryman, John Buxton, John Ciardi, John Jarman, John Pudney, Julian Symons, Karl I. Shapiro, Katherine Garrison Chapin, Len Baynes, M. Jean Prussing, Marion Strobel, Oscar Williams, Patrick Anderson, R. N. Currey, Randall Jarrell, Robert Graves, Robert Wistrand, Robinson Jeffers, Roy Fuller, Stephen Spender, Stephen Stepanchev, Thomas McGrath, Thomas Merton, Tom Walker, Vera Rich, Vernon Scannell, W. R. Rodgers, William E. Stafford, Yvon Winters. Всего в ходе исследования нами проанализировано 73 англоязычных поэтических текста указанного периода.

Для достижения цели и решения поставленных задач в исследовании использовался общенаучный и специальный методологический комплекс. В качестве базового общефилософского метода выбран диалектический, который, по Н. С. Болотновой, позволяет «рассматривать текст как системно-структурное образование, видеть за конкретным произведением личность автора и соответствующий этап в развитии литературного языка и художественного стиля, чтобы дифференцировать языковое и речевое, правильно соотнося общее и отдельное в языке писателя; анализировать язык произведения (форму) в тесной связи с его идейно художественными особенностями (содержанием)» [Болотнова 2009: 407]. Специальную научную методологию исследования образуют метод контент-анализа (конкретно его упрощенная разновидность — SEO-анализ, позволяющий разделить значимую лексику на центральную и периферийные части) и кластерный анализ (конкретно программа TextAnalyst). Особую роль играют контекстуальный и герменевтический (интерпретационный) методы.

Сначала при помощи автоматического семантического анализа была выявлена концептосфера корпуса советских и англоязычных поэтических произведений. Тексты были обработаны программой семантического анализа Istio (SEO-анализ), выстраивающей иерархию значимых слов на основе частотности, семантического веса и количества семантических связей. На основе этого была выделена лексика ядра (семантический

вес 20), ближней периферии (19–6) и дальней периферии (5–2) – макронуклеусы, нуклеусы, микронуклеусы, соответственно ядерные, вспомогательные и периферийные концепты.

В полученной семантической/концептуальной структуре было определено соотношение абстрактных и конкретных понятий. Среди абстрактных (обобщенных) понятий/концептов были выделены интеллективные, эмоционально-оценочные, духовно-символические; среди конкретных понятий/концептов – базовые (включая прототипы), архетипико-символические.

Затем с помощью автоматизированного кластерного анализа TextAnalyst семантические нуклеусы (основные лексемы) были классифицированы по референциальному (тематическому и фреймовому) принципу. В ядре концептосферы, ее ближней и дальней периферии был выделен ряд тематических и фреймообразующих лексем. Также была представлена иерархия этих лексем и семантико-синтаксических связей вокруг них. Таким образом были выявлены основные фреймы и тематические/концептуальные поля корпусов текстов.

Контекстуальный анализ означает демонстрацию контекстов актуализируемых концептов и их интерпретацию. В совокупности с образно-риторическим анализом контекстуальный анализ и интерпретация текста позволили нам сделать выводы о признаках и свойствах описываемых концептов, определить их оценку и ассоциативную сеть в репрезентации авторов стихов.

Теоретическая ценность работы заключается в том, что произведен концептуальный анализ советской и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне, выявлены особенности их концептуального состава, произведены сравнение и сопоставление их концептосфер, сделаны значимые выводы. Практическая значимость состоит в апробации метода анализа концептуального состава значительного корпуса одноплановых текстов с применением сочетания автоматических анализаторов SEO и TextAnalyst, выделения зон ядерной, ближней и дальней периферии, характеристики концептов и их вербализаторов.

4.1. От семантического к концептуальному анализу текста

В настоящее время содержательно-смысловое устройство художественного текста эффективно описывается в парадигме семантического пространства, которое, в свою очередь, предполагает совокупность концептуального, денотативного и эмотивного пространств [Бабенко 2005]. Анализ семантического пространства, семантической организации текста остается наиболее надежным и материально верифицируемым способом изучения текста. Важно, что изучение семантической организации текста одновременно преследует цель облегчить изучение всех аспектов содержания текста как знаковой системы, включая его синтактику (комбинаторику, игру языковых знаков в сочетании друг с другом) и прагматику (авторский коммуникативно-прагматический посыл).

В качестве единицы, кванта содержания текста наиболее подходящим представляется понятие смысла. Понятие смысла многозначно: это и сигнификат (интенционал и импликационал, содержание) знака (последователи Г. Фреге); и вербализованная мысль, выраженная автором в соответствии с мотивом, прагматической целью в ходе речевой деятельности (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев и др.); и культурно-символическая ассоциация понятия (например, Э. Бенвенист); и неявленный компонент содержания (пресуппозиция, импликация, инференция); и мультиплицирование сигнификатов по ассоциации, возникающее в контексте в результате взаимодействия форм и значений слов («сигнифициенция», или «игра означающих», по Р. Барту) [Балашов 1984].

В целом понимание смысла складывается в некую систему в зависимости от ракурса его рассмотрения: исходя из восприятия читателя/слушателя (ракурс адресата), исходя из порождения автором (ракурс адресанта), исходя из текста как такового (ракурс текста). В ракурсе адресата смысл предстает как значимая целостность, возникающая из совокупности значений слов и контекстов их употребления. Разнородные текстовые части сопоставляются и при этом типизируются

как номинация, как денотат (референт, экстенционал), наконец, как смысл (сигнификат, интенционал). Если рассматривать процесс с противоположного ракурса, то есть с ракурса адресанта, то смысл является продуктом установок, мотивов и категориальных конструкторов индивида: эти психические феномены порождают смыслы, затем индивид вербализует их, раскрывает их сущность с помощью языковых знаков, после чего эти смыслы воспринимаются непосредственным реципиентом. Если рассматривать смысл в ракурсе текста, то смыслы здесь проявляются как закрепившиеся в коллективном сознании вербализованные единицы содержания, циркулирующие в интертекстуальной коммуникации, претерпевшие репликацию и селекцию, зафиксированные в речи и языке в качестве лингвокультурных единств форм и значений [Keller 1994; Croft 2000].

Мы рассматриваем смысл как совокупность трех содержательных аспектов знакового явления (в нашем случае — высказывания/текста): семантики, синтактики и прагматики. Анализ семантического пространства, семантической организации текста остается наиболее надежным и материально верифицируемым способом изучения текста. Важно, что изучение семантической организации текста одновременно преследует цель облегчить изучение всех аспектов содержания текста как знаковой системы, включая его синтактику (комбинаторику, игру языковых знаков в сочетании друг с другом) и прагматику (авторский коммуникативно-прагматический посыл).

В представлении о семантической организации текста имеется понимание важности макрокомпонентов содержания текста. Если на раннем этапе своего развития стилистика акцентировала преимущественно истолкование стилистического применения языковых и малых речевых единиц текста, то смещение интереса к стилистике текста обусловило важность изучения текстовых макрокомпонентов и макросмыслов, концентрацию на импликатурах и концептуальных структурах [См., напр.: Молчанова 1988]. При этом главенствующую позицию в упорядоченности макросемантических единиц занимает разработанное В. В. Виноградовым понятие образа автора, то есть авторская языковая картина мира, субъективная модель объективной реальности, отраженная в тексте.

Текст рассматривается как конструкция, созданная в ходе применения авторами своей особой системы кодифицирования, как языковое опредмечивание процесса коммуникации между адресантом и адресатом.

Осознание целостности смысла текста приводит к пониманию его концепции и заключенных в этом тексте концептов. В этой связи важным понятием при исследовании смысла текста является понятие «концепт».

Анализ происхождения термина «концепт» в научном дискурсе демонстрирует, что он был создан в рамках дискуссии об универсалиях. Концептуалисты во главе с Пьером Абеяром рассматривали универсалии как продукт познавательной деятельности человека, существующий помимо физических явлений и над ними. В настоящее время концепт рассматривается как единица когнитивной деятельности, обособляющая предмет или явление окружающего мира как дискретную единицу, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурным своеобразием. Концепт имеет трехстороннюю сущность, находясь во взаимосвязи с окружающим миром как объектом отражения, с сознанием как с местом своего хранения и с языком как со способом репрезентации.

Объем понятия «концепт» объединяет в себе разные виды ментальных феноменов, которые упорядочивают информацию в сознании человека [Стернин URL]. Понятия, представления, схемы, модели, образы, фреймы, сценарии, стереотипы, сцены, художественные картинки — все эти ментальные единицы включаются в понятие концепта.

К важным признакам концепта как идеализированной модели восприятия реальности относятся следующие:

- концепт — это потенциальный знак или знаковая структура человеческого опыта, отраженная в знаковых системах, прежде всего в слове, речи, дискурсе;
- концепт есть средство усвоения содержания и трансляции знаний, это главная единица культуры;
- оптимальной моделью концепта является сфера (*концептосфера*) и поля внутри нее (*тематические/концептуальные поля*), отсюда верно, что концепт обладает сферической и полевой структурой, он имеет ядро, ближнюю и дальнюю периферию; поля одного какого-либо

концепта пересекаются с полями других концептов [Попова 2001].

Концептуальный механизм основан на принципе ассоциативности, смысловое/концептуальное структурирование управляется ассоциативными механизмами и логическими сетями. Рождаясь в сознании индивида, смыслы взаимодействуют, кристаллизуются и порождают финальный продукт на стадиях концептуализации и категоризации — концепты и категории. Одновременно с оформлением в ходе ментальной деятельности концепты вербализуются, выходят в языковую сферу, реплицируются и варьируются в разнообразных интертекстах.

В сознании концепт часто возникает как представление или образ. С повышением количества фиксированных признаков представление переходит из чувственной сферы в мыслительную. При этом показателем концептуальной оформленности и стереотипности концепта во многом является единство языковых выражений, то есть номинации и вербализации, а номинированный и вербализованный концепт свидетельствует о выработке понятия. В основе концептов-представлений лежат (обобщенные) образы и картинки, нечеткие и способные меняться в ходе постижения автором внеязыковой реальности, а в основе концептов-понятий — осведомленность о мире в виде четких знаний.

Однако в культуре, в социуме в процессе научения происходит и наоборот: в том случае, когда представления о чем-либо нет, а образ чего-либо не воспринимается непосредственно, концепт создается в результате синтеза языковых выражений об этом предмете, а его образ воображается, представляется. Роль языка в формировании концептов очень велика, она определяется единством и большей или меньшей системностью знаний, которые выражает язык.

В ходе когнитивной деятельности вербализованный и наделенный именем концепт выполняет функцию обладателя и носителя смысла. Как упоминалось выше, концепт является инструментом прохождения мышления сквозь синкретическую природу представлений о реальности, дробя ее, делая дискретной и упорядоченной. В рамках культурно-исторического дискурса концепт содействует культурной передаче смыслов.

Благодаря интертекстуальному обмену субъективных знаний о реальности вербализованные смыслы транслируют концепты далее в соответствии с принципами когниции и коммуникации, принятыми в той или иной культуре.

Структура концепта выражается в его признаковой сфере, в образной сфере, включая когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании, в его ассоциативных и этимологических характеристиках [Воркачев 2001]. В концепте проявляется соединение различных форм культуры, показывающих комплексное восприятие мира.

В настоящее время в структуре концепта общепринято выделять следующие компоненты: *образную сторону*, которая ограничена характеристиками органов чувств и восприятия (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус); *понятийную, предметно-логическую сторону*, тесно связанную с языковым выражением концепта, его обозначением и другими концептами; *ценностную сторону*, которая показывает индивидуальную и коллективную важность, значимость концепта. Оценочная и, в конечном счете, ценностная сторона ментальной единицы является доминирующей в структуре концепта [Карасик 1996].

Выделяют следующие концептуальные сегменты:

- а) «буквальный смысл»,
- б) «внутренняя форма» или этимология концепта;
- в) «пассивный», «исторический» сегмент;
- г) новейший (актуальный) активный сегмент концепта;
- д) эволюционно-семиотический ряд как исторически сложившееся напластование смыслов;
- е) метапозиция — «парение» над словами и вещами;
- ж) сфера абстрактных определений — граница познания концепта «сверху»;
- з) сфера индивидуального опыта — граница познания концепта «снизу» [Степанов 2001].

Концепт обладает содержанием и смыслами. Содержание концепта в центре относительно стабильно и подобно содержанию понятия логически структурировано, на периферии же оно более динамично и разнообразно — оно во многом определяется закрепившимися интертекстуальными вербализациями этого концепта [Шелестюк 2003]. Смысл же концепта «включает в себя как содержание языковых реализаций, так

и ментальное содержание, не выраженное языковыми единицами» [Огнева 2013: 39].

Здесь мы считаем необходимым сделать ремарку. Признавая наличие невербализованных, имплицитных смыслов концепта, мы считаем, что при анализе объемного текста или корпуса текстов для изучения концептов необходимо и достаточно выявление вербализованных, эксплицитных содержательно-смысловых составляющих концепта. Иначе говоря, если мы имеем дело с объемным текстом или корпусом текстов, то наиболее важным, фундаментальным для интерпретации, понимания и осмысления их концептуального состава является контент-анализ, в нашем случае — сочетание SEO- и кластерного анализов, определяющее семантический вес (то есть семантическую доминантность/зависимость), частотность и семантико-синтаксические связи лексем.

Подчеркнем субъективность как возможный недостаток вторичной интерпретации при отвлечении от текста: чем дальше интерпретирующий ум отодвигается от непосредственно явленных в тексте лексем, тем более отвлеченной и арбитрарной может быть интерпретация. Особенно это касается тех случаев, когда речь идет не о целостном произведении, а о корпусе текстов, обладающих меньшей целостностью. Поэтому концептуальный анализ обязательно должен сопровождаться валидизацией результатов в виде использования точных статистических методов, таких как SEO-анализ, кластерный анализ, контент-анализ, факторный анализ и пр.

Мы согласны с Л. Г. Бабенко, что «содержание концепта формулируется в виде развернутой объемной дефиниции, включающей составляющие его смысловые компоненты: категориальные, интерпретационные, ассоциативно-образные, оценочные, прагматические, модальные» [Бабенко 2005: 40]. Все эти смысловые компоненты и описываются при интерпретации текста исходя из вербализаций и контекстов концепта, то есть их основных и сопутствующих имен, а также при кластеризации семантически связанных концептов.

Ментальные действия с когнитивными комплексами, каковыми являются концепты, происходят во время кодирования, вербального оформления и передачи прагматически обусловленных смыслов, а также во время декодирования,

интерпретации, понимания и интериоризации (осмысления) переданных смыслов [Шелестюк 2010]. Важным этапом рече-производства является вербализация. Вербализация смыслов позволяет «выводить на поверхность» мысли говорящего, полученные же таким образом тексты представляют собой материал для изучения актуализируемых смыслов и концептов. Изучение вербализации ментального основано на том, что язык в своей речевой ипостаси способен объективировать, обнаруживать механизмы исследования, обработки, категоризации действительности сознанием. Такого рода исследования позволяют изучать когнитивные и интуитивные условия актуализации и создания концепта.

Согласно Л. Г. Бабенко, главной единицей выражения концепта является абстрактное имя [Бабенко 2005]. Мы не разделяем такую точку зрения, полагая, что абстрактным, обобщенным и собирательным именем обязательно должна быть обозначена категория, а концепт может выражаться и абстрактным, и конкретным именем, в том случае если последнее наполнено культурным и символическим смыслом, ассоциативно насыщено, способно сообщать, помимо прямого значения, некие идеи. Итак, концепт, выраженный абстрактным или конкретным именем, — это единица содержания того или иного произведения, суть которой раскрывается в ходе концептуального анализа.

Повторим: изучение вербализованных в текстах смыслов и концептов начинается с семантического анализа текстов, выявления основных по весу, частотности и семантическим связям слов и анализа их контекстуальных смыслов. Одновременно анализируются комбинаторные и прагматические смыслы слов и самих текстов. Таким образом, исследование концептов, отраженных в тексте, происходит при помощи анализа составляющих этот текст знаков в совокупности их семантической, синтаксической и прагматической сторон.

Нельзя не отметить, что значение языкового знака и концепт как когнитивный комплекс первоначально — онтологически — не являются эквивалентными. Действительно, в современной трактовке значение слова, как и понятие, имеет содержание и объем, предметно-понятийный центр (интенционал) и семантико-ассоциативный комплекс

(импликационал) [ЛЭС 1990, Никитин 1988]. Однако есть и ряд отличий.

Значение слова, помимо понятийного и концептуального содержания, отражает всю системно-языковую информацию, которая может оказывать ощутимое влияние на содержание, образ и оценку концепта. Так, этимон (внутренняя форма), фоносемантические характеристики, коллокации, часть речи и грамматические категории имени концепта могут влиять на восприятие самого концепта (например, грамматический род может переноситься на соответствующий концепт [Boroditsky 2003]). Явления языковой континуальности и лакуарности, то есть сам факт наличия или отсутствия элементов лексико-семантических полей, обозначающих те или иные концепты, частей речи и грамматических категорий, может влиять на концептосферу той или иной культуры. Концептуальные метафоры (натуральные, антропоморфные), регулярно актуализируемые тем или иным языком, также неизбежно влияют на восприятие соответствующих концептов говорящими на этом языке. Интертекстуальные и прецедентные высказывания, бытующие в том или ином языке, также влияют на содержание, образ и оценку концепта. Нельзя не учитывать и упомянутый выше фактор сигнифициенции — порождения новых смыслов и ассоциаций в результате сочетания знаков, «игры означающих». Итак, влияние языковых факторов на значения языковых знаков, а через них — на концепты языкового сознания имеет место быть.

Однако следует признать, что роль предметно-логического содержания концепта как элемента картины мира (проекции реального мира в сознании человека) и его влияние на значение слова гораздо больше, чем обратное влияние. Предметно-логическое содержание обеспечивает понимание информации о мире и, собственно, формирование когнитивных и ментальных способностей индивида. В целом соотношение знака и языкового сознания детерминированы онтологически, и языковой знак в единстве своего означающего и означаемого выступает формой существования языкового сознания. Значения — это ментальные комплексы, встроенные в схемы знания и мнения, это общепризнанные концептуализации. Также они «составляют неотъемлемую часть новых знаков,

их можно трактовать как содержательную оболочку народного сознания, что является основанием утверждать диалектическое единство языка и знания» [Алефиренко 2006: 53, 54]. Концептуальная структура текста или корпуса текстов шире семантической за счет безграничного потенциала динамической гносеологизации понятия и концепта.

Концепт — когнитивная суть языка, а слово — единица, появляющаяся на вербально-семантическом уровне как отражение меры владения языком. Слово показывает концепт не полностью, но «является способом подхода к концептуальному знанию: посредством слова можно подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, им непосредственно не названные (существующие в значении как периферийные, скрытые, вероятностные, ассоциативные семы)» [Стернин 2002: 7–8].

Итак, концептуальная структура полностью не эквивалентна семантической структуре. Несмотря это, мы считаем целесообразным — хотя бы с утилитарной точки зрения, для удобства, объективности и валидности исследования — рассматривать эти структуры как условно эквивалентные. Кроме того, мы предполагаем, что значения слов имеют тенденцию онтологизироваться в соответствии с существенными содержательными признаками соответствующих понятий (концептов) и выравниваться в разных лингвокультурах в ходе непрерывного интертекстуального коммуникативного обмена и объективной гносеологизации.

Таким образом, оптимальным при анализе текстов, объединенных по общему временному, тематическому и прочим основаниям, является первоначальный семантический анализ. Наряду со значениями языковых знаков как системы в ходе этого анализа изучаются речевые номинации этими языковыми знаками, рассматривается соотношение языкового и речевого (контекстуального) значений слова. В контексте значение языкового знака обновляется и превращается в смысловой знак, нередко существенно меняя основное значение. Наконец, анализируются и прагматико-коммуникативные цели употребления тех или иных имен и высказываний.

4.2. Методологические подходы к концептуальному анализу корпуса текстов

Концептуальный смысл в художественном тексте отражен комплексом тем (лексем, вербализаторов концептов) и идей (пропозиций, топосов, общих тезисов). Пропозициональная структура текста создается в ходе отражения действительности и субъективного ментального представления о ней [Лотман 1996]. Концептуальный анализ художественного текста предполагает исследование его концептов с учетом семантической и пропозициональной структуры этого текста. При этом, на наш взгляд, в методике концептуального исследования важны объективность интерпретации, простота и четкий алгоритм.

Осознание сущности текста как сочетания концептов основано на одном из главных принципов когнитивной стилистики — на понимании текста как двуединого акта создания/перцепции. Иными словами, концепты, раскрытые в ходе перцепции, в основном — по крайней мере, в содержательной части — соответствуют концептам, которые автор замыслил и по мере возможностей отразил в произведении. Перцепция, смысловое восприятие текста, носит характер герменевтических кругов, в которых чередуются когнитивные методы анализа и синтеза, а также процессы интерпретации, понимания и осмысления на разных уровнях [Шелестюк 2010].

В своих текстах субъекты поэтического дискурса упорядочивают семантические единицы в соответствии со своей картиной мира — субъективной структурой объективной действительности. Со своей стороны, изучение семантической и концептуальной структуры текста способствует выявлению психологического состояния, интересов, ценностей, средоточия фокусов внимания авторов, а также самого общества. Иначе говоря, семантическое изучение корпуса текстов, отражающих определенные события и посвященных им, позволяют выявить концептуальную структуру и когнитивные особенности восприятия этих событий.

В настоящее время концептуальную структуру текста, когнитивные механизмы репрезентации информации в нем, акту-

ализацию текстовых смыслов, кодирование ключей к их интерпретации/пониманию, когнитивное обоснование стилистических приемов и выразительных средств языка рассматривают активно развивающиеся дисциплины концептологии и когнитивной стилистики. Несмотря на значительные теоретические наработки в области этих дисциплин отечественными и зарубежными учеными, автоматизированные методы анализа текста остаются в них невостребованными. На наш взгляд, непривлечение технологий, в том числе автоматизированных вариантов контент-анализа, к семантической обработке объемных текстов или корпусов текстов при исследовании актуализируемых в них концептов чревато субъективизмом, предвзятостью апперцепций и интерпретаций.

Автоматизированные методы (SEO, TextAnalyst, ЛЕКТА, Dedoose, ATLAS.ti, контент-анализ В. Шалака и пр.) обрабатывают значительные массивы текстов, выявляя их семантический центр и периферию, ранжируя лексику по частотности, семантическому весу и семантико-синтаксическим связям, производя кластеризацию и факторизацию данных, что, в свою очередь, позволяет верифицировать и объективно раскрывать соответствующие концепты. Кроме того, эти методы позволяют осуществлять извлечение информации, семантическую выборку в текстах, например, эмотивной, оценочной лексики, маркеров мнений [Брунова 2014], терминологических единиц, производить идентификацию текстов, связанных с некой тематикой (например, исламской) [Фаткулин 2013; 2016] и т. д.

Предваряющий или сопровождающий перцепцию автоматизированный лингвистический анализ организации текста (контент-анализ, SEO, программы кластеризации и факторизации) должен являться важным подспорьем в объективном научно-исследовательском концептуальном анализе, уточняющем восприятие этого текста и в основном устраняющем из него субъективизм.

Первый этап автоматизированного текстового анализа включает два подэтапа: SEO-анализ помогает ранжировать семантические единицы на зоны центра, ближней и дальней периферии семантического пространства / концептосферы, а кластерный анализ выявляет фреймы и тематические поля, то есть «повторение в тексте некоторых тем или употребление неких характерных формальных элементов, которые выносятся на осознаваемый уровень и определенным образом

интерпретируются исследователем» [Паршин URL]. В сопровождении кластеризации и факторизации данных SEO — это наиболее эффективный метод на первом этапе изучения концептуального состава текстов, особенно корпусов текстов большого объема.

Важнейшим в методике концептуального анализа текста остается второй этап — контекстуальный лингвистический анализ лексем, семантических нуклеусов, а также анализ образно-риторических структур, способствующий определению стилистически обусловленных приемов, раскрывающих индивидуально-авторские особенности применения равноуровневых элементов в художественной речи [Огнева 2013: 51–52]. В сочетании со знанием принципов литературоведения, лингвогерменевтики и когнитивной лингвистики контекстуальный анализ дает возможность осознать авторский замысел и адекватно его интерпретировать.

Переходя к этапу контекстуального анализа и интерпретации концептов, необходимо учитывать и принципы ментального отражения реальности, в том числе касающиеся непосредственно художественного текста:

- коммуникативный характер текстовой деятельности и ее организация;
- идеологическая и познавательная сущность художественной действительности;
- уникальность художественного слова — язык художественных текстов является максимальным выражением национального языка, воплощающим в себе все результаты его творческих возможностей;
- высокий уровень антропоцентризма художественного текста, показывающий осведомленность автора о реальности, оформленный в его тексте в виде индивидуальной картины мира [Бабенко 2005]¹.

¹Разумеется, в идеале, кроме указанных принципов, следует принимать во внимание и важнейшие наработки в области когнитивной лингвистики: концепции гештальтов (М. Вертхаймер), фигур и фона (в том числе Ч. Филмор), доменов (Р. Лангакер), образов-схем (М. Джонсон и Дж. Лакофф), траекторий и ориентиров/вех в вербальной репрезентации реальности, объективного/субъективного конструирования реальности (Р. Лангакер), систем координат (reference frame) и моделей концептуального структурирования (construal

Важен учет экстралингвистического контекста создания произведений, знание так называемой «когнитивной базы» — «определенным образом структурированной совокупности обязательных знаний, национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного сообщества, чей национально-культурный менталитет оказывает влияние на формирование и существование концептов» [Красных 2001: 64]. Знание когнитивной базы также способствует адекватному воссозданию концептов-представлений речевого произведения.

В ходе когнитивно-сопоставительного изучения текстов обращается внимание и на когнитивный стиль, который обозначает вид представления и отражения данных, уникальность их локализации и структуризации в тексте/дискурсе. Вид подачи информации сочетается с особенным выбором когнитивных операций в ходе трактовки тех или иных объектов, событий, явлений реальности и оформления текста. В целом мы полагаем, что обобщенный когнитивный стиль нации как повторяющиеся специфические черты отражения действительности — важная характеристика, к которой можно прийти на основе нескольких подобных исследований.

4.3. Концептосфера и семантическое пространство. Концептуальные и семантические поля

Как структурный элемент концептуальной системы концепт выражается комплексом семантических структур различного уровня сложности и абстрактности, формирует свои области в семантической системе языка с помощью семантических матриц, формирующих пространства его интерпретационного

structuring systems), включая конфигурационную, аттенциональную, перспективную, динамической силы (Л. Талми). Зарубежные когнитивные теории, релевантные в том числе для концептуального анализа художественного текста, неплохо сведены воедино V. Evans, M. Green [Evans 2006]. Важно также учитывать семиотические принципы и законы текстового пространства (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, Н. С. Валгина), перспективы (Н. Д. Марова) и т. д.

поля [Карасик 2013]. Взаимосвязь концептуальной и лексической структур многоаспектна, и высказанная часть концепта может выражаться как в художественном тексте, так и в художественном дискурсе в виде объединения художественных концептов [Огнева 2013: 46–47].

Выше отмечалась условная эквивалентность семантической и концептуальной структуры текста. По своей сути семантическая структура, или семантический состав, текста / корпуса текстов — это совокупность значимых языковых единиц, выстраивающих некую структуру на основании частотности, семантико-синтаксических связей и семантического веса. Концептуальная структура (состав) текста / корпуса текстов — это вербально выраженные концепты в текстах, так же как и в предыдущем случае, выстраивающие структуру, иерархию.

Оптимальной для описания семантической и концептуальной структуры текстов является модель *сферы*, то есть концептосфера, которая структурируется в виде концентрических зон вокруг ядра. Предваряя дальнейшее рассуждение, заметим, что мы рассматриваем это понятие в узком смысле.

В целом концептосфере можно трактовать в широком и узком смысле. В самом широком понимании, оно связано с познавательной возможностью, набором умений и мастерства, культурными навыками этноса и его представителей [Лихачев 1997]. Концептосфера образуется образами мира в сознании человека, то есть образами объектов и ситуаций действительности. Исследование организации концептосферы национального языка в целом и отдельных элементов языковой картины мира направлено на поиск парадигмы концептов базового уровня, категоризирующих и концептуализирующих мир. Та часть концептосферы, которая выражена языком, формирует семантическое пространство языка. Семантическое пространство языка — область концептосферы, отраженная в языковых знаках. «Концепт задает основные параметры семантической программы, которую он реализует. Эта программа может модифицироваться при развитии концепта и «сворачиваться» при его разрушении или отмирании (угасающие концепты), переводя его в план семантической памяти слова» [Огнева 2013: 55]. Концептосфера способствует четкой организации концептуального динамического

пространства национального языка как комплекса осведомленности о реальности.

Узкое понимание концептосферы означает, что мы говорим не о языке или дискурсе в целом, а о тексте или корпусе текстов. Концептосфера такого сложного, но единого вербально-семиотического объекта, как текст / корпус текстов, будет ограничена рамками материально выраженной словесной ткани. При этом в концептосфере художественного текста отражается образ автора (в корпусе текстов — образы авторов), это главная стилевая характеристика произведения, «которая мыслится в его художественно-речевом выражении, в отборе и осуществлении в тексте соответствующих лексических и синтаксических единиц, в общем композиционном воплощении» [Воробьева 1991].

Итак, структуру концептосферы можно моделировать в виде концентрических зон вокруг ядра. В отношении этой модели у ученых есть единство, хотя существует определенная разница в терминологии: «центр», «ближняя периферия», «дальняя периферия» концепта (З. Д. Попова, И. А. Стернин), «ядерная и периферийная зоны концепта» (Н. Ф. Алефиренко). При анализе нашего материала мы воспользуемся моделью и терминологией З. Д. Поповой, И. А. Стернина, но отнесем ее не к концепту Второй мировой войны, а к широкому объединению концептов — концептосфере Второй мировой войны, отраженной в русскоязычной и англоязычной поэзии.

Иерархическая структура концептосферы и семантического пространства текста такова. Центр структуры составляют макронуклеусы — главные концепты, понятия базового уровня и фреймы; они же лексемы наиболее частотные, имеющие в тексте / корпусе текстов максимальный семантический вес и наибольшее число семантико-синтаксических связей. Круг ближней периферии составляют нуклеусы — важные понятия, свойства и отношения, сопутствующие главным концептам; они же лексемы, сопутствующие главным значимым словам. Круг дальней периферии составляют «микронуклеусы», выражающие понятия, свойства и отношения, уточняющие единицы предыдущих кругов, и соответствующие лексемы.

Концептосфера текста / корпуса текстов формирует-ся в виде сочетания когнитивных единиц разных типов:

абстрактных (обобщенных, собирательных) понятий, концептов, интеллективных, эмотивных, оценочных (ценностных) понятий, духовных (анагогических) символов; конкретных понятий, когнитивных элементов базового уровня (прототипов), символических деталей, архетипических символов. Эти единицы можно обнаружить в любой из частей концептосферы — ядре, ближней и дальней периферии. Семантическое пространство текста / корпуса текстов строится в виде лексем, обозначающих соответствующие когнитивные единицы. В разделе 4.5 приводится более полная типология когнитивных и семантических единиц по степени абстрактности/конкретности — наряду с типологией по способу репрезентации информации.

Важной представляется не только сферическая, но и полевая модель сложного вербально-семиотического объекта. Концептуальная и семантическая структуры, обладающие ядерными и периферийными зонами, одновременно выражены в виде набора концептуальных/тематических полей — совокупности лексем и соответствующих понятий, системообразующим признаком которых является «определенный референциальный признак, получающий языковое воплощение в семантике слова, которое выступает как основное имя концепта» [Долгова 2006]. Иными словами, состав каждого конкретного концептуального поля, актуализируемого в тексте, определяется *референциально* и *тематически*, то есть ситуационным (фреймовым) и тематическим единством соответствующих концептуальных единиц, группирующихся вокруг основного концепта в той или иной тематике.

В тексте концептуальные поля опредмечиваются, и полученное языковое опредмечивание порождает различные вербально-тематические и вербально-семантические поля — комплексы языковых элементов, консолидированных схожестью содержания и показывающих понятийное подобие выражаемых феноменов. Вербально-семантическое поле составляют единицы гипо-гиперонимического типа, являющиеся одной частью речи, вербально-тематическое же поле составляют разные части речи, притом что и то и другое характеризуется тематическим единством (см. работы И. Трира, В. Порцига, А. Я. Шайкевича, Ю. Д. Апресяна, Г. С. Щур и др.). Кон-

цептуальное поле создается единством задаваемых концептом значений определенных языковых знаков в тексте. Также его можно рассматривать как крупное мыслительное формирование, в состав которого входят более малые виды когнитивных структур, формы ментальных выражений. Концептуальное поле и воплощающие его вербально-семантическое и вербально-тематическое поля сходны фреймовой структурой с мегафреймом и рядом вложенных субфреймов.

Как упоминалось выше, для определения структуры концептосферы и концептуальных полей в настоящее время есть достаточно точные автоматизированные типы анализа. Прежде всего современные автоматизированные программы семантического анализа текста, например SEO-анализ (см. Istio, Advego и пр.), могут быть полезными для выявления семантического пространства и концептосферы текста, они описывают семантический состав текста (корпуса текстов) в центре, на ближней и дальней периферии. Одновременно семантический анализ указывает и на отраженную в текстах концептуальную структуру. Далее задействуется кластеризация текста (например, программа автоматического анализа текста TextAnalyst), сводящая семантически сходные слова к определенному числу тем и показывающая тематические и фреймовые смысловые связи между лексемами внутри семантических полей. Кластерный анализ группирует семантические нуклеусы в иерархические структуры [См. в том числе: Шайкевич 1982; Гегер 2015, Брунова 2014]. Одновременно кластерный анализ показывает иерархические структуры концептуальных полей. Основными критериями обоих типов анализа являются частотность, семантический вес слов (то есть их семантическая доминантность/зависимость) и количество семантико-синтаксических связей вокруг того или иного слова (нуклеуса).

«TextAnalyst автоматически проводит реферирование текста и выделяет ключевые слова, выстраивая при этом семантическую сеть и формируя смысловой портрет материала. На выходе получается древовидная структура с ключевыми словами, которые проранжированы с учетом семантического веса слова и частоты встречаемости» [Гегер 2015]. Поскольку кластеризация производится на тематической основе, а также на основе симультанной встречаемости лексем в том или ином

произведении, с нашей точки зрения, можно сказать, что фактически TextAnalyst демонстрирует основные концептуальные (лексико-тематические) поля и фреймы корпуса текстов. Напомним, что концептуальное поле — это совокупность лексем и соответствующих понятий, системообразующим признаком которых является «определенный референциальный признак, получающий языковое воплощение в семантике слова, которое выступает как основное имя концепта» [Долгова 2006], фрейм — обобщенная структура данных представления (стереотипных) ситуаций, модель для измерения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей [Карасик 2002].

Итак, если SEO-анализ позволяет четко определить зоны семантического пространства и концептосферы корпуса текстов — лексемы (нуклеусы) ее ядра, ближней и дальней периферии по критериям семантического веса, семантико-синтаксических связей между лексемами и частотности, то кластерный анализ выстраивает иерархии, описывает концептуальные (лексико-тематические) поля и фреймы.

Анализ содержания художественного концепта производится в процессе поиска как можно большего числа контекстов, в которых задействуется соответствующая лексема (лексемы), что способствует выявлению максимального количества его семантических особенностей. Таким образом, производится анализ методов *вербализации* художественного концепта. При этом концепт может быть отражен в художественном тексте без специального словесного обозначения, но через сопутствующие вербализаторы, импликации из контекстов, композиционно-стилистические особенности и т. д. Вместе с тем, как указывалось выше, для анализа концептуальной структуры объемного корпуса произведений, объединенных по тому или иному основанию, как нам представляется, необходимо и достаточно проанализировать контексты употребления основных имен семантических нуклеусов согласно их семантическому весу в текстах, частотности употребления и количеству семантико-синтаксических связей, которые выявляются с помощью SEO- и кластерного анализа.

Следует отметить, что лексическая организация значительного по объему и разнообразному корпусу текстов, объеди-

ненных по тому или иному основанию, частично вербализует национальную концептосферу, имеющую системную сущность, поскольку операции систематизации и категоризации внеязыковой реальности, являясь когнитивными, одновременно лингвокультурно обусловлены. Поэтому выводы относительно концептуальной структуры корпуса текстов можно экстраполировать на национальную картину мира, точнее ее фрагмент, касающийся конкретного периода, события или видения той или иной проблемы, отраженных в этом корпусе текстов.

4.4. Особенности художественного концепта

Когнитивно-сопоставительный анализ способствует выявлению и изучению сходства и различий художественных концептов как универсального когнитивного элемента чувственного восприятия мира в его культурно-этнической уникальности и выделить его значимость в концептосфере художественного текста.

«Художественный концепт — это компонент концептосферы художественного текста автора, включающий те ментальные признаки и явления, которые отражены в сознании народа и являются когнитивно-прагматически значимыми в рамках заданной автором сюжетной линии произведения» [Огнева 2013: 54]. Это многомерное мыслительное формирование относится как к субъективно-авторскому сознанию, так и к коллективному сознанию, то есть психоментальной матрице конкретного национального коллектива. Практика художественного творчества с образцами и моделями формирования концептов, в том числе вымышленных, фантазийных, хранится в культурной памяти и обеспечивает исходный материал для новых художественных смыслов и концептов.

Рассмотрим отличие понятий художественного слова — лексического значения слова, расширяющееся в художественном контексте, и художественного концепта.

Художественное слово по природе и объему транслируемых данных существенно отличается от своего словарного

прообраза. Его соотносят с художественным образом, свойствами которого является обобщенность и образность лексического выражения, или с символической деталью, выражающей и подкрепляющей иной, более широкий концепт. Также выше говорилось о сигнифициции, «игре означающих», появлении ассоциативных смыслов слов, порожденных сочетанием языковых знаков. Можно сказать, что сигнифициция наряду с обобщенностью и образностью — еще одно важное свойство художественного слова, обеспечивающее его функцию орнаментальности.

Художественное слово само по себе не является концептом, оно не выходит за рамки собственного значения, хотя это значение может обобщаться и обрастать ассоциациями. Если семантический и кластерный виды анализа показывают, что слово и обозначаемое им понятие, отраженное в художественном тексте, имеют невысокий семантический вес, частотность и количество семантико-синтаксических связей, то с большой долей вероятности это понятие само по себе не концептуализировано в этом тексте, хотя, несомненно, так или иначе вписано в качестве вербализатора в структуру актуализируемых концептов.

Обратимся к понятию художественного концепта. В большинстве случаев в художественном тексте имеет место целенаправленная концептуализация — расширение и углубление значения слов, приращение к ним смыслов за счет организации контекстов, выстраивание иерархии смысловых импликатур, которые позволяют адресату создать понятие о некоем явлении или пополнить уже имеющееся понятие новой информацией [Болдырев 2001; Молчанова 1988; Стернин 2005]. В этом случае можно говорить о художественном концепте и, возможно, сложном художественном символе.

В художественном концепте так же, как и в художественном образе, проявляется диалогическая организация отношений индивида, культуры и природы, он может быть более отвлечен по отношению к своему материальному носителю. По значению термин «художественный концепт» во многом близок термину «художественный символ», означающему сложный многосмысленный знак, который предполагает использование своего первичного содержания в качестве формы

другого, более абстрактного и общего содержания, в результате чего вторичное значение объединяется с первичным под общим означающим [Шелестюк 1997]. Однако если в понятии символа экстенсионалом, то есть сущностью, предметом выступает материальная форма, а абстрактное содержание входит в признаковую область — интенционал, то в понятии концепта имеет место обратное: экстенсионалом выступает абстрактное и обобщенное содержание, а интенционалом — множество соответствующих ему языковых форм, включая основное имя.

Выше говорилось, что концепт может быть выражен в художественном тексте без специального словесного обозначения, но через контекстуальные построения, указывающие на его сущность. Взаимодействие разнообразных контекстов, как лингвистических, так и экстралингвистических, может порождать имплицатуры, не имеющие прямого вербального выражения. Далее, художественные концепты могут не оформиться как целостность, но существовать как набор возможностей. Вместе с тем очевидно, что в большинстве художественных текстов все же содержатся и имена основных концептов, и лексемы соответствующих концептуальных (семантических) полей. Для упрощения задачи анализа и интерпретации большого корпуса текстов мы будем анализировать прежде всего эти имена и лексемы.

Формирование и обработка концептов — двухсторонний акт коммуникации. Осознание адресатом художественных концептов, смоделированных автором, представляет собой способ их нового формирования. Перцепция и трансляция художественных концептов переводчиком также создает новый художественный концепт, хотя и эквивалентный оригинальному.

Анализ языковых принципов выражения художественного концепта указывает и раскрывает его характер. В процессе поиска значений языковых единиц, описывающих художественный концепт, определяются характеристики, значимые при типизации когнитивных структур, в контексте которых действуют концепты.

4.5. Классификация концептов

Существуют различные подходы к классификации концептов:

- по уровню абстракции — конкретные и абстрактные: конкретные концепты — базовые понятия, представляющие понятия предметной сферы (натуральные рода, артефакты, конкретные действия и процессы, свойства и признаки); абстрактные/обобщенные/собираТЕЛЬНЫЕ концепты — отвлеченные категоризирующие понятия или обобщенные когнитивно-семиотические модели¹;
- по способу представления знаний, сложности и четкости структуры: мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии, калейдоскопические и логически-конструируемые концепты, равные понятиям в их обычном понимании [Бабушкин 1996: 43—67], также представление, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт [Бабушкин 2018], также фрейм, сценарий, сцена, когнитивная карта, концепт-схема, схема, пропозиция, гештальт, картинка, прототип и пр. [Карасик 2002; Огнева 2013];
- по языковым способам репрезентации: лексические (включая конкретные лексико-семантические и лексико-тематические поля, концептуальные метафоры и метонимии) и композиционно-стилистические;
- по типу организации: одноуровневые, многоуровневые, сегментные;
- по типу носителей: общенациональные, групповые, индивидуальные;
- по потенциалу транслируемости;
- по образу функционирования в речи: угасающие, появляющиеся [Карасик 2003].

Список типов концептов можно продолжать и далее, поскольку способы организации выражения знаний весьма многолики. Наш анализ семантического пространства стихотворных произведений поэтов-очевидцев о Второй мировой войне на основе SEO-анализа и кластерного анализа одновременно предполагает описание соответствующей концептосферы. В нашем исследовании релевантными оказываются типологии когнитивных единиц по степени абстракт-

¹ И конкретные, и абстрактные концепты могут иметь символическую составляющую, трансцендировать мировоззренческие смыслы.

ности/конкретности и по способу представления знаний [фреймы (сцены, картинки), концептуальные поля]. Рассмотрим эти типологии, иллюстрируя их отдельными примерами из нашего материала.

I. Типология когнитивных единиц по степени абстрактности/конкретности:

1. Абстрактные, обобщенные, собирательные понятия/концепты и категории, в том числе:
 - 1.1) интеллективные понятия/концепты: *война, ожидание, возвращение, смерть, war, death, life, point, sense* и пр.;
 - 1.2) эмотивные понятия и оценочные (ценностные) понятия: *беда, боль, грусть, любовь, усталый, добрый, злой, жалеть, love, feel, great, fear, hate, wrong* и пр.;
 - 1.3) этические и эстетические понятия/концепты: *душа, ожить, быль, вина, слава, совесть, долг, dignity, pride, harm, courage, goodness* и пр.;
 - 1.4) анагогические (духовные), мифологические, религиозные и культурно-исторические концепты-символы: *Родина, пречистая мать-земля, крест, архистратиг, молебен, Ирод, saint, Camelot, Lazarus, Noah, thirteenth commandment, per ardua, per aspera* и пр.;
 - 1.5) абстрактные термины и понятия философского, социального плана: *свидетельство, свобода, привычность, мечта, chance, insight, pattern, vision, transitoriness* и т. д.
2. Конкретные понятия/концепты, в том числе:
 - 2.1) понятия базового уровня, включая имена природных объектов, артефактов, лиц, их признаки и свойства, конкретные действия, состояния и процессы: *снег, бой, огонь, боец, gun, lie, year, sun, dead* и пр.;
 - 2.2) архетипические символы: *земля, сад, солдат, дом, мать, ночь, ребенок, двор, конь, крыльцо (порог), boy, face, sky, wind, bird* и пр.;
 - 2.3) конкретные понятия — символические детали: *шинель, бинт, эшелон, пехота, землянка, hands, eyes, trains, trucks, arms* и пр.;
 - 2.4) конкретно-понятийные реалии (культурные объекты, топонимы и персоналии): *Рейхстаг, Смоленщина, целина, тельняшка, салон, Варшава, Моравия, Сербия, Василий Теркин, Spandau, bucket-helmets, El Alamein, Passchendaele, Donald Armstrong, Chamberlain*.

II. Типология когнитивных единиц по способу представления знаний:

3. Концептуальные поля: *реалии фронта, реалии тыла, arms & military machinery, nature* и пр.
4. Фреймы (сцены, картинки): *death, trains, ships, trucks, friends; face, pilot, remember, rot, wife* и пр.

Указанные единицы можно обнаружить в любой из зон концептосферы — ядре, ближней и дальней периферии; их место, как упоминалось в пункте 3, в этих зонах рассчитывается исходя из частотности, семантического веса и семантико-синтаксических связей лексических единиц (вербализаторов), определенных с помощью SEO-анализа; затем для конкретизации фреймов и концептуальных (тематических) полей используется кластерный анализ (в том числе TextAnalyst).

Если говорить о корпусе национальных текстов, объединенных по некоторому существенному основанию (например, по времени написания или тематике), как самостоятельной семантической организации, воплощающей концептосферу, то следует отметить, что наиболее репрезентативными в отношении национальных концептов являются сходные, перекликающиеся контексты, актуализирующие определенные семы в сигнификате вербализующих эти концепты лексем. Они свидетельствуют о единстве того или иного представления или понятия в сознании большой общности людей. При этом в концептах нации как одной из крупнейших человеческих сообществ обнаруживаются как общенациональные смыслы, так и смыслы различных сфер общественного сознания: социальные, философские (метафизические), этические, религиозные, психологические и пр. Интересны и своеобразные, необычные смыслы, выбивающиеся из общей картины мира, свидетельствующие об индивидуально-авторских концептуальных смыслах.

4.6. Концептосферы русскоязычной и англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне

Совокупность поэтических произведений была обработана с помощью сервиса для семантического анализа текстов Istio¹, а также с помощью программы автоматизи-

¹ URL: <https://istio.com/rus/text/analyz/#> (28.07.2020).

ческого текстового анализа с элементами кластеризации TextAnalyst¹. Была определена семантическая структура поэтических текстов о войне: зоны семантического центра, ближней и дальней периферии. Показатели 41–20 для русскоязычной и 48–20 для англоязычной поэзии условно отграничивают семантический центр; показатели 19–6 отграничивают ближнюю периферию; наконец, показатели 5–2 отграничивают дальнюю периферию семантической структуры. Изучалась только полнозначная (значимая) лексика корпуса текстов, имеющая содержательные значения. Широкозначная, модальная, дейктическая, прономинальная лексика («стоп-слова»), обобщенные и неопределенные наречия, двусловные и многословные словосочетания, часто появляющиеся на периферии семантического состава военной поэзии в связи с поэтическими повторами, не учитывались, формальные показатели оценки качества текста также не представляли для нас особого интереса.

Значимые слова исходя из числовых показателей были отнесены к зоне центра, ближней или дальней периферии семантической структуры и разделены соответственно на семантические макронуклеусы, нуклеусы, микро-нуклеусы. Полученную структуру мы перенесли на концептуальную структуру: семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам; семантические нуклеусы — концептам ближней периферии (сопутствующим центральным); семантические микро-нуклеусы — концептам дальней периферии (сопутствующим концептам ближней периферии).

На основе полученных данных были выделены семантические нуклеусы (смысловые центры) в ядре концептосферы, в дальней и ближней периферии. Объем данной работы не позволяет нам привести полные SEO-развертки корпусов советской и англоязычной военной поэзии, ниже в таблицах мы продемонстрируем лишь их начало.

¹ URL: <https://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta> (28.07.2020).

Таблица 1

SEO-развертка корпуса советской поэзии
о Великой Отечественной войне*

Table 1

First Page of SEO-scan of the body
of the Soviet Great Patriotic War poetry**

	Слово	кол-во	вес		Слово	кол-во	вес
1.	Все	8	0.12	38.	пойти	8	0.12
2.	Война	8	0.12	39.	послать	8	0.12
3.	Ждать	8	0.12	40.	сердце	8	0.12
4.	Знать	8	0.12	41.	спать	8	0.12
5.	Земля	7	0.11	42.	женщина	7	0.11
6.	Вернуться	7	0.11	43.	живой	7	0.11
7.	Смерть	7	0.11	44.	кровь	7	0.11
8.	Солдат	7	0.11	45.	пуля	7	0.11
9.	Снег	7	0.11	46.	сила	7	0.11
10.	Бой	7	0.11	47.	сон	7	0.11
11.	Вперед	7	0.11	48.	сын	7	0.11
12.	Огонь	7	0.11	49.	товарищ	7	0.11
13.	Остаться		0.21		мой		0.21
14.	Один	7	0.11	50.	час	7	0.11
15.	Слеза	6	0.09	51.	боль	6	0.09
16.	Шинель	6	0.09	52.	ветер	6	0.09
17.	Боец	6	0.09	53.	долгий	6	0.09
18.	Дом	6	0.09	54.	дым	6	0.09
19.	Мать	6	0.09	55.	жена	6	0.09
20.	Ночь	6	0.09	56.	мертвый	6	0.09
21.	лежать	6	0.09	57.	петь	6	0.09
22.	ребенок	6	0.09	58.	плакать	6	0.09
23.	товарищ	6	0.09	59.	победа	6	0.09
24.	конец	6	0.09	60.	пожар	6	0.09
25.	беда	6	0.09	61.	пора	6	0.09
26.	брат	6	0.09	62.	последний	6	0.09
27.	вдруг	6	0.09	63.	прийти	6	0.09
28.	зима	6	0.09	64.	путь	6	0.09
29.	помнить	6	0.09	65.	русская	6	0.09
30.	речь	6	0.09	66.	рядом	6	0.09
31.	родной	6	0.09	67.	тишина	6	0.09
32.	враг	6	0.09	68.	убить	6	0.09
33.	всегда	6	0.09	69.	хата	6	0.09
34.	глядеть	5	0.08	70.	бинт	5	0.08
35.	деревня	5	0.08	71.	весна	5	0.08
36.	забыть	5	0.08	72.	вечный	5	0.08
37.	окно	5	0.08	73.	вода	5	0.08

Окончание табл. 1

End of Table 1

	Слово	кол-во	вес
74.	голос	5	0.08
75.	гореть	5	0.08
76.	грудь	5	0.08
77.	грусть	5	0.08
78.	давать	5	0.08
79.	двадцать	5	0.08
80.	двор	5	0.08
81.	детство	5	0.08
82.	дождь	5	0.08
83.	душа	5	0.08
84.	имя	5	0.08
85.	казаться	5	0.08
86.	мальчик	5	0.08
87.	мальчишка	5	0.08
88.	ожить	5	0.08
89.	окоп	5	0.08
90.	отец	5	0.08
91.	родина	5	0.08
92.	русский	5	0.08
93.	сад	5	0.08
94.	след	5	0.08
95.	слышать	5	0.08
96.	сырой	5	0.08
97.	тащить	5	0.08
98.	теплый	5	0.08
99.	тихий	5	0.08
100.	три	5	0.08
101.	черный	5	0.08
102.	шаг	5	0.08
103.	атака	4	0.06
104.	бежать	4	0.06
105.	белый	4	0.06
106.	брат	4	0.06
107.	быль	4	0.06
108.	вина	4	0.06
109.	вставать	4	0.06
110.	гул	4	0.06

Примечание

*Выделены ключевые полнзначные слова, указаны частотность и семантический вес слов.

**Highlighted are meaningful key words, frequency and semantic weight of the words are specified.

Таблица 2

SEO-развертка корпуса англоязычной поэзии
о Второй мировой войне*

Table 2

First Page of SEO-scan of the body
of the British and American World War II poetry**

Слово	кол-во	вес	Слово	кол-во	вес
1. Man	55	2.02	37. Mind	11	0.4
2. war	48	1.76	38. Blood	11	0.4
3. hand	33	1.21	39. Heart	10	0.36
4. eye	27	0.99	40. Boy	10	0.36
5. death	23	0.84	41. Sense	10	0.36
6. face	21	0.77	42. Great	10	0.36
7. life	21	0.77	43. arm	10	0.36
8. Air	21	0.77	44. hear	10	0.36
9. always	19	0.69	45. bird	10	0.36
10. Point	18	0.66	46. grave	10	0.36
11. Still	17	0.62	47. sea	10	0.36
12. Hill	17	0.62	48. fear	10	0.36
13. Head	17	0.62	49. hour	10	0.36
14. Love	17	0.62	50. soldier	9	0.33
15. Die	17	0.62	51. throw	9	0.33
16. Sky	16	0.58	52. reason	9	0.33
17. enemy	15	0.55	53. foot	9	0.33
18. Learn	15	0.55	54. tree	8	0.29
19. Word	15	0.55	55. peace	8	0.29
20. course	14	0.51	56. fall	8	0.29
21. End	14	0.51	57. psychiatry	8	0.29
22. Own	14	0.51	58. dignity	8	0.29
23. Dark	13	0.47	59. feel	8	0.29
24. morning	13	0.47	60. hate	8	0.29
25. Night	12	0.44	61. sleep	8	0.29
26. Lead	12	0.44	62. people	8	0.29
27. Gun	12	0.44	63. seem	8	0.29
28. Lie	12	0.44	64. cold	8	0.29
29. Year	12	0.44	65. tell	8	0.29
30. Sun	12	0.44	66. same	8	0.29
31. Stand	11	0.4	67. bone	7	0.25
32. Deep	11	0.4	68. move	7	0.25
33. Dead	11	0.4	69. leave	7	0.25
34. Wind	11	0.4	70. wait	7	0.25
35. God	11	0.4	71. ghost	7	0.25
36. Child	11	0.4	72. friend	7	0.25
			73. past	7	0.25
			74. forget	7	0.25

Окончание табл. 2
End of Table 2

	Слово	кол-во	вес
75.	wrong	7	0.25
76.	bloody	7	0.25
77.	light	7	0.25
78.	rain	7	0.25
79.	call	6	0.22
80.	speak	6	0.22
81.	help	6	0.22
82.	stranger	6	0.22
83.	fight	6	0.22
84.	play	6	0.22
85.	moon	6	0.22
86.	kill	6	0.22
87.	train	6	0.22
88.	fell	6	0.22
89.	john	6	0.22
90.	trouble	6	0.22
91.	run	6	0.22
92.	tear	6	0.22
93.	keep	6	0.22
94.	ship	6	0.22
95.	wall	6	0.22
96.	walk	6	0.22
97.	black	6	0.22
98.	march	6	0.22
99.	white	6	0.22
100.	body	6	0.22
101.	place	6	0.22
102.	harm	5	0.18
103.	courage	5	0.18
104.	loud	5	0.18
105.	city	5	0.18
106.	truck	5	0.18
107.	water	5	0.18
108.	sight	5	0.18
109.	wound	5	0.18
110.	calendar	5	0.18

Примечание

* Выделены ключевые полнзначные слова, указаны частотность и семантический вес слов.

** Highlighted are meaningful key words, frequency and semantic weight of the words are specified.

Характеристики корпуса, по данным SEO-анализа:

- Количество слов — 11 253.
- Количество уникальных слов — 2738.

Мы учли разделение лексики на абстрактно-понятийную и конкретно-понятийную. Первая содержит слова, обозначающие абстрактные, обобщенные, собирательные и другие, включая духовно-нравственные понятия, понятия, обозначающие чувства, моральные, личностные качества и абстрактные (анагогические) символы, вторая — слова, обозначающие конкретные понятия, предметы, явления, людей, архетипические символы.

Подсчет конкретных и абстрактных понятий показал значительное преобладание конкретной (образной, эмпирически осязаемой) лексики в англоязычной поэзии по отношению к абстрактной, к которой мы также отнесли имена культурных реалий и символов: 67 % против 33 %. В советской поэзии, напротив, наблюдается некоторое преобладание абстрактной лексики по отношению к конкретной: 47 % конкретной лексики против 53 % абстрактной. Мы объясняем это в том числе когнитивным стилем англоязычной словесности, характеризующимся аналитизмом, логической индукцией и эмпиризмом, в отличие от русского когнитивного стиля, которому в большей степени свойственны синтетизм, дедукция и рационализм. Кроме того, очевидно преобладание эмоционально-оценочной лексики в ядре и ближней периферии концептосферы англоязычной военной поэзии, что может свидетельствовать о большем ее антропоцентризме и субъективно-личностном начале по сравнению с советской. С другой стороны, в советской поэзии, более сдержанной и имплицитной в эмоционально-оценочном плане, в большей степени выражены духовные концепты и символы, свидетельствующие об одухотворенности, мощном коллективном начале и самоотверженности в борьбе с геноцидным захватчиком.

В табл. 3 представлены количественные и качественные показатели состава лексики в различных зонах семантической/концептуальной структуры советской и англоязычной военной поэзии.

Таблица 3

**Распределение лексики в центре,
ближней и дальней периферии
семантической/концептуальной структуры
советской и англоязычной военной поэзии**

Table 3

**Distribution of the vocabulary in the center, near periphery
and far periphery of the semantic/conceptual structure
of the Soviet and English-language war poetry**

Характеристика	Все лексемы		Лексемы с показателями 41—20, 48—20		Лексемы с показателями 19—6		Лексемы с показателями 5—2	
	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.	Конкрет.	Абстракт., эмоц.-оценоч. и симв.
Число рассмотренных лексем в корпусе советской поэзии	524		7		49		468	
	247	277	2	5	35	14	210	258
Число рассмотренных лексем в корпусе англоязычной поэзии	728		8		91		629	
	515	213	5	3	67	24	443	186

Семантические/концептуальные нуклеусы, выявленные в корпусе англоязычной поэзии о Второй мировой войне с помощью SEO-анализа, несколько отличаются от соответствующих макронуклеусов в русскоязычной поэзии о Великой Отечественной войне. Согласно SEO-анализу, сходство лексики в ядре и ближней периферии составляет 44,32%. Общими в русскоязычной и англоязычной поэзии ядра и ближней периферии являются: *война* — *war*, *ждать* — *wait*, *помнить* —

remember, смерть — death, солдат — soldier, бой — fight, слеза — tear, ночь — night, лежать — lie, ребенок — child, враг — enemy, спать — sleep, кровь — blood, ветер — wind, убить — kill, бой — fight, беда — trouble, забыть — forget, сердце — heart. Лексемы ядра и ближней периферии в отечественной поэзии, отличающиеся от соответствующих лексем англоязычной поэзии: *боль, вернуться, вперед, глядеть, девочка, деревня, дом, дым, жена, женщина, живой, земля, зима, знать, мать, огонь, окно, остаться, петь, плакать, победа, пожар, послать, пуля, путь, речь, родной, русская, сила, снег, сон, сын, тишина, товарищ, хата, шинель,* в англоязычной поэзии выделяются следующие отличные лексемы: *arm, bird, black, body, bone, boy, cold, dark, deep, die, dignity, eye, face, fear, feel, foot, friend, ghost, god, grave, great, gun, hand, hate, head, hill, hour, lead, learn, life, light, love, march, mind, moon, morning, past, peace, play, psychiatry, rain, reason, sea, sense, ship, sky, stand, stranger, sun, train, tree, wall, white, word, wrong.*

Проанализируем зоны концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии подробнее.

4.6.1. Ядро концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии

В числе семантических макронуклеусов русскоязычной поэзии, посвященной Второй мировой войне, — имена абстрактных и обобщенных понятий: *война, ждать, знать, вернуться, смерть.* Здесь также обнаруживаем элементы базового уровня, выраженные конкретными существительными: *солдат, земля.* Соотношение абстрактных и конкретных (прототипических) понятий в центре — 5 против 2. Мы полагаем, что семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам корпуса текстов, сюда входят **ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ, СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ** (два последних — символы). Что касается семантических макронуклеусов англоязычной поэзии, среди них находим три абстрактных и обобщенных (*war, death, life*)

и четыре конкретных понятия [*man (soldier), hand, eye, face, air*]. Им соответствуют концепты WAR, DEATH, LIFE, MAN (SOLDIER), HAND, EYE, FACE, AIR. По сравнению с ядром концептосферы советской поэзии о Великой Отечественной войне, где выражены абстрактные концепты ВОЗВРАЩЕНИЕ и ОЖИДАНИЕ, в ядерной зоне англо-американской поэзии о Второй мировой войне бросаются в глаза конкретные антропоморфные символические синекдохи HAND, EYE, FACE. Употребленные в контекстах, соответствующих типичным коллокациям, они свидетельствуют о высокой антропоцентричности англоязычной литературы. Частое использование антропоморфных синекдох говорит о трансфере личных экспериенциальных впечатлений авторов на лирических героев. Это вкупе с первым по семантическому весу макронуклеусом MAN также свидетельствует о радикальном антропоцентризме и субъективизме англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

Интерпретируем некоторые из **ядерных русскоязычных концептов**, исходя из контекстов соответствующих ключевых слов (семантических макронуклеусов).

ОЖИДАНИЕ. Этот концепт реализуется в экспериенциальных контекстах: солдаты ждут возвращения в мирную жизнь, их укрепляет знание, что их ожидают дома; их возвращения с победой ждет сама родная земля; они понимают напряженное ожидание убитых родными и терзаются, не зная, как сказать им о смерти их мужей и отцов: «А мечтал он, может статься, / Подойти путем другим, / У окошка постучаться / Жданным гостем, дорогим» (А. Твардовский); «Где ждали их потом с мольбой / И мукой день за днем... (А. Твардовский); «Мы вас подождем!» — говорили нам пажити. / “Мы вас подождем!” — говорили леса. / Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется, / Что следом за мной их идут голоса» (К. Симонов); «Жди меня, и я вернусь. / Только очень жди (К. Симонов); «И старушка в цветастом платье / У иконы свечу зажгла. / Я не знаю, как написать ей, / Чтoб тебя она не ждала (Ю. Друнина).

ЗЕМЛЯ. Земля является многозначным прототипическим символом, который воплощается в военной поэзии в разных образах. Нередко она персонифицируется в виде женского образа, оскверненного, нуждающегося в защите: «Славно

начато славное дело / В грозном грохоте, в снежной пыли, /
 Где томится пречистое тело / Оскверненной врагами земли»
 (А. Ахматова). Земля опустошена, сожжена, измучена, захвачена врагом: «И хоть земля оголена, / Искажена огнем»
 (А. Твардовский); «Как горько по земле родной / Идти, в ночи таясь»
 (А. Твардовский). В то же время земля — защитница, убежище, крепость: «Какой уютной показалась / Тебе холодная земля... / Казалось, чтобы оторваться, / Рук мало — надо два крыла. / Казалось, если лечь, остаться / — Земля бы крепостью была» (К. Симонов). Земля — это родина, Россия, которая важнее собственной жизни: «Но, трижды поверив, что жизнь уже вся, / Я все-таки горд был за самую милую, / За горькую землю, где я родился, / За то, что на ней умереть мне завещано» (К. Симонов); «Клочок земли, припавший к трем березам, / Далекую дорогу за леском, / Речонку со скрипучим перевозом, / Песчаный берег с низким ивняком. / Вот где нам посчастливилось родиться» (К. Симонов). Русская земля — это церковь, исторгающая нечистого врага, хаос и разрушения, который он несет: «Земля гудела, как молебен / Об отвращеньи бомбы воющей, / Кадильницею дым и щебень / Выбрасывая из побоища» (Б. Пастернак). Земля принимает в свое лоно павших и скорбит о них: «По русским обычаям, только пожарища / На русской земле раскидав позади, / На наших глазах умирали товарищи, / По-русски рубаху рванув на груди» (К. Симонов); «В солдатской могиле — десятки мужчин: / Лишенные силы, лежат как один. / Устало лопаты мелькают вдали, / Как будто солдаты жалеют земли» (Ю. Левитанский); «Он на земле лежит, усталым / Движеньем руку занеся. / Он мертв. Его никто не знает...» (К. Симонов). И в то же время родная земля дает живительную силу, ее хранят и берегут, даже употребляют внутрь: «И мы / Бадаевской землей / Теперь сластим пустую воду. / Земля с золой, / Земля с золой» (Ю. Воронов); «Снял полинялую пилотку, / В кисет насыпал горсть земли» (П. Сидоров); «...Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли / Ту горсть земли, которая годится, / Чтоб видеть в ней приметы всей земли» (К. Симонов).

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Возвращение — еще один актуализируемый концепт, воплощенный прежде всего в глаголах

«вернуться», «возвращаться». Воля не вернувшихся с войны становится для живых мериллом нравственности: «И пусть не покидает вас забота / Знать волю не вернувшихся с войны, / И перед награждением кого-то / И перед осуждением вины» (Р. Гамзатов). Солдаты также заботятся о возвращении на родину, в мирную жизнь выживших граждан, претерпевших неисчислимые страдания: «Я должен видеть теми же глазами, / Которыми я плакал там, в пыли, / Как тот мальчишка возвратится с нами / И поцелует горсть своей земли. / За все, чем мы с тобою дорожили, / Призвал нас к бою воинский закон. / Теперь мой дом не там, где прежде жили, / А там, где отнят у мальчишки он» (К. Симонов). Они радуются возвращению в родные места птиц, символизирующих собой мир и счастье: «К золе и к пеплу наших улиц / Опять, опять, товарищ мой, / Скворцы пропавшие вернулись, / Бери шинель, пошли домой!» (Б. Окуджава). О возвращении в мирную жизнь солдат просят их подруги и друзья: «...Мальчики, / Постарайтесь вернуться назад» (Б. Окуджава). Горечь о невозможности возвращения павших охватывает их товарищей: «Почему все не так? Вроде все как всегда: / То же небо опять голубое, / Тот же лес, тот же воздух и та же вода, / Только он не вернулся из боя» (В. Высоцкий).

Приведем анализ **ядерных концептов англоязычной поэзии**.

WAR. Концепт WAR отражен во многих стихотворениях, в том числе в ярком отрывке с ритмическими повторами, где она репрезентируется как бездушная машина смерти: *Trains lead to ships and ships to death or trains, / And trains to death or trucks, and trucks to death, / Or trucks lead to the march, the march to death, / And death leads back to trucks and trains and ships, / Or that survival which is all our hope; / But life leads to the march, O flag! at last / The place of life found after trains and death / – Nightfall of nations brilliant after war* (Karl Shapiro, *Troop Train*). Сцены смерти и героического сопротивления из осажденного Ленинграда также поражают воображение англоязычных поэтов: *A woman pulls her son's sled, / His vacant body covered with sacks, / Shabby monument for the bank of death... / I see the courage of this city, /*

The working children shingle— thin, / The women's faces like carved wood. / Their pride, written in mirror eyes, / Defies the razor wind that mocks the skin. / The gracious art of learning has fallen / And brings the people to rhythm of hate. / Life is a fugue repeating war. / Time is the calendar of scars» (James E. Schevill, *The Siege of Leningrad*).

Через описание смерти и хаоса выражается негативное отношение к войне, например, в поэзии Вернона Скеннелла, который акцентировал семантику разрушения, страдания, безумия и других примет войны, ср.: A mammoth morning moved grey flanks and groaned / In the rusty hedges pale rags of mist hung; / The gruel of mud and leaves in the mauled lane / Smelled sweet, like blood. Birds had died or flown... / In the ditch at the cross-roads the fallen rider lays / Hugging his dead machine... / And then they came, the walking wounded, / Stragglers the road like convicts loosely chained, / Dragging at ankles exhaustion and despair... / They were not magnified by noble wounds, / There was no splendor in that company (Vernon Scannell, *The Walking Wounded*).

Восприятие войны как опасности, смерти и хаоса в англоязычной поэзии не всеохватно, нередко этот концепт гносеологизируется как зло, позволяющее проявиться добру (вообще релятивизм в оценке добра и зла сродни манихейскому весьма распространен в англоязычной литературе). В абстрактном стихотворении Робинсона Джефферса *The Bloody Sire* имплицитно понимается война как темной, злой и brutальной стороны существования животного мира и человека, которая, тем не менее, необходима для порождения ее противоположностей — мира, красоты и добра. В частности, лицо Елены Прекрасной непредставимо без ореола копий — и смертей тех, кто когда-то желал овладеть этой красотой: It is not bad. Let them play. / Let the guns bark and the bombing-plane / Speak his prodigious blasphemies. / It is not bad, it is high time, / Stark violence is still the sire of all the world's values. / ...Who would remember *Helen's face* / Lacking the terrible halo of spears? / Who formed Christ but Herod and Caesar, / The cruel and bloody victories of Caesar? / Violence, the bloody sire of all the world's values. / Never weep, let them play, / Old violence is not too old to beget new values. Таким образом,

здесь находит свое выражение идея неразрывного существования добра и зла, красоты/величия и жестокости.

С приведенным выше переключается стихотворение *Now That the War Is Here* Р. Н. Карри, где война восхваляется как стихия, позволяющая проявиться «подавленным добродетелям», умаляемым мирной жизнью буржуазного общества, считающимся балластом для него. Такими добродетелями называются «непримиримое мужество, немая выносливость, слепая жертвенность, высокое мастерство в убийстве» — качества, необходимые для боя и победы: *Now that the war is here, thank God / For merciful close perspective, blocking out / Facades of peace which otherwise would dwarf / These stunted sandbag virtues by which we live — / For men must live by virtues, even when / Bombing the helpless innocents; even hearts / Pruned to the stump sprout virtues or else die! / In this diminished world we must acquire — / Although our small hearts ache, thin sinews crack — / Unplumbable courage, numb endurance, / Blind sacrifice, high skill in homicide...* (R. N. Currey, *Now That the War Is Here*).

DEATH. Согласно SEO и TextAnalyst, одной из центральных лексем по семантическому весу является лексема *death*, соответствующая концепту DEATH. Именно о смерти идет речь в большинстве стихотворений англоязычной поэзии о Второй мировой войне. Стихи, написанные в ранние годы войны, носят описательный характер, сквозь описание часто просматриваются ощущения тревоги, нависающей опасности, в некоторых из них звучат нотки неопределенности, недоумения по поводу происходящего, попытки обнаружить в нем смысл: *Whom do we fight? What are we fighting for? / Wipe off the goggles, clear the mask of breath: / Salvage the head, the brain is spreading death...* (M. Stroebel). Смерть как печальный человеческий конец (в контексте или вне контекста ратного дела) оплакивается, при этом тема смерти нередко переплетается с лирическими темами (любовь, невинность): *They (the lovers) remember death's eyes / Their expected soon is now; / Although the hyacinth hands / Never knew any harm / This year's violent end / Makes notable their wrong* (J. Symons); *Love that lowered into death / Was theirs and in them here / Questioning by their offering / Our unofficial*

infantry / Lies unsung, unhonored, and four hundred... (Ewart Milne, *Sierran Aftermath*). Гротескно описываются тренировки молодых солдат в военном лагере, сравниваемых с детьми, которые осваивают «железную технику смерти»: They camouflaged, they bristle with arms to the teeth, / they implement with knives their patient wonder / and wander like children the iron techniques of *death* (Patrick Anderson, *Military Camp*). Выражается эмпатия по отношению к молодым людям, которые, не выйдя из детских фантазий, сталкиваются с ужасами войны и гибнут: Little boy, nothing has been said about your fear; / the sky projects your growth and in this sudden blackout ghosts foreknew the naked stars that will skin you alive. /... fear breeds hate and *death* brings no taste of godliness... (Patrick Anderson, *Soldier Boy*).

Проявление смерти в различных аспектах, страх смерти, ужас перед ней, отвращение к ней, ее нелепость, бессмысленность часто имплицитно в произведениях англоязычных поэтов. Изумление и шок психики от столкновения со смертью вытесняют какие-либо другие ощущения и чувства, делают их вторичными. Благородство, героика подвига, ратного труда, усилий тыла, направленных на победу, как мы можем видеть, в корпусе англоязычной поэзии, посвященной Второй мировой войне, если и присутствуют, то по большей части имплицитно, ужас же от уродства и нелепости смерти выражается вполне эксплицитно. Сравнение соответствующих контекстов приводит нас к выводу о лингвокультурном различии концептов смерти, выраженных в военной поэзии: если в советской поэзии о войне акцентируется героизм, величие подвига, его значимость для всего народа, то есть происходит вполне сознательная гносеологизация, утверждение духовного смысла сражения и гибели ради победы, ради жизни, то в англоязычной военной поэзии выражены образы, связанные со смертью, с ее реалиями и впечатлениями очевидцев. Эти образы оставили у авторов (и оставляют у читателей) глубокий отпечаток, они воздействуют прежде всего на бессознательное и, как правило, автосемантически.

В коротком стихотворении Рэндала Джарелла говорится о летчике, пилотирующем самолет с пушкой-турелью. Из-за маленького роста поэт сравнивает его с птенцом, попавшим

из мягкого гнезда в ужас ревущей и все уничтожающей военной техники. Пилот стреляет из пушки по вражеским самолетам. Как имплицитно кончается стихотворение, во время боя самолет сбивают, при этом останки пилота попадают изнутри в турель, из которой их потом вымывают с помощью шланга: From my mother's sleep I fell into the State, / And I hunched in its belly till my wet fur froze. / Six miles from earth, loosed from its dream of life, I woke to black flak and the nightmare fighters. / When I died they washed me out of the turret with a hose (Randall Jarrell, *The Death of the Ball Turret Gunner*).

В стихотворении *The Performance* Джеймса Дики рассказывается о смерти пилота Дональда Армстронга на Филиппинах, которого «маленькие туземцы» убивают, отрубая ему голову. Перед смертью пилот выполняет свои лучшие трюки, в том числе стоит на руках идеально ровными ногами на краю вырытой им ранее могилы. При этом палач едва не отрубает ему ноги вместо головы, изумляется и даже плачет. Наряду с ужасом этой смерти в стихотворении имплицитно восхищение поступком американца, в котором усматриваются гордость и бесстрашие: ...Doing all his lean tricks to amaze them — The back somersault, the kip — up — And at last, the stand on his hands... / And the headsman broke down / In a blaze of tears, in that light / Of the thin, long human frame / Upside down in its own strange joy... (James L. Dick-ey, *The Performance*).

Необходимость примириться с уродством и нелепостью смерти, ужасом, возникающим от нее у живых, имплицитно сочетается с попыткой по возможности сберечь в памяти достоинство павших. Например, стихотворение об убитом отце начинается с мысли о его лице, которое было не так обезображено смертью, как лицо другого солдата. Лирический герой описывает это лицо, выражая скорбь и нежность, и говорит, что погибший снится ему в виде маленького черного африканского божка, кружащего по нисходящей спирали в небе: Your face did not rot / like the others — the co-pilot, / for example, I saw him / yesterday. His face is corn- / mush: his wife and daughter, / the poor ignorant people, stare / as if he will compose soon. / He was more wronged than Job. / But your face did not rot / like the others — it grew dark, / and

hard like ebony; / the features progressed in their / distinction.
 If I could cajole / you to come back for an evening, / down
 from your compulsive / orbiting... / I would / touch your
 face as a disinterested / scholar touches an original page... All
 I know / is this: when I see you, / as I have seen you at least /
 once every year of my life, / spin across the wilds of the sky /
 like a tiny, African god... (James Tate, *For My Father*).

Как мы видим, амбивалентность, недосказанность, «обнаженный» натурализм смерти, сквозь который едва просвечивает высший смысл, теряясь в тумане сомнений и релятивизма, — свойства англоязычной поэзии о войне.

FACE (MAN, HAND, EYE). Наряду с *man*, *hand* и *eye* лексемой с максимальным семантическим весом в англоязычной поэзии о Второй мировой войне является *face*. Лицо выступает многосмысленным антропоморфным символом, это и сам человек, и символ человечности как таковой, и зеркало физического и психологического состояния человека, его чувств и эмоций, и эмблема человека, которого знал и, возможно, любил, и застывшая, искаженная маска — символ смерти. Лица, увиденные при тех или иных обстоятельствах, выступают важными экзистенциальными гештальтами, трансцендирующими некие смыслы и значения — как индивидуальные, так и общечеловеческие.

Цитированное выше стихотворение Карла Шапиро *Troop Train* метафорически сравнивает лица солдат, которые свисают из вагонов, отправляющихся на фронт, с фруктами из рога изобилия: Fruit of the world, O clustered on ourselves / We hang as from a cornucopia / In total friendliness, *with faces bunched* / To spray the streets with catcalls and with leers... (Karl Shapiro, *Troop Train*). Лица вызывают воспоминания, где радость узнавания сочетается с горечью и скорбью: Somehow we see ourselves in photographs / Held in our hands to show us back our pride / When, aging, we recall in epitaphs / The *faces* just behind and to each side. / ...You feel the *faces* soften into sleep, / Or tense upon the fraught and falling arc / Of fear a boy had buried not too deep (John Ciardi, *Port of Aerial Embarkation*). Лица принимают ужасающий облик смерти (ср. цит. выше стихотворение *For My Father* Джеймса Тейта).

Лица людей служат для изображения походных и прочих сцен, так или иначе связанных с войной, в том числе, опять же, с амбивалентными моральными оценками. Ср. лицо дезертира из сочувственного стихотворения Карла Шапино *The Conscientious Objector*: You suffered not so physically but knew / Maltreatment, hunger, ennui of the mind. / Well might the soldier kissing the hot beach / *Erupting in his face* damn all your kind. / Yet you who saved neither yourselves nor us / Are equally with those who shed the blood / The heroes of our cause. Your conscience is / What we come back to in the armistice (Karl Shapiro, *The Conscientious Objector*). Или изображение «столкновения лицом к лицу» с врагом в пародийном цикле Генри Рида *Lessons of the War*, как бы воспроизводящем конспект лекции опытного военного (психоаналитика?), прочитанной молодым солдатам. В части *Psychological Warfare* читаем: ...When you *come face to face with the foe*, remember dignity, / And though a number of them do fortunately speak English, / Say, proudly, with cold politeness, in the visitor's own language: 'Ich ergebe mich...' / Do not forget the phrase... / Only always cold in tone: icy, if necessary: / It is such behaviour that will make them accord you / The same respect that they accorded myself, / At Passchendaele (Henry Reed, *Psychological Warfare*). Любопытно, что в этих стихотворениях акцентируется психология и этикетно-поведенческая мораль (совесть как верность личным принципам, внешнее приличие и достоинство при сдаче в плен), которые противоречат воинскому долгу и чести.

Концепт AIR (и сопутствующие концепты SKY, WIND, BIRD, WING, PILOT) отражает среду, где происходили дуэли британской противовоздушной обороны с немецкими бомбардировщиками, где разворачивались бои британской/американской и немецкой авиации. Пилотам, погибшим в воздушных боях, посвящено стихотворение Говарда Немерова с примечательной концовкой о «славной войне, в которой мы победили, не наблюдая смертей»: For a saving grace, we didn't see our dead, / Who rarely bothered coming home to die / But simply stayed away out there / In the clean war, the war in the air. / Seldom the ghosts come back bearing their tales / Of hitting the earth, the incompressible sea, / But stayed up there in the relative wind...

(Howard Nemerov, *The War in the Air*). Джон Пудни восхищается подвигом летчика, перефразируя его бесхитростный рассказ расцветенным языком, используя в том числе мифологические и художественные аллюзии: “Just then I saw the bloody Hun” / You saw the Hun? You, light and easy, / Carving the soundless daylight. “I was breezy / When I saw that Hun.” Oh wonder / Pattern of stress, of nerve poise, flyer, / Overtaking time. “He came out under / Nine-tenths cloud, but I was higher.” / Did Michelangelo aspire, / Painting the laughing cumulus, to ride / The majesty of air. “He was a trier / I’ll give him that, the hum.” So you covert / Ultimate sky o air speed, drift and cover; / Sure with the tricky tools of God and lover (John Pudney, *Combat Report*). Джон Чиарди написал стихотворение *The Pilot in the Jungle*, в котором фантазмагорически сливаются образы смерти и нового рождения пилота, потерпевшего авиакатастрофу в джунглях, — «основателя цивилизации».

4.6.2. Ближняя периферия концептосфер русскаяязычной и англоязычной военной поэзии

К ближней периферии семантического пространства / концептосферы военной поэзии относятся единицы в диапазоне 19—6. В анализе лексики ближней и дальней периферий корпусов военной поэзии мы применили кластеризацию с помощью TextAnalyst, чем укрупнили семантическую структуру корпуса текстов, выявили наиболее важные фреймы и тематические/концептуальные поля.

В ближней периферии советской поэзии преобладают слова, обозначающие реалии фронта, предметы и явления, людей. Кроме того, здесь находим слова, обозначающие реалии повседневной жизни тыла, которые переплетаются с первыми, в том числе в связи с оккупацией фашистами территорий СССР. Таким образом, в ближайшей периферии советской поэзии четко выделяются переплетающиеся и одновременно противоположные концепты РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ТЫЛА. Эти концепты одновременно являются вершинами одноименных тематических/концептуальных полей и фрей-

мов. В англоязычной поэзии, как показывают семантический и текстовый виды анализа, аналогичные тематические поля не выражены, концептуально-полевая структура здесь более размыта, в ней можно выделить четыре обобщенных тематических поля (фрейма) MAN, WAR, DEATH, NATURE.

Проанализируем ближнюю периферию концептосфер советской и англоязычной поэзии подробнее.

В **ближней периферии концептосферы советской поэзии** отношение конкретной прототипической лексики и лексики, обозначающей абстрактные понятия, — 35 против 14. Конкретные понятия выражены такими словами, как: *снег, огонь, слеза, шинель, бой, боец, дом, мать, ночь, лежать, мертвый, ребенок, товарищ, зима, речь, враг, глядеть, девочка, деревня, живой, окно, спать, женщина, кровь, пуля, сын, ветер, дым, жена, петь, плакать, пожар, путь, убить, хата*. Имен обобщенных и абстрактных понятий, духовно-нравственных понятий, эмоций и чувств, личностных качеств, духовных символов в ближней периферии более чем вдвое меньше, но они весьма значимы: *вперед, беда, помнить, родной, забыть, послать, сердце, вернулся, сила, сон, боль, победа, русская, тишина*.

Приведем контексты советской поэзии, актуализирующие тематические/концептуальные поля РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ТЫЛА при помощи конкретно-понятийной, прототипической лексики: «...Не по улице прямой — / Под огнем, по огородам / Добирается домой...» (А. Твардовский); «Смерть свистит над головами, / Снег снарядами изрыт. / И жена в холодной яме / Где-нибудь с детьми сидит» (А. Твардовский); «Дома — Без света и тепла, / И без конца пожары рядом. / Враг зажигалками дотла / Спалил Бадаевские склады» (Ю. Воронов); «Он отставал, он кровь терял, / Он пулю нес в груди...» (А. Твардовский); «Каких имен нет на могильных плитах! / Их всех племен оставили сыны...» (Р. Гамзатов); «Как я хотел вернуться в до-войны, / Предупредить, кого убить должны. / Мне вон тому сказать необходимо: / “Иди сюда, и смерть промчится мимо”» (А. Тарковский); «Девочка в заштопанной шинели / Разбросала руки на снегу. / Мама! / Мама! / Я дошла до цели...» (Ю. Друнина) и др. Примеры реалий повседневной

жизни: «Где хата наша и крыльцо / С ведром на скамье? / И мокрое от слез лицо, / Что снилось и мне?.. / Дымком несет в рядах колонн / От кухни полевой. / И вот деревня с двух сторон / Дороги боевой» (А. Твардовский); «Нет, не исчезли мы в крошечном дыме, / Где путь, как на вершину, был не прям. / Еще мы женам снимся молодыми, / И мальчиками снимся матерям» (Р. Гамзатов); «Что русская мать нас на свет родила, / Что, в бой провожая нас, русская женщина / По-русски три раза меня обняла» (К. Симонов).

Приведем контексты, актуализирующие указанные тематические/концептуальные поля при помощи абстрактной, эмотивно-чувственной и символической лексики. Например, «Пусть в сердце *боль* тебе, как нож, / По рукоять войдет. / Стой и *гляди!* И ты пойдешь / Еще быстрее *вперед*» (А. Твардовский); «Они нас выводили в степь / Тропинкой потайной. / Им наша *боль* была больна, — / Своя *беда* не в счет» (А. Твардовский); «Наши мертвые нас не оставляют в *беде*, / Наши павшие как часовые...» (В. Высоцкий); «Когда последний взрыв раздался, / Не *умерла* война во мне / Я долго, долго *оставался* / Солдатом в мирной *тишине*...» (Е. Иванов); «*Победа* у наших стоит дверей... / Как гостью желанную *встретим?* / Пусть женщины выше поднимут детей, / Спасенных от тысячи тысяч смертей, — / Так мы долгожданной ответим» (А. Ахматова); «Ведь эта *память* — наша *совесть*. / Она, / Как *сила*, нам нужна...» (Ю. Воронов); «К нам оттуда родные березы / Тянут ветки и *ждут* и зовут, / И могучие деды-морозы / С нами сомкнутым строем идут» (А. Ахматова); «Не страшно под пулями мертвыми лечь, / Не горько остаться без крова, / И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское *слово*» (А. Ахматова) и др.

Помимо указанных полей, с помощью кластеризации TextAnalyst в ближней периферии выявляет ряд тематических лексем, позволяющих рассматривать их как важные символы и имена фреймов: ОГОНЬ (пламя, пожар); ШИНЕЛЬ; ДОМ (хата); ТОВАРИЩ (друг, друзья, ребята); МАТЬ; СЫН; СЕРДЦЕ, БОЙ, пуля (= СМЕРТЬ), РУССКИЙ (РУССКАЯ), ЖЕНЩИНА (жена), ПРИРОДА (снег, вода, воздух, лес, трава), слеза (слезы), РОДНОЕ (дорогое, милое). Анализ контекстов этих лексем позволяет сделать следующие выво-

ды об их признаках: ОГОНЬ (пламя, пожар) — стрельба, взрывы; пожары; война; разрушение; ратное дело; огонь для самокрутки, костер; фронтовая дружба, теплое общение; Вечный огонь; память; священное; совесть; ШИНЕЛЬ — солдат, военная служба, война; защита, покров; помощь, товарищество; изношенная, сырая; ратный труд, тяготы войны; ДОМ (хата) — кров; мирная жизнь; родные, родина; люди, свои; народ; нуждающиеся в защите; праздник, праздность; прошлое, детство, юность, любовь; ушедшее, разрушенное; победа, возвращение; ТОВАРИЩ (друг, друзья, ребята) — тот, кто рядом, близкий, солдат; помощь, забота, спасение; радушие, любовь; второе я, погибший, собеседник; МАТЬ — родная, милая, любящая, ждущая, слезы, горе, сберечь, дом, родина; СЫН — род, племя, солдат, мальчик, смерть, товарищ и др.

Проанализируем **ближнюю периферию англоязычной военной поэзии**. В англоязычной поэзии зона ближней периферии несколько шире, при этом абстрактных понятий почти втрое меньше, чем конкретных (24 против 67). Конкретные: *hill, head, die, sky, enemy, own, dark, morning, night, lead, gun, lie, year, sun, stand, deep, dead, wind, child, blood, boy, arm, hear, bird, grave, sea, hour, soldier, throw, foot, tree, fall, sleep, people, cold, tell, same, bone, move, leave, ghost, friend, past, bloody, light, rain, call, speak, help, stranger, fight, play, moon, kill, train, fell, john, run, tear, keep, ship, wall, walk, black, march, white, body, place*. Абстрактные: *point, learn, word, course, end, god, mind, sense, reason, peace, psychiatry, seem, wait, past, forget, love, heart, great, fear, dignity, feel, hate, wrong, trouble*.

Как упоминалось выше, деления корпуса британской поэзии на тематические группы РЕАЛИИ ТЫЛА и РЕАЛИИ ФРОНТА не прослеживается, здесь можно выделить четыре общих фрейма: MAN, NATURE, DEATH, WAR. Фрейм WAR¹ представлен вербализаторами *enemy, gun, soldier, wound, fire* и другими и включает субфрейм ARMS & MILITARY MACHINERY (*gun, ship, train, truck, motor-bike* и пр.). Фрейм DEATH² представлен вербализаторами *blood, dust, grave, death, die, lie, dead* и пр. Фрейм NATURE представлен

¹ Проанализировано в 6.1.

² Проанализированное в 6.1.

вербализаторами *fire, sky, air, rain, morning, sun, wind, night, wave* и др. Фрейм MAN представлен вербализаторами *child, heart, head, body, life, love, learn, hear, word, sense, psychiatry* и другими, сюда же входит субфрейм PSYCHIC REFLECTION, EMOTIONS & RELATIONS (*love, great, fear, dignity, feel, hate, wrong, trouble, remember, word, meeting* и пр.).

Согласно TextAnalyst, в ближней периферии лексемами с наибольшим весом и числом семантико-синтаксических связей являются: *arms, birds, child, ergebe, eyes, fear, hill, human, Ich, learn, man, mich, question, rains, remember, rolls, scarlet, ships, sire, sleeve, throw, trains, trucks, violence, wind, wing, words; art, ghosts, saint, sleep, smell, toys, breath, friend, pilot, rot, wife, meet; blood, boy, earth, God, homes, wood*. Эти лексемы трансформируются в концепты и фреймы, среди которых наиболее интересными, на наш взгляд, являются CHILD, REMEMBRANCE, FEAR, GHOST, чьи контексты мы и проанализируем.

Концепт CHILD в англоязычной военной поэзии часто акцентирует такие черты, как агрессивность, первобытность, ребячливость, инфантилизм. Это, как можно видеть из контекстов соответствующей лексемы, связано в том числе с модой на психоанализ и аналитическую психологию в первой трети XX века. Робинсон Джефферс в стихотворении о речи Гитлера в Данциге (1939) рассуждает о том, что «гений, талант, смелость и преданность коренятся в душе больного ребенка», и сравнивает «вой» диктатора с собой и своей поэзией — «исполненной крови и варварских символов, чрезмерно болезненной, бесчеловечной, как крик ястреба»: *This morning Hitler spoke in Danzig, we heard his voice. / A man of genius: that is, of amazing, / Ability, courage, devotion, cored on a sick child's soul, / Heard clearly through the dog — wrath, a sick child / Wailing in Danzig, invoking destruction and wailing at it... / Well: the day is a poem: but too much / Like one of Jeffers', heavy with blood and barbaric symbols, / Painful to excess, inhuman as a hawk's cry (Robinson Jeffers, 9, 19, 1939)*. Герой стихотворения Генри Рида военный психоаналитик описывает потенциального противника как «неразвитых детей»: *...They are, by and large, undeveloped children, / Or adolescents, at most. It is perhaps to do with physique... / Undeveloped children, I have said, and like children, / As those of you with*

families will know, / They are sometimes very aggressive, even the gentlest of them (Henry Reed, *Psychological Warfare*).

В аналогичном ключе — с акцентом на воинственности, смешанной с наивностью, — описываются и свои, англо-американские, солдаты: ...They implement with knives their patient wonder / and wander *like children* the iron techniques of death (Karl Shapiro, *Military Camp*); *The good-bad boys of circumstance and chance*, / Whose bucket-helmets bang the empty wall (Karl Shapiro, *Troop Train*). Отношение к войне этих «детей» неоднозначно — нередко она восхваляется как примордиальная стихия, возвращающая к первобытному инстинкту, «древнейшей романтике, сладким медом сочащейся из сердец»: ...Death was young again; patron alone / Of healthy dying, premature fate-spasm. / Fear made fine bed-fellows. Sick with delight / At life's discovered transitoriness, / Our youth became all-flesh and waived the mind. / Never was such antiqueness of romance, / Such tasty honey oozing from the heart... / And *we recall the merry ways of guns* — / Nibbling the walls of factory and church / *Like a child*, piecrust; felling groves of trees / *Like a child*, dandelions with a switch. / Machine-guns rattle *toy-like* from a hill, / Down in a row the brave *tin-soldiers* fall: / A sight to be recalled in elder days, / When learnedly the future we devote / To yet more boastful visions of despair (Robert Graves, *Recalling War*).

Заметим отличие указанных признаков концепта от признаков аналогичного концепта РЕБЕНОК в советской поэзии и произведениях о советских реалиях того времени (ср.: «*Мы детям клянемся, клянемся могилам*, / Что нас покориться никто не заставит!»; «*Пусть женщины выше поднимут детей*, / *Спасенных от тысячи тысяч смертей*» (А. Ахматова); «*Как кринки несли нам усталые женщины*, / *Прижав, как детей, от дождя их к груди...*» (К. Симонов); «*И мальчик облекался в латы*, / *За мать в воображеньи ратуя*» (Б. Пастернак) и т. п.). Объясняется это тем, что в годы Великой Отечественной войны дети наравне со взрослыми выносили тяготы войны и тяжелый труд в тылу; кроме того, сам концепт РЕБЕНОК, вероятно, в русскоязычной культуре обладает большей сакральностью и романтичностью, чем соответствующий концепт CHILD в англоязычной культуре. Впрочем,

лексема *boy* в англоязычной поэзии также может использоваться во вполне романтическом смысле, она олицетворяет представителей молодого поколения, которые стали жертвами войны: And far from the dead *boy* who left so long ago (Thomas McGrath, *Homecoming*); Of fear a *boy* had buried not too deep (John Ciardi, *Port of Aerial Embarkation*).

Концепт REMEMBRANCE (MEMORY), который репрезентирован как основным вербализатором — *remember*, так и посредством вербализаторов концепта NATURE AND LANDSCAPE: I think continually of those who were truly great. / Who, from the womb, *remembered* the soul's history / Through corridors of light where the hours are *suns* / Endless and singing... Near the *snow*, near the *sun*, in the highest *fields* / See how these names are feted by the waving *grass* / And by the streamers of white *cloud* / And whispers of *wind* in the listening *sky* / The names of those who in their lives fought for life... / Born of the sun they traveled a short while towards the *sun* / And left the vivid *air* signed with their honor (Stephen Spender, *I Think Continually of Those Who Were Truly Great*). SUN в данном тексте символизирует время, а также объект, дарующий жизнь, в том числе вечную.

Нельзя не отметить акцентирования концепта FEAR, которое встречается во многих стихотворениях, например: ...Death was young again; patron alone / Of healthy dying, premature fate-spasm. *Fear* made fine bed-fellows. Sick with delight / At life's discovered transitoriness, / Our youth became all-flesh and waived the mind... (Robert Graves, *Recalling War*); Somehow we see ourselves in photographs / Held in our hands to show us back our pride / When, aging, we recall in epitaphs / The faces just behind and to each side. / ...You feel the faces soften into sleep, / Or tense upon the fraught and falling arc / Of *fear* a boy had buried not too deep (John Ciardi, *Port of Aerial Embarkation*); I hear the scream of bombs / And see the small feet flying, / *Fear*-whitened faces staring, / Huddled in death, / Death that need not have been (Flora Hendricks, *Death That Need Not Have Been*); When greed sups with the devil / And principles are shed / When power is corrupted / And truth stands on its head / When fear pervades the confused mind / And fools are easy

led / When reason is a prisoner / The bell tolls for the dead
(Tom Walker, *Bloody War – The Cause*).

Не случайно появление среди заметных концептов англоязычной военной поэзии концепта GHOST: ...*ghosts* foreknew the naked stars that will skin you alive; Incarnate *ghosts* have sturdily reproved / The reason's angled neatness, Now his sweet singing *spirit* leaves the orange grove; / The blood – hibiscus and dust wheeling suns / Burnt through tranced leaves above earth— resting body / Of Alun, son of the grey valleys (John Berryman, *Elegy, for Alun Lewis*); Seldom the *ghosts* come back bearing their tales (Howard Nemerov, *The War in the Air*); They must be very tired, those *ghosts*; no flesh sustains them / And the bones rust in the rain (Thomas McGrath, *All the Dead Soldiers*) и т. д. С одной стороны, этот концепт перекликается с религиозно-мифологическим сознанием, с другой, — на наш взгляд, он показывает, что в отсутствие визуализации событийной реальности, реальных военных действий англоязычные авторы прибегают к фантазийной картине войны.

В фантазмагоричных образах мы вновь наблюдаем кричащие, порой мифопоэтические образы смерти. Ср. стихотворение Дж. Чиарди о погибшем и как бы воскресшем пилоте: ...Suspended from / The chords of fifty centuries / Descending to their past — a ripping sound / That snags him limb by limb. / He tears and falls / Louder than any fruit dropped from the trees, / And finds himself in mud on hands and knees. / ...And starts a civilization... / Spaceman Crusoe at the wreck of time... (John Ciardi, *The Pilot in the Jungle*). Ср. также фантазмагорические образы, возникающие у автора во время фортепианного концерта в военное время (1943): ...But these he imagined... / he was offering, really, a boy's head / on an airplane propeller; / he was shouting to the rustled programs / that these stained curls were beyond their kisses. / And he marched through the keys, / drumming that all fortresses were taken — / and no applause please / because the hands striking the piano / Were bloody stumps (Florence Kerr Brownell, *Concert, in Wartime*). Ср. также имажистские образы в стихотворении *Moonlight Alert* Айвора Уинтерса.

Еще раз подчеркнем, что эти образы, какими бы яркими они ни были, не отражают реальности войны, являясь плодами воображения поэтов.

4.6.3. Дальняя периферия концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии

Дальняя периферия семантического пространства /концептосферы стихов о войне охватывает диапазон 5—2. Это наиболее обширная лексико-семантическая область, включающая множество семантических микронуклеусов, уточняющих и распространяющих основные концепты. Здесь так же, как и в ближней периферии, преобладают тематические/концептуальные поля.

Рассмотрим **дальнюю периферию концептосферы советской поэзии о Великой Отечественной войне**. Соотношение конкретных и абстрактных понятий здесь — 207 против 237. Слова, обозначающие конкретные понятия, детализируют реалии фронта, например: *бинт, гореть, грудь, мальчик, мальчишка, окоп, след, сырой, тащить, шаг, атака, бежать, гул, движенье, дерево, дорога, заря, землянка, черный, зола, могила, пехота, пламя, пот, сапог, умереть, усталый, фронт, холодный, чужой, эшелон* и др. Например: «А я должна приросшие бинты / С него сорвать одним движеньем смелым» (Ю. Друнина); «Все то, что мы в окопах защищали / Иль возвращали, кинувшись в прорыв, / Беречь и защищать вам завещали, / Единственные жизни положив» (Р. Гамзатов); «Примерзший стебель ковыля, / Едва заметные пригорки, / Разрывов дымные следы, / Щепоть рассыпанной махорки / И льдинки пролитой воды» (К. Симонов); «Осталась только сила ветра, / И грузный шаг по целине, / И те последних тридцать метров, / Где жизнь со смертью наравне!» (К. Симонов); «Встав на растоптанном снегу, / Готовясь броситься в атаку, / Винтовку вскинул на бегу» (К. Симонов); «Как зябко спать в сырой копне / В осенний холод, в дождь, / Спиной к спине — и все ж во сне / Дрожать. Собачья дрожь» (А. Твардовский); «Вперед дорога — не назад, / Вперед — веселый труд» (А. Твардовский); «Спят в эшелоне бывшие солдаты... / В товарных, на полу, на сквозняке» (А. Пиневиц) и др.

В дальней периферии также находим слова, обозначающие образы гражданской жизни, уточняющие детали род-

ной природы и повседневного быта: *двор, детство, теплый, тихий, конь, белый, крыльцо, порог* и др. Например, «Ах, война, что ж ты сделала, подлая: / Стали тихими наши дворы» (Б. Окуджава); «Как в детстве, где-нибудь в ночном, / Когда коней пасли...» (А. Твардовский); «Белорусские ветры пели / О рязанских глухих садах» (Ю. Друнина); «Морозами неслыханной суровости / Пожгло и уничтожило сады» (А. Твардовский).

В этой области актуализируется больше, чем в центре и ближней периферии, имен абстрактных и духовно-нравственных понятий, личностных качеств, чувств (эмоций) и символов, в том числе связанных с миром и войной, жизнью и смертью, Родиной: *весна, вечный, вина, грусть, душа, любовь, ожить, быть, вставать, крест, Москва, оставить, память, Родина, Россия, береза, русский, сад, свет, слава, спасти, совесть* и др. Например, «Пахнет в хате квашней и дымом, / За порогом бурлит весна» (Ю. Друнина); «Весеннее дыханье родины / Смывает след зимы с пространства / И черные от слез обводины / С заплаканных очей пространства» (Б. Пастернак); «Ты вспоминаешь родину — такую, / Какой ее ты в детстве увидел» (А. Твардовский); «И родина, как голос пущи, / Как зов в лесу и грохот отзыва, / Манила музыкой зовущей / И пахла почкою березовой» (Б. Пастернак); «Был и есть у России / Вечной прочности вечный запас» (Ю. Друнина); «...Деревни, деревни, деревни с погостами, / Как будто на них вся Россия сошлась, / Как будто за каждую русской околицей, / Крестом своих рук ограждая живых, / Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся / За в бога не верящих внуков своих...» (К. Симонов); «О тебе мне шептали кусты / В белоснежных полях под Москвой» (А. Сурков); «Мечтателю и полуночнику / Москва милей всего на свете. / Он дома, у первоисточника / Всего, чем будет цвести столетье» (Б. Пастернак); «Прошли года. Деревья умерщвленные / С нежданной силой ожили опять, / Живые ветки выдали, зеленые...» (А. Твардовский); «И вы должны, о многом беспокоясь, / Пред злом ни шагу не подавшись вспять, / На нашу незапятнанную совесть / Достойное равнение держать» (Р. Гамзатов) и т. п. Таким образом, мы видим, что в дальней периферии семантической

структуры военных поэтических текстов продолжается развитие упомянутых выше концептов-фреймов РЕАЛИИ ФРОНТА и РЕАЛИИ ТЫЛА, они детализируются при помощи анагогических понятий и символов.

Кроме этих двух концептов-фреймов с помощью кластеризации (TextAnalyst) выявляются лексемы, имеющие наибольшую в этой области частотность и семантико-синтаксические связи: ВЕСНА, МАЛЬЧИК (мальчишка), ОРУЖИЕ (танк), МОГИЛА, ВОЙСКО (пехота), ГОЛОС (речь), РОССИЯ, СБЕРЕЖЕНИЕ (беречь, сберечь). Эти лексемы можно трактовать как имена важных концептов и символов, а их контексты позволяют сделать выводы о таких их признаках, как: ВЕСНА — мир, возрождение, освобождение, Победа, жизнь; МАЛЬЧИК — ребенок, тот, кого надо защищать; юноша, солдат, воин, защитник и т. д.

Можно сказать, что сильный эмоциональный накал и возвышенная духовность — признаки советской поэзии военных лет. Абстрактные, обобщенные, собирательные духовные, нравственные понятия, понятия чувств, моральных и личностных качеств и другие составляют духовно-нравственную канву содержательно-смыслового наполнения советских текстов о войне. Их можно разделить на интеллективные и эмотивные. Среди интеллективных концептов, абстрактных, духовных понятий и символов заметными кажутся такие, как *ждать, вернуться, смерть, память, надежда, слава, великий, грозный, Родина, победа, ожить, душа, вечный, свет, спасти*. Среди эмотивных концептов, понятий чувств, эмоций, моральных и личностных понятий выделяются *горе, грусть, вина, любовь, страх, усталость, мужество, долг, сила, боль, совесть, добрый, злой, праведный, жалость, суровость (строгость)* и др.

Конкретные понятия и персоналии: предметы, явления, люди, участвующие в тех событиях, — обеспечивают детальную «прорисовку» («выписывание», «профилирование») фона, на котором изображаются те или иные фигуры — микротемы стихотворений. Среди актуализируемых конкретных понятий выделяются как реалии фронта, так и реалии тыла. Реалии военной и гражданской жизни тесно переплетаются, что можно связать с тем, что Великая Отечественная война затронула весь советский народ и все стороны жизни страны.

Это такие понятия как, например, *солдат, окоп, след, сырой, тащить, шаг, атака, бежать, гул, движение, дорога, заря, землянка, черный, зола, могила, пехота, пламя, пот, сапог, умереть, фронт, холодный, чужой, эшелон, двор, детство, сад, деревня, хата* и др.

На наш взгляд, важными являются не только центральные единицы, выявленные кластерным анализом, но и второстепенные. Так, важны такие фреймы-символы советской поэзии военных лет и группирующиеся вокруг них слоты, как:

- пожар — война, разрушение, уничтожение;
- зима — война, смерть, опустошение, потеря;
- порог (крыльцо) — кров, дом, тепло, родные, уход из дома, выход в опасность, отправка в военный поход;
- путь (дорога) — время, тяготы войны, ратное дело, труд, трудности, обратный путь — возвращение домой, к близким;
- деревня — Русь, священное, предки, дом, жильё, отрада, тепло;
- сад — жизнь, конец войны, мир, расцвет, счастье.

Проанализируем **дальнюю периферию концептосферы англоязычной военной поэзии**. Соотношение конкретных и абстрактных понятий здесь — 443 против 186. Слова, обозначающие конкретные понятия, включают такие, как: *loud, city, truck, water, wound, calendar, clean, fruit, sound, apple, army, touch, fire, side, fly, strong, winter, bomb, falling, wife, watch, road, hang, sharp, walking, note, bring, scar, wounded, blind, numb, count, green, song, son, lay, boot, tooth, slow, laugh* и пр. Слова, обозначающие абстрактные понятия, включают такие, как: *harm, courage, sight, recall, brave, strange, human, liberty, plain, fine, soul, refer, respect, spirit, self-conscious, future, pain, suffer, part, various, violence, poor, hard* и пр. Тематически их так же, как и лексемы ближней периферии, можно объединить в самые общие тематические/концептуальные поля MAN, WAR, DEATH, NATURE.

В большинстве стихотворений, отражающих дальнюю периферию поэзии, прослеживается взаимодействие вышеуказанных четырех тематических полей и нескольких фреймов. Например, в стихотворении *Defending the Harbour* Роя Фуллера элемент *human (MAN)* сочетается с элементами *sea*

(NATURE) и trawlers, gun (WAR), что отражает неестественное, негармоничное взаимоотношение природного, человеческого и военной техники: We form a company to help defend / The harbour. Close against the quay a landed / Monster of trawlers huddles, grey with sides / Flaking, and aft a grey untidy gun. Употребление прилагательного pathetic по отношению к burden of human purpose, а также ряда других оценочных лексем (monster, untidy, ache, malignant) придает негативную окраску происходящим событиям: A climbing street links seas and town: we watch / Its pathetic burden of human purpose. Семантический центр MAN представлен лексемой faces, которая участвует в метонимическом переносе «лица — люди», причем человек представлен как игральная карта в непонятной игре: All / The faces in my section are thumbed and known / As a pack of cards, and all the characters / Group and speak like a bad familiar play. По отношению к человеку использованы вербализаторы дальней периферии kind, speaking, strength, характеризующие моральные и физические качества, таким образом показан испытывающий характер войны, которая создает героев и мучеников: Gently we probe the kind and speaking faces / For the strength of heroes and for martyrs' bones. Представлено и тематическое/концептуальное поле DEATH (лексемы martyrs, bones), также через предчувствие катастрофы, усмотренной в природных объектах sand, stone, grass: But we suspect already / That constant ache as something malignant and / Descry unspeakable deeps in the boring sand / And on the quay, in our imagination, / The grass of starvation sprouts between the stones. Помимо этого, природные явления используются для метафорического обозначения времени: And nothing happens but the passage of time, / The monotonous wave on which we are borne and hope / Will never break.

В стихотворении El Alamein Джона Джармейна топоним пустыня Эль-Аламейн отражается в картине мира обычного человека и военного, принимавшего участие в сражении, проходившем в этой пустыне осенью 1942 года. В сознании человека, имеющего опосредованное отношение к войне, данный топоним фиксируется посредством лексемы ближней периферии семантического центра flower: There are flowers now, they say, at El Alamein <...> So those that come to view

that vacant scene, <...> Will find the lilies grow — / Flowers, and nothing that we know. Сознание непосредственного участника боевых действий наслаивает на образ пустыни детали и предметы, относящиеся к концепту «война», для усиления отрицательного эффекта используются показатели темного цвета dark, black: The tanks, the guns, the trucks, / The black, dark smoking wrecks <...> / Yes, flowers in the minefields now <...> / Others will come who cannot understand, / Will halt beside the rusty minefield wires and find there, flowers. В контексте противопоставления духовно-нравственные понятия, эмотивные показатели pride, hope, holy сочетаются с негативными сопутствующими войны — murk, harm: And to those that heard the bells what could it mean, / The name of loss and pride, El Alamein? / Not the murk and harm of war. / But their hope, their own warm prayer. В сознании участника войны пустыня зафиксирована деталями концепта DEATH: Where death remains and agony has been <...> And there our dead will keep their holy ground, репрезентировано равно как место хаоса и безумия, так и победы: It will become a staid historic name, / That crazy sea of sand! <...> El Alamein will still be only ours / And those ten days of chaos in the sand.

В стихотворении I Think Continually of Those Who Were Truly Great Стивена Спендера абстрактные концепты DEATH и MEMORY вербализованы в том числе посредством единиц дальней периферии концептосферы, относящихся к фрейму NATURE: Near the snow, near the sun, in the highest fields / See how these names are feted by the waving grass / And by the streamers of white cloud / And whispers of wind in the listening sky. / The names of those who in their lives fought for life». Вербализатор sun в данном тексте — показатель времени: Through corridors of light where the hours are suns / Endless and singing; объект, способный оживать: Born of the sun they traveled a short while towards the sun.

Текст Джона Пудни For Johnny, демонстрирующий фольклорные мотивы, имплицитно обращен к близким и друзьям погибшего летчика (концепт DEATH). Здесь используется слияние имени собственного и лексем дальней периферии cloud, star, обозначающих небесные и астрономические объекты, для метафорического изображения близости к природе

при жизни и растворения в ней после смерти (концепт NATURE): ...For Johnny-head-in-air <...> For Johnny-in-the-cloud <...> For Johnny-the-bright star. Концепт MEMORY репрезентируется посредством лексем keep, tear, head, метонимического переноса «дети — молодое/будущее поколение»: And keep your tears / For him in after years. / Better by far / For Johnny-the-bright-star, / To keep your head, / And see his children fed.

К слову, три последних стихотворения, выбранных в качестве иллюстраций, относятся к редким англоязычным стихотворениям о войне, которые выражают духовность и героику подвига.

Сделаем несколько выводов о наших результатах. Начнем с цитирования мнения Р. Лангакера о перспективе словесного изображения какой-либо предметной ситуации. Он утверждает, что чем больше внимания уделяется фону, тем больше объективности в изображении ситуации, а чем больше внимания концентрируется на мыслях, впечатлениях, чувствах и ощущениях субъекта, тем больше субъективности в изображении ситуации [Evans, Green 2006: 544]. Согласно Лангакеру, разница между эксплицитным представлением фона (объективным описанием, или objective construal) и имплицитной зависимостью от фона (субъективным описанием, или subjective construal) составляет разницу в перспективе трактовки предметной ситуации. Иначе говоря, когда внимание индивидуума полностью фокусируется на нем самом, на передний план выходит субъективное описание ситуации, а объективное описание ситуации отступает на задний план. Когда же внимание индивидуума полностью фокусируется на внешнем объекте (объектах), субъективная трактовка (осознание себя) отходит на второй план и более выраженным оказывается объективное описание ситуации.

Советской поэзии свойственна панорамная перспектива изображения событий и вместе с тем — тщательная прорисовка (profiling) деталей окружающей действительности, фактов и образов, насыщенность словами, выражающими конкретные понятия. Это свидетельствует о погруженности авторов в события, об активном участии в них и богатом опыте и при этом о фокусировании внимания не на субъективных обстоятельствах и впечатлениях, но на эмпатически сопере-

живаемом описании событий в ракурсе всего народа (в том числе на примере отдельных его представителей). Каждый поэт как бы говорит от лица всего общества, лирический герой отождествляется с другими фигурами, а авторское «я» сливается с «мы» целой страны. Будучи в гуще событий, авторы стихотворений стремятся как можно более объективно и детально отразить окружающую действительность, притом что каждому из них свойственны особый стиль и ракурс представления предметной ситуации.

Итак, панорамность изображения в советской военной поэзии, прорисовка деталей с помощью конкретно-понятийной лексики (наряду с абстрактно-понятийной лексикой), повторяемость ключевых слов в большинстве произведений свидетельствуют о высокой объективности представления авторами этого этапа в жизни нашей страны независимо от уникальности идейных посылов и стилистики каждого поэта. Субъективное же описание ситуации в большей степени свойственно англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

В числе семантических макронуклеусов советской поэзии (показатели семантического веса — 60—20) — имена абстрактных и обобщенных понятий: *война, ждать, знать, вернуться, смерть*; здесь также обнаруживаем элементы базового уровня, выраженные конкретными существительными: *солдат, земля*. Соотношение абстрактных и конкретных (прототипических) понятий в центре — 5 против 2. Семантические макронуклеусы соответствуют центральным концептам корпуса советских поэтических текстов о войне, сюда входят ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ, СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ (два последних — символы).

Выводы относительно концептуального состава англоязычной военной поэзии сведем к ряду тезисов:

- большая степень антропоцентричности, индивидуализма, сенсуализма, эмоциональности и оценочности по сравнению с советской поэзией;
- радикальный эмпиризм, проявление индуктивного склада мышления (в отличие от дедуктивного склада мышления русскоязычных авторов, проявляющегося в их произведениях);
- психологизация событий и явлений;

- в большинстве произведений — отражение ролевой позиции «наблюдателей», диссоциированность по отношению к изображаемым событиям; выражение в основном субъективного состояния или настроения; наблюдение за событиями и протагонистами сквозь призму личного восприятия и эмоций;
- преимущественная фантазийность, метафоричность образов, ассоциативное восприятие реальности; здесь не работает закон Р. Лангакера, что чем больше внимания уделяется фону, тем больше объективности; в изображении ситуации в поэзии отдельных непосредственных участников военных действий есть достаточно объективная прорисовка окружающей реальности, но это встречается нечасто;
- преобладание критической, негативной оценки происходящего как у участников, так и у свидетелей военных действий;
- своеобычность стилистики и тематического сообщения каждого автора;
- говоря о пространственно-временной перспективе в англоязычной поэзии, отметим в ней подобие кинематографической технике кадрирования крупных и средних планов и редкое присутствие дальних и общих планов; это можно связать а) с преобладанием эмпиризма в англоязычной словесности, воплощающегося в потоках чувственных данных, когда сознание реципиента следует за фрагментами чувственного поля, б) с отсутствием видения конечной цели и смысла происходящего с лирическими героями большинства проанализированных стихов, благодаря чему многие произведения аморфны, не обладают логической целостностью.

Выводы и заключение

В целом семантический анализ в совокупности с кластерным анализом, контекстуальным анализом и интерпретацией позволил нам выделить следующие основные концептуальные единицы в корпусе советских и англоязычных поэтических произведений о Великой Отечественной и Второй мировой войнах.

Таблица 4

**Концептосферы советской и англоязычной поэзии
о Великой Отечественной и Второй мировой войнах**

Table 4

**The conceptual framework of the Soviet
and English-language poetic works about World War II**

		Абстрактные (обобщенные, собирательные) понятия/концепты, духовные символы	Конкретные понятия/концепты, архетипические символы
Центр	Советская поэзия	ВОЙНА, ОЖИДАНИЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ, СМЕРТЬ	СОЛДАТ, ЗЕМЛЯ
	Англоязычная поэзия	WAR, DEATH, LIFE	MAN (SOLDIER), HAND, EYE, FACE, AIR
Ближняя периферия	Советская поэзия	РУССКИЙ (РУССКАЯ), РОДНОЕ (ДОРОГОЕ, МИЛОЕ), помнить, забыть, послать, живой, сила, сон, боль, мертвый, победа, беда, тишина и др.	Фрейм РЕАЛИИ ФРОНТА, сопутствующие конкретные понятия: БОЙ, ОГОНЬ (ПЛАМЯ, ПОЖАР); ШИНЕЛЬ; ТОВАРИЩ (ДРУГ, ДРУЗЬЯ, РЕБЯТА); ПУЛЯ (= СМЕРТЬ), СНЕГ, ВОДА, ВОЗДУХ, ЛЕС, ТРАВА (= ПРИРОДА), боец, ночь, зима, враг, окно, кровь, дым, путь, убить и др. Фрейм РЕАЛИИ ТЫЛА, сопутствующие конкретные понятия: ДОМ (ХАТА); деревня, МАТЬ; СЫН; СЕРДЦЕ, ЖЕНЩИНА (ЖЕНА), слеза (слезы), РЕБЕНОК и др.
	Англоязычная поэзия	Субфрейм PSYCHIC REFLECTION, EMOTIONS & RELATIONS: learn, hear, word, sense, psychiatry, remember, meet, love, great, fear, dignity, feel, hate, wrong, trouble и пр.	Фреймы MAN, WAR, DEATH, NATURE, сопутствующие конкретные понятия: CHILD, heart, head, body, ENEMY, gun, wound, fire, blood, dust, grave, death, die, lie, dead; sky, rain, morning, sun, wind, night, wave Субфрейм ARMS & MILITARY MACHINERY: gun, ship, train, truck, motor-bike и пр.

		Абстрактные (обобщенные, собирательные) понятия/концепты, духовные символы	Конкретные понятия/концепты, архетипические символы
Дальняя периферия	Советская поэзия	ВЕСНА, РОССИЯ, РОДИНА, СБЕРЕЖЕНИЕ (БЕРЕЧЬ, СБЕРЕЧЬ), спасение (спасти), тяжесть (тащить), шаг, ГОЛОС (РЕЧЬ), движение, усталый, холодный, чужой, слава, совесть, вечный, вина, грусть, душа, любовь, ожить, быть, вставать, крест, Москва, оставить, память, свет и др.	Фрейм РЕАЛИИ ФРОНТА: ТАНК (ОРУЖИЕ), ПЕХОТА (ВОЙСКО), МАЛЬЧИК (МАЛЬЧИШКА), атака, бежать, гул, бинт, гореть, грудь, окоп, след, сырой, дерево, дорога, заря, землянка, черный, зола, МОГИЛА, пламя, пот, сапог, умереть, фронт, эшелон и др. ФРЕЙМ РЕАЛИИ ТЫЛА: двор, детство, теплый, тихий, конь, белый, крыльцо, ПОРОГ, береза, сад и др.
	Англоязычная поэзия	Субфрейм PSYCHIC REFLECTION, EMOTIONS & RELATIONS: harm, courage, sight, recall, brave, strange, human, liberty, plain, fine, soul, refer, respect, spirit, self-conscious, future, pain, suffer, part, various, violence, poor, hard и пр.	Фреймы MAN, WAR, DEATH, NATURE: loud, city, truck, water, wound, calendar, clean, fruit, sound, apple, army, touch, fire, side, fly, strong, winter, bomb, falling, wife, watch, road, hang, sharp, walking, note, bring, scar, wounded, blind, numb, count, green, song, son, lay, boot, tooth, slow, laugh и пр.

По составу концептосферы советской и англоязычной поэзии о войне в основном остаются константными, хотя концептуальная структура (иерархия) может видоизменяться в зависимости от избранного материала и от параметров автоматического анализа. Поэтому составляющие концептуальную структуру (иерархию) единицы могут варьироваться в других исследованиях.

Сделаем также обобщающий сопоставительный анализ результатов исследования советской поэзии о Великой Отечественной войне и англоязычной поэзии о Второй мировой войне.

Описание войны в англоязычной военной поэзии отражает *диссоциированную* (дистанцированную) позицию, или взгляд на войну со стороны, как бы из зрительного зала. Эта позиция близка к отчуждению и субъективна. Центром событий представляется сам индивидуум, его внимание фокусируется на собственной перцепции, а не на реальности как таковой. Существенным становится субъективное описание ситуации, а объективное ее представление отступает на задний план. Отсюда — нередкое философствование, «мудрствование», поэтическое домысливание, сложные ассоциативные метафоры, фантазмагоричность, мифопоэтичность образов, частая концентрация на образах смерти и хаоса вне высших смыслов.

В *ассоциированной* (вовлеченной) позиции, какую мы находим в советской поэзии, в описании войны нет домысливания, метафорической фантазмагории и отвлеченного философствования. Там лирический герой участвует в гуще событий, знает реалии войны, осязает в первую очередь конкретику, сообразную целям. Будучи субъектом ратного дела, ощущая единение с народом, имея высший смысл защиты Отечества и самой жизни, он не поражается ликам смерти.

Несмотря на богатые впечатления, советские поэты стремятся выразить субъективные обстоятельства через объективную конкретику событий, а не наоборот, притом что каждому из них свойственны особый стиль и ракурс представления предметной ситуации. Панорамная перспектива изображения событий сочетается с тщательной и глубоко эмоциональной прорисовкой деталей окружающей действительности, реальных фактов и образов.

Стержневым для обобщенного образа автора в советской поэзии являются целостность видения ситуации и реализм. Поэтому в ней мы находим не только ближние и средние, но и дальние, общие планы повествования (причем объективность сохраняется и в такой перспективе). Кроме того, стержневым является ясное осознание духовного смысла происходящего. В отличие от англоязычной военной поэзии, здесь мало субъективной, индивидуалистической эмоциональности и оценочности, однако отчетливо ощущается возвышенный пафос, крайне редкий у англоязычных авторов.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография / Н. Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2006. 228 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та, 1996. 104 с.
4. Бабушкин, А. П. Когнитивная лингвистика и семасиология / А. П. Бабушкин, И. А. Стернин. Воронеж: Ритм, 2018. 229 с.
5. Балашов, Н. И. Проблемы референтности в семиотике поэзии / Н. И. Балашов // Контекст-1983. Литературно-теоретические исследования. М., 1984.
6. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. М., 2001. С. 27–31.
7. Болотнова, Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н. С. Болотнова. М.: Флинта: Наука, 2009. 520 с.
8. Брунова, Е. Г. Автоматизированный контент-анализ мнений трех предметных областей / Е. Г. Брунова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12, ч. 2. С. 43–47.
9. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филол. науки. 2001. № 1. С. 64–72.
10. Воробьева, О. П. Стилистика текста / О. П. Воробьева // Стилистика английского языка: учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. Киев: Выща шк., 1991. С. 201–235.
11. Гегер, А. Э. Отечественные компьютерные программы для анализа качественных данных: Vega и TextAnalyst / А. Э. Гегер, С. А. Гегер // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам XLVI Междунар. науч.-практ. конф. № 2 (43). Новосибирск: СибАК, 2015.

12. Долгова, И. А. Концептуальное поле «терпение» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. А. Долгова. Волгоград, 2006. 26 с.
13. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
14. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
15. Карасик, В. И. Транслируемость концептов / В. И. Карасик // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симп. Волгоград, 22–24 мая 2003 г.: в 2 ч. Ч. 2: тез. докл. Волгоград: Перемена, 2003. С. 17–19.
16. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
17. Красных, В. В. Основы психолингвистики и основы коммуникации / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2001. 164 с.
18. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997. С. 280–289.
19. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. М.: Языки рус. культуры, 1996. 464 с.
20. Молчанова, Г. Г. Семантика художественного текста / Г. Г. Молчанова. Ташкент: Фан, 1988. 163 с.
21. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. М., 1988. 168 с.
22. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. 2-е изд. доп. М.: Эдитус, 2013. 282 с.
23. Паршин, П. Б. Контент-анализ // Энциклопедия «Кругосвет». URL: www.krugosvet.ru
24. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2001. 191 с.
25. Солошенко, А. Н. Автоматизированный анализ новостного потока из сети Интернет с учетом семантики текстов / А. Н. Солошенко, Ю. А. Орлова, В. Л. Розалиев // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. Вып. 25 (152), т. 22. С. 80–85.
26. Стернин, И. А. Национальное коммуникативное поведение как предмет лингвистического и методического описания /

И. А. Стернин // Русское и французское коммуникативное поведение. Вып. 1. Воронеж: Истоки, 2002. С. 5–10.

27. Стернин, И. А. Типы значений и концепт / И. А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. / под ред. проф. Е. С. Кубряковой. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 257–282

28. Стернин, И. А. Психолингвистика и концептология / И. А. Стернин. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya>.

29. Фаткулин, Б. Г. Использование современных инструментов прикладной лингвистики для извлечения терминологических единиц (на примере обработки раздела «Афганистан» в китайской онлайн-энциклопедии BAIDU) / Б. Г. Фаткулин // Профессиональный проект: идеи, технологии, результаты. 2013. № 3 (12). С. 143–147.

30. Фаткулин, Б. Г. Использование теории множеств в сравнительно-логических методах выделения текстов на исламскую тематику в процессе мониторинга сетевых ресурсов / Б. Г. Фаткулин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 13, № 3. С. 22–26.

31. Шайкевич, А. Я. Дистрибутивно-статистический анализ текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. Я. Шайкевич. Л., 1982.

32. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа / Е. В. Шелестюк // Вопросы языкознания. 4. М.: Наука, 1997. С. 125–143.

33. Шелестюк Е. В. Представленность символа в структуре понятия / Е. В. Шелестюк // Mentalitat und Mentales / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. S. 32–45.

34. Шелестюк, Е. В. Этапы и закономерности смыслового восприятия текста / Е. В. Шелестюк // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. Вып. 2. С. 85–90.

35. Шелестюк, Е. В. Опыт описания концептуального состава корпуса поэтических произведений о Великой Отечественной войне / Е. В. Шелестюк // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 208–216.

36. Boroditsky, L. Linguistic relativity / L. Boroditsky // Nadel L. Encyclopedia of cognitive science. London: Macmillan, 2003. P. 917–922.

37. Croft, W. Explaining Language Change: An Evolutionary Approach / W. Croft. London: Longman, 2000.

38. Evans, V. *Cognitive Linguistics: An Introduction* / V. Evans, M. Green. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2006. 830 p.
39. Keller R. *On Language Change: The Invisible Hand in Language* / R. Keller. London: Routledge, 1994.
40. Langacker, R. *Concept, Image, Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* / R. Langacker. 2nd ed. Berlin: Mouton de Gruyter, [1991] 2002.
41. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. 2 vol. / L. Talmy. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
42. Advego: Семантический анализ текста онлайн, seo-анализ текста. URL: <http://advego.ru/text/seo/>.
43. Istio: Семантический анализ текста онлайн. URL: <http://istio.com/rus/text/analyz/#top>.
44. TextAnalyst 2.0 – персональная система автоматического анализа текста. URL: <http://www.analyst.ru/index.php?lang=eng&dir=content/products/&id=ta/>.
45. Russkaya Dubrava. К 70-летию Победы. Стихотворения о войне // Русская дубрава: литератур. портал патриот. поэзии. URL: <http://literature.do.am/publ/9>.
46. Stikhi o vojne. Стихи о Великой Отечественной войне: сб. стихов // Мировая классика литературы: портал. URL: <http://bytiye.ru/temy/stikhi-o-vojne.html>.
47. Stixi-o-vojne. Стихи о войне 1941–1945 годов // Православие и мир: ежеднев. интернет-изд. URL: <http://www.pravmir.ru/stixi-o-vojne/>.
48. The Poetry of WWII // All Poetry. URL: <https://allpoetry.com>.
49. The Poetry of WWII // Poetry Foundation. URL: <https://www.poetryfoundation.org/articles/91359/the-poetry-of-wwii>.

Словари

50. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Наука, 1990.
51. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. проект, 2001. 990 с. (Единый гуманитарный мир / Культурология / Summa.)

Заключение

Настоящая монография сводит воедино важные лингвокультурологические и лингвоконцептуальные наработки в области русскоязычной и англоязычных лингвокультур. В первой части предпринято комплексное рассмотрение русского языка и культуры в пространстве современной коммуникации и духовных констант. Во второй части производится контрастивный анализ русской и англоязычных лингвокультур, выявляется универсальное и уникальное в лингвокультурах России, Великобритании и Америки, описывается исследование концептосфер русскоязычных и англоязычных текстов общей тематики (с применением автоматизированных методов). Важность монографии обусловлена своеобразным обобщающим вкладом в обозначенную проблематику, завершающим многолетние теоретические наработки и анализ эмпирического материала. Обозначая перспективу дальнейших штудий, следует отметить необходимость углубления рассмотренных направлений изучения лингвокультур и их диверсификации, а также использования эффективных автоматизированных методов качественной обработки материала.

Научное издание

ВОРОНЦОВА Татьяна Александровна
ГОЛОВАНОВА Елена Иосифовна
КОВАЛЕВА Ольга Николаевна
ПИТИНА Светлана Анатольевна
ШЕЛЕСТЮК Елена Владимировна

МИР ЯЗЫКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА:
ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Монография

Корректурa *О. Е. Шишмаренковой*
Верстка *О. Е. Шишмаренковой*

Подписано в печать 10.06.21.

Формат 60×84¹/₁₆.

Усл. печ. л. 14,0. Уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 500 экз. Заказ 267.

Цена договорная

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Издательство Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 576